ISSN 1810-1909

ВестниК
ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2020

Исторические науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор
А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора
Е.К. Минеева, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)

Члены редакционной коллегии
С.А. Арутюнов, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Е.С. Данилко, доктор исторических наук, профессор РАН (Россия, Москва)
И. Зимони, доктор наук, профессор (Венгрия, Сегед)
А.Г. Иванов, доктор исторических наук, профессор (Россия, Йошкар-Ола)
Т.Н. Иванова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
А. Каппелер, действительный член философско-исторического отделения Австрийской академии наук, доктор истории, университетский профессор (Австрия, Вена)
С.Ю. Михайлова, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)
Л.П. Репина, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)
А.К. Салмин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Россия, Санкт-Петербург)
О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Россия, Чебоксары)

Ответственный секретарь
Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, в базы данных ВИНИТИ РАН, Научную электронную библиотеку (elibrary.ru), электронную библиотеку «Cyberleninka», международную справочную систему «Ulrich's International Periodicals Directory», индексируется в базе данных «Российский индекс научного цитирования».

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Вестник Чувашского университета, 2020

ISSN 1810-1909

VestniK
CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2020

Historical Sciences

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Education
the Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief
A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief
E.K. Mineyeva, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board
S.A. Arutyunov, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
I.I. Boyko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Cheboksary, Russia)
E.S. Danilko, Doctor of Historical Sciences, RAS Professor (Moscow, Russia)
I. Zimoni, Doctor of Science, Professor (Szeged, Hungary)
A.G. Ivanov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)
T.N. Ivanova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
A. Kappeler, Full Member of the Division of Humanities and the Social Sciences of Austrian Academy of Science, Doctor of History, Professor (Vienna, Austria)
S.Yu. Mikhailova, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)
L.P. Repina, RAS corresponding member, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
A.K. Salmin, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher (St. Petersburg, Russia)
O.N. Shirokov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Executive Editor
N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included in the list of journals which are regarded as academic publications by the State Commission for Academic Degrees and Titles (VAK), in the Abstract Journal and VINITI databases, Ulrich's International Periodicals Directory, Scientific Electronic Library (elibrary.ru), Cyberleninka Electronic Library. The journal is indexed in Russian Science Citation Index.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary, Chuvash Republic, 428015, Russia
Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)
E-mail: vestnik210@mail.ru, vestnik@chuvsu.ru
http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm

© Vestnik Chuvashskogo Universiteta, 2020

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-5-11

УДК 392.8.
ББК 63.5 (2)

Е.Ю. АНИСИМОВА, И.Е. КАНЦЕРОВА

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ОБРЯДОВ ЧУВАШЕЙ ЦИЛЬНИНСКОГО РАЙОНА УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: *чуваши, трансформация, охранительные обряды, традиции, семья.*

Изучение семейно-бытовой обрядности как важнейшего канала передачи культурного наследия является традиционно актуальным для этнографической науки. В статье подробно рассмотрены семейно-бытовые охранительные обряды, продолжающие существовать в этнической среде чувашей Цильнинского района Ульяновской области. В основу статьи легли многолетние полевые исследования авторов, посвященные изучению семейной и бытовой обрядности, ее трансформации в современных социально-экономических условиях. Охранительные обряды рассматриваются в рамках жизненного цикла чувашской семьи: рождение, свадьба, похороны. Авторами установлено, что многие традиционные охранительные семейно-бытовые обряды сохранились, но вместе с тем приобрели современный характер. Наиболее устойчивыми в изучаемом контексте являются обряды похоронно-поминального цикла, наименее – свадебные. В статье зафиксирован уникальный материал, полученный от информаторов, касающийся описания современных обрядов, связанных со строительством дома, оставлением старого и перехода в новый. Проведенное исследование показало, что в настоящее время среди чувашского населения изучаемого региона продолжают существовать семейно-бытовые обряды, направленные на достижение здоровья, благополучия, достатка, имеющие цель избавиться от болезней, несчастий.

Одной из наиболее значимых проблем современной этнографической науки является изучение семейно-бытовой обрядности, которая является наиболее специфической и устойчивой чертой этноса, неотъемлемой частью жизни семьи и важнейшим каналом передачи культурного наследия. Важным элементом комплекса семейно-бытовой обрядности являются охранительные обряды, которые направлены на сохранение семейного благополучия, здоровья, предотвращение каких-либо несчастий, бед. Актуальность представленного исследования обусловлена прежде всего тем, что в современных социально-экономических условиях сфера бытования традиционной семейно-бытовой охранительной обрядности постоянно сужается: многие ее элементы исчезают, появляются новые, сокращается число носителей обрядности.

На основе существующих источников и практического материала нами была поставлена цель: проследить трансформацию семейно-бытовых охранительных обрядов чувашей Симбирского–Ульяновского Поволжья.

На протяжении десяти лет авторами собирался уникальный полевой материал по семейно-бытовой обрядности чувашского населения Цильнинского района Ульяновской области, который и лег в основу написания данной статьи.

Цильнинский район расположен на северо-востоке Ульяновской области, является территорией компактного проживания чувашского населения, доля которого составляет более 50% (рис. 1) [1. С. 13].

В области насчитывается 167 населённых пунктов, в которых преобладают чуваши: 37 однонациональных, 99 чувашско-русских, чуваши также образуют общие поселения с мордвой и татарами. Национальные чувашские сёла являются центрами сохранения и популяризации традиционной народной культуры [3. С. 85].

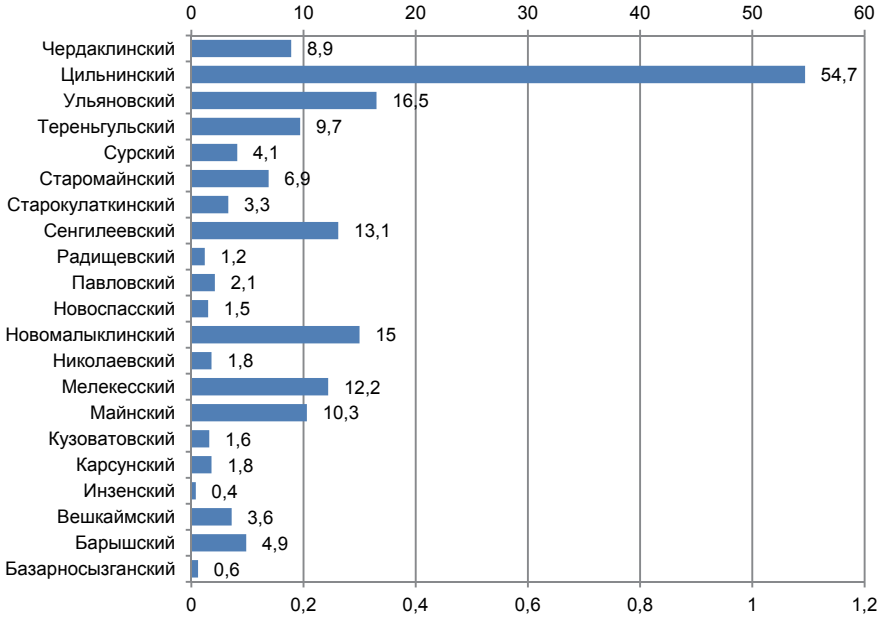

Рис. 1. Доля чувашского населения по муниципальным районам области, %
(составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

Наибольшее количество чувашских поселений расположено в Цильнинском районе: с. Богдашкино, д. Садки, п. Солнце, с. Верхние Тимерсяны, с. Кайсарово, с. Кундюковка, п. Клин, п. Новая Воля, п. Орловка, с. Нижние Тимерсяны, с. Новые Алгаши, д. Средние Алгаши, с. Чириково, с. Средние Тимерсяны, с. Старые Алгаши (рис. 2).

В более полном объеме комплекс семейных обрядов у чувашей бытовал вплоть до начала XX в., что было обусловлено длительным сохранением традиционного бытового уклада и форм чувашской семьи. В советский период в связи с повсеместной коллективизацией и борьбой с религией, которая тесно была связана с обрядностью, эта сфера народной культуры стала заметно сокращаться, что привело к тому, что за последние сто лет чувашская традиционная обрядовая культура, как и культура большинства российских народов, трансформировалась. Многие обряды были утрачены, но вместе с тем происходит появление новых, направленных на сохранение здоровья, благополучия и приумножение достатка, защиту от вредоносного действия злых сил, которые вошли в жизнь современной сельской чувашской семьи.

Семейно-бытовые охранительные обряды чувашей отличаются довольно сложной структурой. Они представляют собой сочетание религиозных представлений и поверий, магических действий и оберегов.

Традиционными чувашскими оберегами являются предметы, знаки, действия, слова, фразы, звуки.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующее определение: «Оберег, сев. заговоры, зачурания, слова и обряд от порчи, уроки; наговор, нашепты для разрушения или недопущения вредных чар; талисман, ладанка, привеска от сглазу, от огня, воды, змеи, падежа, порчи свадеб, болезней и пр.» [2. С. 579].

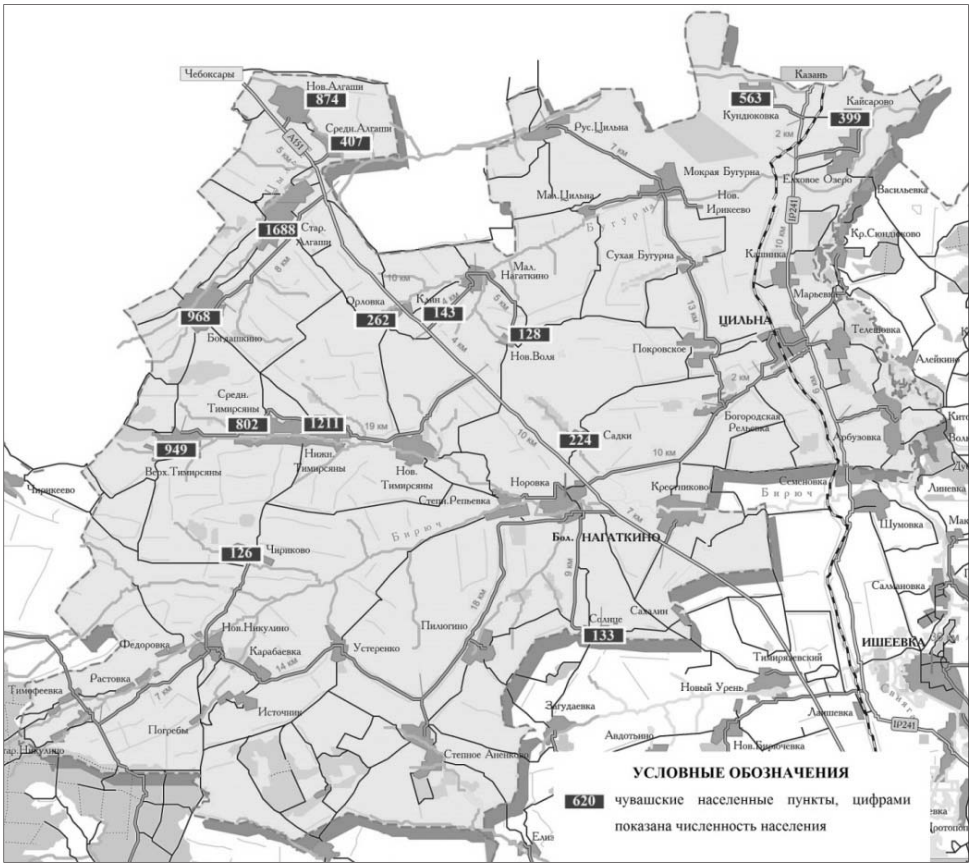

Рис. 2. Чувашские населенные пункты Цильнинского района
(составлено авторами по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)

Охранительные действия сопровождали весь жизненный цикл чуваша, начиная с рождения и до самой смерти.

Беременность и рождение ребенка сопровождались обрядами, сущность которых состояла в том, чтобы обеспечить безопасность матери и новорождённого, благоприятным образом повлиять на будущую судьбу ребенка. По воспоминаниям Карсаковой Лидии Васильевна (1954 г.р.), жительницы с. Большое Нагаткино [8], беременным запрещалось смотреть на уродливых людей, так как считалось, что ребенок может родиться некрасивым [13. С. 190].

Егорова Раиса Васильевна (1957 г.р.) из с. Богдашкино, рассказала, что обязательно за две недели перед родами надо было есть много сливочного масла, чтобы роды прошли легко. Присутствовать на похоронах было нежелательно, так как это могло привести к тому, что ребенок родиться «бледным». Если все же было необходимо присутствие беременной на похоронах, то она обязательно должна была иметь при себе красную вещь (нитку, платок, элемент одежды и др.) [7].

Новорожденного сорок дней никому не показывали, и обязательно мазали лоб сажей, в настоящее время сажу заменяют губной помадой красного цвета. Также сохраняется традиция защиты ребенка от злых духов с помо-

щью металлических предметов – ножниц, которые кладут в люльку. Считается, что ножницы обладают охранительной силой, они не допускают усалов – злых духов к колыбели [10. С. 118].

При купании младенца, как и прежде, в ванночку опускают серебряные изделия. Раньше данный обряд проводила повивальная бабка. Она купала новорожденного в корытце, куда опускала серебряную монету и сыпала соль. При этом приговаривала: «Будь богатым, пусть чужая злоба тебя не коснется» [11. С. 119].

Довольно интересным является обряд подбрасывания собаке выпавшего молочного зуба в мякише хлеба с пожеланием иметь такие же крепкие, как у собаки зубы. Данный обряд продолжает бытовать среди чувашей с. Старые Алгаши [6].

В старину в случае болезни ребенка в дом приглашали знахарку, которая читала заговоры и заклинания, ворожила с использованием огня и воды. Нередко родители сами снимали сглаз с младенца [9. С. 105]. В настоящее время чуваши с. Богдашкино также снимают сглаз с ребенка с помощью воды. Для этого стаканом с чистой водой водят над его головой и читают заклинание, затем ладонью, смоченной в этой воде, проводят три раза по телу ребенка, оставшуюся в стакане воду выливают на дорогу [7].

До сих пор свадебная обрядность цильнинских чувашей сопровождается действиями, направленными на обеспечение благополучия будущей семьи, защиты от сглаза и порчи. Большое внимание уделяется костюму новобрачных, обязательно к подолу платья невесты крепится булавка, к костюму жениха – иголка, рассказывает житель с. Старые Алгаши Уба Анатолий Николаевич (1957 г.р.) [6]. Утром перед свадьбой невеста обязательно умывается святой водой. Для того чтобы семья была крепкая, обязательно следят за тем, чтобы между женихом и невестой не встал «третий» человек [6].

Определенные обряды охранительного характера были связаны с похоронами. В них переплетались языческие и православные религиозные традиции, в основе которых было желание умилостивить умершего, уберечь живых от смерти. Чуваши Цильнинского района, как и прежде, стараются похоронить умершего до двух часов дня, после выноса покойника из дома моют пол от двери к красному углу, прощаясь с покойным, стараются прикоснуться к его ногам «чтобы не пугал» [7], обязательно занавешивают все зеркала и отражающие поверхности и не снимают в течение сорока дней, так как верят, что душа покойного все это время находится в доме. При возвращении с кладбища раньше обязательно топили баню, сейчас ограничиваются лишь мытьем рук и лица.

Интересен обряд подготовки к похоронам жителей с. Богдашкино. Егорова Раиса Васильевна (1957 г.р.) рассказывает: «Женщина обязательно шьет или покупает нарядное платье (светлое, в «цветочек»), которое необходимо надеть на родительскую субботу перед Троицей, затем это платье убирают в сундук, чемодан или шкаф и не надевают, если человек умер в течение года, то его обязаны одеть именно в то платье. Если женщина не умерла, то «прошлогоднее» платье становится повседневным, а к родительской субботе шьется новое, которое опять убирается и ждет назначенного времени. На голову усопшей надевают два платка: нижний, обычно белый, завязывают назад, верхний обязательно яркой расцветки завязывают узлом под подбородком. Костюм усопшего мужчины в советский период состоял из нательной ру-

башки и брюк, в пиджаках не хоронили, так как данный элемент был роскошью. Мужчине обязательно в карман рубашки или пиджака клали расческу, чтобы он мог на «том свете» причесываться. Если человек был глубоко грамотным и ученым, то ему в гроб клали ручку» [7].

Вещи новопреставленных и в настоящее время раздают близким, так как считают их оберегами, способствующими долголетию и здоровью [7].

Раньше при проводах умершего на кладбище к лошадиной сбруе прикрепляли колокольчики, которые своим звоном отпугивали нечистую силу, в настоящее время лишь некоторые чувашские семьи сохранили данную традицию.

Чуваши Цильнинского района бережно чтут традицию обязательного посещения кладбища и поминовения усопших в родительскую субботу перед Троицей, так как верят, что духи предков будут охранять семью в течение года от болезней, несчастий, бедности, и поэтому крайне важно «навестить» усопших в этот день [5–8].

Как отмечает житель д. Средние Алгаши Селендеев Василий Андреевич, чуваши-язычники обязательно на могильный холм ставят столик и скамеечку для покойного, кладут тарелку с ложкой и стакан, чтобы душа умершего была сыта и довольна и не вредила живым родственникам [5].

Охранительные обряды и предметы продолжают бытовать и в повседневной жизни современной чувашской семьи.

Приведем несколько примеров. Постройка нового дома в настоящее время также сопровождается обрядами охранительного характера. Чуваши д. Средние Алгаши, как и прежде, не строят дома на территории сгоревших домов, заброшенных бань, перекрестков и старых дорог, так как считают строительство в таком месте обречено на неудачу, и жильцы будут жить бедно и постоянно болеть. При выборе места строительства совершают следующий обряд, на ночь на месте постройки будущего дома оставляют каравай хлеба, обмазанный медом, на утро приходят и смотрят, какие насекомые прилипли к хлебу, если муравьи, пчелы, то это добрый знак, если мокрицы, пауки, то плохой. Также, никогда не строят, на месте где любят лежать гуси и утки, а вот лежбище крупнорогатого скота считается благоприятным [5].

До сих пор у чувашей Цильнинского района продолжает бытовать традиция закладывания монет в углы строящегося дома, с пожеланиями благополучия будущим жильцам дома. Монеты обязательно должны быть желтого цвета, так как символизируют золото и достаток [7]. С этой же целью раньше закладывали не только монеты, но и шерсть [4. С. 196].

Также продолжает бытовать вера в домового – Хертсурт. Многие чувашский семьи при оставлении старого дома проводят обряд переноса Хертсурт на новое место [12. С. 83]. Считается, что она обеспечивает благополучие в семье. Для этого обряда варят молочную кашу и оставляют ее на ночь в старом доме, на следующий день тарелку с кашей переносят в новый дом.

У всех чувашей рассматриваемого района существует негласный запрет на возведение крыши красного цвета, так это может привести к пожару.

Как отмечает Селендеева Мария Алексеевна, чувашские женщины д. Средние Алгаши проявляют скромность в ношении ювелирных изделий, надевая их только по праздникам, так как боятся «дурного глаза», зависти, и поэтому стараются не показывать излишний достаток и богатство [5].

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что в этнической среде чувашей Цильнинского района Ульяновской области про-

должают существовать семейно-бытовые обряды, направленные на достижение здоровья, благополучия, достатка, имеющие цель избавиться от болезней и несчастий. Наиболее устойчивыми являются охранительные обряды похоронно-поминального цикла. Обряды, связанные с рождением детей и свадьбой, подверглись наибольшей трансформации в связи с изменением социально-экономических условий жизни. Большинство традиционных охранительных предметов заменены на современные, которые бытуют в повседневном обиходе сельской чувашской семьи.

Литература

1. *Анисимова Е.Ю., Канцерова И.Е., Федоров В.Н., Шабалина Л.П.* Этнография народов Ульяновской области. Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2019. 149 с.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1881. Т. 2. 807 с.

3. *Идиатуллов А.К.* Этнокультурная и религиозная ситуация в Цильнинском районе Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 85–92.

4. *Медведев В.В.* Дом у чувашей: обряды строительства // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. ст., посвящ. 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». Самара: СГСПУ, 2016. С. 192–197.

5. Полевые материалы авторов, д. Средние Алгаши, Цильнинский район, 2010, 2020 гг.

6. Полевые материалы авторов, с. Богдашкино, Цильнинский район, 2019 г.

7. Полевые материалы авторов, с. Большое Нагаткино, Цильнинский район, 2015 г.

8. Полевые материалы авторов, с. Старые Алгаши, Цильнинский район, 2019 г.

9. *Ромашкин В.Ф., Федоров В.Н., Шабалина Л.П.* Чуваши Симбирского Поволжья. Ульяновск: Симбирская книга, 1998. 168 с.

10. *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей / ЧГИГН. Чебоксары, 1994. 339 с.

11. Чуваши: история и культура / под ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 2. 335 с.

12. Чуваши: этническая история и традиционная культура / авт.-сост.: В.П. Иванов, В.В. Николаев, В.Д. Дмитриев. М.: ДИК, 2000. 96 с.

13. *Шабалина Л.П.* Современная семья народов Среднего Поволжья: традиции и новации, этнические взаимовлияния. Ульяновск: УлГТУ, 2002. 322 с.

АНИСИМОВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (aniska73@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7824-6308).

КАНЦЕРОВА ИРАИДА ЕВГЕНЬЕВНА – старший преподаватель кафедры географии и экологии, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (iraida23@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0034-8547).

Elena Yu. ANISIMOVA, Iraida E. KANTSEROVA

TRANSFORMATION OF FAMILY AND HOUSEHOLD PROTECTIVE RITES OF THE CHUVASH IN TSILNINSKY DISTRICT OF ULYANOVSK REGION

Key words: *the Chuvash people, transformation, protective rites, traditions, family.*

The study of family and household rituals as the most important channel for transmitting cultural heritage is traditionally a highly topical issue for the ethnographic science. The article describes in detail the family and household protective rites that continue to exist in the ethnic environment of the Chuvash in Tsilninsky district of Ulyanovsk region. The article is based on long-term field authors research devoted to the study of family and household rites, its transformation in modern socio-economic conditions. Protective rites are examined within the life cycle of a Chuvash family: birth, wedding, funeral. The authors established that many traditional protective family and household rituals have been preserved, but at the same time they have acquired a modern character. Funeral and memorial rites are the most stable in the context under study, and wedding rites are the least stable. The article con-

tains a unique material received from informants concerning the description of modern rituals associated with building a house, leaving the old one and moving to the new one. The study showed that at present, among the Chuvash population of the studied region, family and household rites continue to exist, they are aimed at achieving health, well-being, prosperity, with the goal of getting rid of diseases and misfortunes.

References

1. Anisimova E.Yu., Kantserova I.E., Fedorov V.N., Shabalina L.P. *Etnografiya narodov Ul'yanovskoi oblasti* [Ethnography of the peoples of the Ulyanovsk region]. Ul'yanovsk, 2019, 149 p.

2. Dal V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 4 vols.]. St. Petersbeurg, Moscow, 1881, vol. 2, 807 p.

3. Idiatullov A.K. *Etnokul'turnaya i religioznaya situatsiya v Tsil'ninskom raione Ul'yanovskoi oblasti* [Ethnocultural and religious situation in the Tsilninsky district of the Ulyanovsk region]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 85–92.

4. Medvedev V.V. *Dom u chuvashei: obryady stroitel'stva* [House of the Chuvash: construction rituals]. In: *Prazdniki i obryady v Uralo-Povolzh'e: traditsii i novatsii v sovremennoi kul'ture: sbornik statei, posvyashchennyi 30-letiyu kafedry filosofii, istorii i teorii mirovoi kul'tury SGSPU i 15-letiyu GUSO «Dom druzhby narodov»* [Holidays and ceremonies in the Ural-Volga region: traditions and innovations in modern culture. A collection of articles]. Samara: SGSPU, 2016, pp. 192–197.

5. *Polevye materialy avtorov, d. Srednie Algashi, Tsil'ninskii raion, 2010, 2020 gg.* [Field materials of the authors, village Sredniye Algashi, Tsilninsky district, 2010, 2020].

6. *Polevye materialy avtorov, s. Bogdashkino, Tsil'ninskii raion, 2019 g.* [Authors' field materials, p. Bogdashkino, Tsilninsky district, 2019].

7. *Polevye materialy avtorov, s. Bol'shoe Nagatkino, Tsil'ninskii raion, 2015 g.* [Authors' field materials, p. Bolshoye Nagatkino, Tsilninsky district, 2015].

8. *Polevye materialy avtorov, s. Starye Algashi, Tsil'ninskii raion, 2019 g.* [Authors' field materials, p. Old Algashi, Tsilninsky district, 2019].

9. Romashkin V.F., Fedorov V.N., Shabalina L.P. *Chuvashi Simbirskogo Povolzh'ya* [Chuvash of Simbirsk Volga Region]. Ul'yanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1998, 168 p.

10. Salmin A.K. *Narodnaya obryadnost' chuvashei* [Chuvash folk rituals]. Cheboksary, 1994, 339 p.

11. Ivanov V.P., ed. *Chuvashi: istoriya i kul'tura* [Chuvash: history and culture]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2009, vol. 2, 335 p.

12. Ivanov V.P., Nikolaev V.V., Dmitriev V.D. *Chuvashi: etnicheskaya istoriya i traditsionnaya kul'tura* [Chuvash: ethnic history and traditional culture]. Moscow, DIK Publ., 2000, 96 p.

13. Shabalina L.P. *Sovremennaya sem'ya narodov Srednego Povolzh'ya: traditsii i novatsii, etnicheskie vzaimovliyaniya* [The modern family of the peoples of the Middle Volga region: traditions and innovations, ethnic mutual influences]. Ul'yanovsk, 2002, 322 p.

ELENA Yu. ANISIMOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (aniska73@list.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7824-6308).

IRAIDA E. KANTSEROVA – Senior Lecturer, Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (iraida23@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0034-8547).

Формат цитирования: *Анисимова Е.Ю., Канцерова И.Е.* Трансформация семейно-бытовых охранительных обрядов чувашей Цильнинского района Ульяновской области // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 5–11. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-5-11.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-12-27

УДК 336.74
ББК 63.3(2)

Ю.Ю. ГВОЗДКОВ

БИЛЕТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАЗНАЧЕЙСТВА И ИХ КУПОНЫ В КАЧЕСТВЕ ДЕНЕЖНЫХ СУРРОГАТОВ НА ТЕРРИТОРИИ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1922 ГОДАХ

Ключевые слова: *Первая мировая война, финансовая политика, денежный кризис, инфляция, билет государственного казначейства, купон, денежный суррогат, Симбирская губерния.*

В статье рассматриваются преобразования денежного обращения в России после начала ее участия в Первой мировой войне и факторы появления в нем через некоторое время суррогатов в виде билетов государственного казначейства и их купонов. Во второй половине 1917 г. начатая в стране при вступлении в войну политика восполнения расходов бюджета за счет денежной эмиссии в совокупности с ростом военных расходов и цен, упадком производства, а также с незначительностью поступления финансовых средств от налогов и займов привели в стране к острому недостатку наличных денежных знаков как в финансовых учреждениях, так и у населения. В создавшихся условиях центральные и региональные органы власти стали применять различные способы разрешения кризисной ситуации, где одним из таких способов стало использование наравне с кредитными билетами денежных суррогатов. Целью исследования являются установление причин, в силу которых в денежном обращении на территории Симбирской губернии и России в целом появились заменители денег в виде билетов государственного казначейства и их купонов, анализ сложившейся экономической ситуации и политики власти в отношении денег в докризисный период и после. Кроме того, рассматривается история появления в России билетов государственного казначейства. На основе статистических данных, экономических исследований и оценки процессов в денежном обращении доказывается, что финансовая политика, начатая дореволюционным (царским) правительством после вступления России в Первую мировую войну, а затем продолженная Временным и Советским правительствами, привела к денежному кризису. Отсутствие наличных финансовых средств не позволяло в полном объеме обеспечивать нужды армии, продолжать активные военные действия, финансировать государственные учреждения и производить обязательные выплаты, что вызывало недоверие к существующей власти. В таких обстоятельствах одним из оперативных способов найти деньги явилось использование наряду с кредитными билетами и денежными суррогатами билетов государственного казначейства и их купонов. Установленные в ходе исследования обстоятельства позволяют более полно раскрыть содержание происходивших в 1917–1918 гг. в Симбирской губернии и России в целом процессов в области денежного обращения, вводят в науку новые исторические факты.

Период истории России, начавшийся с ее участия в Первой мировой войне и окончившийся установлением советской власти, охватывает всего несколько лет. Однако в этот отрезок времени в России произошли кардинальные перемены, которые затронули все стороны существования государства, в том числе и денежное обращение.

23 июля 1914 г. министр финансов П.Л. Барк, выступая перед Советом министров, указал на необходимость ввиду объявления военных действий между Россией и Германией временно приостановить размен кредитных билетов на золотую монету и предоставить Государственному банку право на дополнительный выпуск бумажных денежных знаков на 1,2 млрд руб. [31. С. 221]. Именно в этот момент началась трансформация денежного обращения в России. В дальнейшем в ходе войны Государственному банку еще не раз предоставлялось право на дополнительную эмиссию кредитных билетов, что повлек-

ло за собой увеличение в обращении общей денежной массы. После того как в 1917 г. к власти пришло Временное правительство, необходимость в финансах резко возросла. С этого момента эмиссия бумажных денег стала основным источником восполнения дефицита бюджета. В ходе осуществления такой финансовой политики в конце лета – начале осени 1917 г. в денежном обращении наступил острый кризис, когда бумажных денег, несмотря на значительное увеличение их количества в ходе эмиссии, стало катастрофически не хватать. В таких обстоятельствах региональные и центральные органы власти на протяжении 1917–1918 гг. начали искать пути выхода из этого кризиса. Одним из способов разрешения дефицита финансовых средств явилось введение в обращение наравне с бумажными денежными знаками билетов государственного казначейства (БГК) и купонов от них, использовавшихся после этого в качестве денежных суррогатов до осени 1922 г.

Целью настоящей статьи являются установление и рассмотрение факторов, которые во второй половине 1917 г. привели в России к денежному дефициту, а также способов разрешения этой ситуации, включая введение в Симбирской губернии и в стране в целом в денежное обращение в качестве суррогатов билетов государственного казначейства и купонов к ним, анализ экономической ситуации, сложившейся в обозначенное время, и финансовой политики правительства в период, предшествующий расстройству денежного обращения, и в ходе него.

На сегодняшний день отдельного исследования обстоятельств введения в обращение и использования в качестве денежных суррогатов билетов государственного казначейства и их купонов не проводилось. Вместе с тем этот вопрос рассматривается в ряде работ о денежном обращении и финансовой политике правительств России в период с начала Первой мировой войны и до окончания гражданской войны. К таким работам следует отнести труды С.А. Далина [15] и А.Е. Денисова [18]. Не обошли этот вопрос в своих работах А.Н. Зак [20] и З.С. Каценеленбаум [26], анализируя преобразования в области финансов, свидетелями чего они явились.

Однако все вопросы финансовой политики, а также денежного обращения в России непосредственно перед революционными событиями 1917 г. и в период нескольких лет после них, все еще не раскрыты во всех аспектах, требуют дополнительных исследований.

В представленной статье определены и проанализированы наиболее важные стороны финансовой политики, действовавшей в России в 1914–1918 гг., которая повлекла за собой использование билетов государственного казначейства и купонов от них в качестве денежных суррогатов, обозначены соответствующие решения органов власти, регламентировавшие введение в денежное обращение наравне с деньгами БГК и их купонов.

Основой для исследования явились архивные материалы Государственного архива Ульяновской области, в которых содержаться сведения об использовании БГК и купонов от них в денежном обращении, сборники нормативных актов, регламентировавших сферу обращения денег в 1914–1922 гг., труды экономистов первой трети XX в., ставших очевидцами исследуемых событий.

В ходе проведенного исследования полученные сведения систематизировались и анализировались. Были использованы системный подход, сравнительный анализ и логическое обобщение полученных результатов.

Рассматривая вопрос использования БГК и их купонов в качестве денежных суррогатов, необходимо затронуть историю их возникновения и качественные характеристики, которые они имели.

В России билеты государственного казначейства появились 13 июля 1831 г., когда вышел манифест об их учреждении [32. С. 680–681]. В преамбуле данного манифеста было отражено, что необходимость выпуска БГК обусловлена чрезвычайными расходами, которые требуют изыскания средств для облегчения оборотов финансов. В соответствии с манифестом билеты выпускались на 30 млн руб. и сроком в 4 года. Каждый билет имел номинал в 250 руб. ассигнациями и годовую доходность в 4,32%. Билеты выпускались за подписью соответствующего должностного лица Государственного казначейства. Количество всех билетов делилось на 3 серии по 10 млн руб. каждая, что дало им название «серии». Процентный доход уплачивался владельцу билета при его предъявлении в любом казначействе. Как следовало из манифеста, билеты государственного казначейства принимались во все платежи, кроме «кредитных установлений». Помимо этого допускался оборот билетов между частными лицами с зачетом процента дохода по взаимному соглашению.

Прием во все платежи и возможность обращения среди частный лиц были характерными для всех последующих выпусков БГК.

Таким образом, уже с момента учреждения билеты казначейства, будучи ценной бумагой, взяли на себя некоторые функции денег. При этом эти билеты были удобными в хождении среди населения, поскольку, принося прибыль в виде годового дохода, они обращались фактически как денежные знаки, не будучи таковыми. Необходимо отметить, что данные билеты казначейства еще не имели при себе купонов.

После этого выпуск билетов государственного казначейства стал практически постоянным. В период с 1831 по 1840 г. таких билетов было выпущено на 100 млн руб. (10 серий) [18. С. 21].

В ходе дальнейших выпусков новых серий БГК происходило их изменение как по внешнему виду, так и по существенным характеристикам: номиналу, годовой доходности, периоду выплаты процентов дохода, государственному учреждению, на которое возлагались изготовление и учет билетов.

Так, 12 апреля 1840 г. вышел Именной указ о выпуске новых разрядов (серий) билетов государственного казначейства [33. С. 282–283]. Как следовало из этого указа, новые билеты на сумму в 3 млн руб. серебром выпускались для увеличения количества «легкоподвижных» денежных знаков и подкрепления оборотов Государственного казначейства. Достоинство данных билетов было в 50 руб. серебром, что отличало их от предыдущих выпусков. Годовая доходность их была также в 4,32%.

Купоны у билетов государственного казначейства появились только в 1860 г. 8 июня 1860 г. было утверждено положение о новых пяти разрядах (сериях) билетов государственного казначейства [34. С. 727–728]. Согласно этому положению новые разряды билетов на 3 млн руб. серебром каждый выпускались на 8 лет. Все билеты имели при себе 8 купонов для уплаты годовых процентов дохода. Несмотря на внесенные изменения, номинал и доходность БГК остались прежними.

11 октября 1883 г. было утверждено очередное положение о выпуске новых разрядов билетов государственного казначейства, в соответствии с которым БГК стали выпускаться достоинством в 50 и 100 руб. серебром [35. С. 412–413].

Положением от 2 декабря 1894 г. проведение операции по выпуску билетов государственного казначейства, а также ведение отчетности по ним возлагалось на Государственную комиссию погашения долгов [36. С. 664].

Согласно положению о выпуске билетов государственного казначейства, утвержденному 30 июля 1904 г., БГК выпускались на 4-летний срок сериями по 25 млн руб. каждая и с годовой доходностью в 3,6% [37. С. 832–833]. При этом доход стал выплачиваться через период в полгода: 1 февраля и 1 августа.

С учетом вышеуказанных положений выпуск билетов государственного казначейства дошел до периода времени, который предшествовал непосредственно началу Первой мировой войны.

После того как в 1914 г. Россия вступила в войну, стали осуществляться военные выпуски БГК. Первый такой выпуск билетов был осуществлен в соответствии с указом от 22 августа 1914 г. [3. С. 160–162]. Как следовало из нормативного акта, билеты в сериях 439-450 достоинством в 50 и 100 руб. выпускались для увеличения средств государственного казначейства в связи с участием в войне. Доходность по этим билетам составляла 4% в год.

В Симбирское отделение Государственного банка циркуляр о выпуске военных серий билетов государственного казначейства был направлен только 2 сентября 1914 г. [7. Л. 25]. В данном циркуляре давалось подробное описание новых билетов казначейства и условий их выпуска, а также регламентация реализации.

В Симбирское отделение Государственного банка и приписанные к нему казначейства в 1914 г. БГК как довоенных серий, так и военного выпуска поступили в сравнении с денежным приходом за этот же период в несколько десятков миллионов рублей в незначительном объеме и в существенной части (на общую сумму в 92 400 руб.) перешли по балансу на следующий год [9. Л. 37об.–38, 40об.–42]. В количестве, имеющем значение для финансовых оборотов в регионе, билеты государственного казначейства в Симбирскую губернию стали поступать только в 1915–1916 гг.

Дореволюционным (царским) правительством в 1914–1916 гг. билеты государственного казначейства выпускались номиналом в 25, 50, 100 и 500 руб. За данный период было выпущено 36 серий на общую сумму в 900 млн руб. [18. С. 22]. Основными целями выпуска билетов являлись подкрепление средств казначейства и восполнение военных расходов. Вместе с тем некоторые серии (451, 474, 475–477) выпускались для замены довоенных серий билетов, которые имели более низкий процент годового дохода (3,6%) [18. С. 43–47].

В 1915 г. в Симбирское отделение Государственного банка и приписанные к нему казначейства поступило уже 20 005 билетов государственного казначейства военных выпусков различного номинала на общую сумму в 1 191 419 руб., которые в течение года в большей части поступили в финансовый оборот [8. Л. 28–33]. Одновременно через отделение банка и казначейства происходила реализация серий БГК довоенного периода времени. В течение 1915 г. в казначейства г. Симбирск и Симбирской губернии поступило для реализации 2222 таких билета различного номинала на общую сумму в 134 850 руб. [9. Л. 40об.–42]. Здесь нужно учитывать, что некоторая часть этих билетов была заменена БГК военных выпусков. По отчетам Симбирского отделения Государственного банка уже на 1 января 1916 г. серии БГК довоенных выпусков отсутствовали в казначействах города и губернии [12. Л. 41–43]. Однако на этот момент в региональном отделении Государственного банка имелось

364 билета государственного казначейства довоенного времени на общую сумму в 21 000 руб. Помимо этого в отделении банка было в наличии 5554 оставшихся от поступлений в предыдущий год серии БГК военных выпусков на общую сумму в 559 850 руб. [12. Л. 39–40].

На протяжении 1916 г. в Симбирское отделение Госбанка поступали серии БГК довоенного периода времени и БГК военных выпусков. Так, в этот период времени в отделение банка поступило 1689 довоенных билетов казначейства различного номинала на общую сумму в 52 250 руб. и 28 686 билетов серий военных выпусков на общую сумму в 915 010 руб. [12. Л. 39–40]. На 1 января 1917 г. в региональном отделении банка осталось 246 довоенных билетов казначейства на общую сумму в 12 350 руб. и 3936 билетов казначейства военных выпусков на общую сумму в 623 625 руб. [12. Л. 39–40].

В соответствии с финансовым отчетом на 1 января 1916 г. в казначействах г. Симбирск и Симбирской губернии имелось 2453 билета государственного казначейства военных выпусков на общую сумму в 143 725 руб. [12. Л. 41–43]. В течение 1916 г. в казначейства поступило 903 довоенных БГК на общую сумму в 53 450 руб. и 22 678 БГК военных выпусков на общую сумму в 715 000 руб. [12. Л. 41–43]. К 1 января 1917 г. в казначействах региона в наличии имелось только 13 довоенных билетов государственного казначейства на общую сумму в 950 руб. и 1652 билета казначейства военных выпусков на общую сумму в 121 075 руб. [12. Л. 41–43].

Таким образом, в период с сентября 1914 г. до января 1917 г. в Симбирское отделение Государственного банка и приписанные к нему губернское и уездные казначейства поступило билетов государственного казначейства на общую сумму более 3 млн руб. В 1918 г. в Симбирской губернии в связи с противодействием банковских служащих советской власти отчетность по предыдущему году, в том числе и по поступлениям БГК, не составлялась, однако если билеты казначейства и поступали, то в незначительном количестве, что существенно не меняет их общий объем в регионе.

До момента начала участия в Первой мировой войне Россия имела сбалансированную финансовую систему и бездефицитный бюджет. В 1913 г. общий доход бюджета составил 3452,5 млн руб., а государственные расходы потребовали только 3383 млн руб. [25. С. 10]. При этом из-за превышения доходов над расходами у Государственного казначейства образовался денежный запас в размере более 514 млн руб. [17. С. 4–5]. Кроме того, денежное обращение в стране после реформы 1895–1897 гг. основывалось на имеющемся у Государственного банка золоте, которым покрывалось более 90% бумажных денежных знаков. Так, на 1 июля 1914 г. кредитных билетов в обращении внутри страны находилось на 1630,4 млн руб., и в это же время у Государственного банка в России имелось золота на 1599,7 млн руб. [30. С. 65, 67].

Непосредственно перед войной внутри России кроме кредитных билетов в обращении находились монеты из золота на сумму в 494,5 млн руб., монеты из высокопробного серебра на 122,7 млн руб., монеты мелкого номинала из серебра на 103,1 млн руб. и медные монеты на 18,1 млн руб. [29. С. 173]. В таких обстоятельствах денежная система России была вполне устойчивой.

Однако данная ситуация после того, как Россия вступила в Первую мировую войну, переменилась. Участие государства в войне всегда влечет за собой значительные финансовые расходы, а также преобразование всей системы финансов, существенно затрагивает денежное обращение, что не яви-

лось исключением для России. Здесь необходимо отметить, что понимание этого обстоятельства в России было уже в самом начале войны.

Высочайший Манифест «Об объявлении военных действий между Россией и Германией» был провозглашен 20 июля 1914 г. [3. С. 7–8], а уже 23 июля 1914 г. Совет министров заслушал доводы министра финансов А.П. Барка о необходимости в связи с войной временно приостановить размен кредитных билетов на золотую монету и предоставить Государственному банку право дополнительно выпустить кредитных билетов на 1,2 млрд руб. [31. С. 221]. С учетом вышеуказанных положений, которые были поддержаны правительством и утверждены императором Николаем II, 27 июля 1914 г. был принят закон «О некоторых мерах финансового характера ввиду обстоятельств военного времени», приостановивший размен кредитных билетов на золото [3. С. 51–52]. Помимо этого Государственный банк получил право выпуска дополнительного количества кредитных билетов, которые не покрывались золотом. До того момента, как Россия приняла участие в войне, Государственный банк имел право выпустить таких кредитных билетов на сумму до 300 млн руб. Теперь банк мог выпустить бумажных денежных знаков на общую сумму в 1,5 млрд руб. В дальнейшем Государственному банку право на эмиссию продлевалось еще 4 раза. В итоге на февраль 1917 г. право банка по денежной эмиссии было расширено до 6,5 млрд руб. [25. С. 42]. Такие решения были обусловлены только необходимостью восполнения дефицита бюджета в связи с участием страны в военных действия, что проявилось практически сразу после их начала.

На бюджете России в ходе войны сказалось и то обстоятельство, что с момента начала мобилизации страна фактически недополучила треть доходов, которые ранее давала казенная винная монополия [17. С. 5–6]. Если до войны 27,9% всех обыкновенных поступлений в бюджет давала именно эта монополия, то с началом проведения мобилизационных мероприятий были введены ограничения на продажу спиртной продукции [28. С. 16], а 22 августа 1914 г. Высочайшим повелением до окончания военных действий был продлен запрет на продажу спирта, вина и водочных изделий для местного употребления [3. С. 170–171].

По финансовым итогам 1914 г. в его второй половине доходы оказались меньше на 674,2 млн руб. по сравнению с таковыми за аналогичный период 1913 г. [17. С. 8–9]. Падение доходов, помимо их сокращения от казенной винной монополии, было обусловлено существенным снижением таможенных платежей, перевозок по железным дорогам и уменьшением общего объема коммерческих перевозок [17. С. 9].

Практически с самого начала войны из денежного обращения начали исчезать монеты из металла, которые в своей массе составляли около 30% всех находившихся обращении денег [30. С. 4]. Избегая денежного кризиса, правительство было вынуждено заменить деньги из металла на деньги из бумаги. В 1916 г. в обращении фактически находились только разного вида бумажные деньги. Монеты, особенно из золота и высокопробного серебра, в это время населениям были припрятаны в качестве средств накопления и в дальнейшем в обращение поступали в редком случае.

Вышеуказанные факторы привели к тому, что правительство стало использовать в полном объеме денежную эмиссию, ставшую основным источником восполнения расходов бюджета. В результате этого Россия фактиче-

ски перешла от золотого монометаллизма к бумажному денежному обращению. На 1 марта 1917 г. в России денежных знаков в обращении находилось на сумму около 10 млрд руб. [30. С. 9], что в несколько раз было больше по сравнению с довоенным периодом.

Однако с марта 1917 г., после того как к власти пришло Временное правительство, ситуация с финансами в стране по сравнению с предшествующим военным периодом резко ухудшилась. Изыскивая финансовые ресурсы для продолжения войны, перестроения институтов власти, обязательных платежей, новое правительство было вынуждено пойти по тому же пути, что и предыдущее правительство, а именно: неоднократно увеличивать эмиссионное право Государственного банка по выпуску бумажных денег. За весь период существования Временного правительства такие решения принимались пять раз. Указом от 6 октября 1917 г., который был последним в этом ряду решений, Государственный банк получил право выпустить бумажных денежных знаков на сумму до 16,5 млрд руб. [30. С. 10]. При этом все время имел место номинальный прирост эмиссии. Если в 1916 г. максимальный прирост эмиссии был чуть больше 6%, то в августе 1917 г. он был уже 10,8%, а в октябре вырос до 15,5% [27. С. 121]. Денежная масса в этот период времени увеличивалась ежемесячно. На 1 сентября 1917 г. в обращении одних только кредитных билетов находилось на сумму в 14 776,6 млн руб. [30. С. 76]. В это же время в стране обращалось огромное количество разменных марок и казначейских разменных знаков. Такие темпы роста общей денежной массы на фоне падения производства и перехода крестьянства к натуральному хозяйству обусловили увеличение роста цен больше, чем возрастание эмиссии. Со второго месяца деятельности Временного правительства рост цен стал опережать рост эмиссии в 2-3 раза, а в июне – уже в 4 раза [2. С. 10].

Несмотря на денежные эмиссии, в середине 1917 г. возникла кризисная ситуация, обусловленная острой нехваткой денег. Их не хватало не только в финансовых учреждениях, но и у населения страны. Здесь сказалось много факторов, но особенно повлияли рост расходов, связанных с участием в войне, ухудшение торгового баланса, незначительное поступление налогов и недостаток финансовых средств, полученных в ходе займов.

Поскольку ситуация с деньгами затрагивала все слои населения, влияла на различные аспекты текущей жизни, средства массовой информации, какими являлись газеты, не оставляли без внимания данное обстоятельство, отслеживая все обсуждения ситуации с деньгами в правительстве и других структурах власти. Это в полной мере касалось и провинциальных газет. 1 августа 1917 г. в газете «Симбирское слово» было дано сообщение о том, что 30 июля 1917 г. на особом совещании в министерстве финансов России в целях сокращения оборота денег в стране и увеличения их запаса на рынке министру финансов было предложено усилить выпуск денег крупных купюр и усилить оборот серий билетов государственного казначейства [39. С. 2]. 4 августа 1917 г. «Симбирская народная газета» привела данные о том, что в министерство финансов России массово поступили сведения о недостатке в регионах бумажных денег, в связи с чем им было определено немедленно принять ряд мер, направленных на сокращение оборота денег в стране и на увеличение запаса денег на денежном рынке, в том числе путем увеличения количества денежных суррогатов в виде билетов государственного казначейства [40. С. 2]. Вышеуказанные сообщения указывают на то, что уже в начале

августа 1917 г. была обозначена перспектива использования в качестве денежных суррогатов билетов государственного казначейства.

О кризисе с финансами в этот момент времени свидетельствуют и результаты заседания Временного правительства от 4 августа 1917 г. [1. С. 225–229]. В ходе данного заседания правительством были приняты к руководству основные положения финансово-экономической политики, которые были направлены на сокращение государственных расходов, усиление налогов и повышение пошлин с целью приведения бюджета в «равновесие».

Сентябрь 1917 г. также характеризовался поступлением в министерство финансов многочисленных данных из региональных финансовых учреждений об отсутствии у них необходимого количества денег, включая денежные знаки мелкого достоинства [20. С. 4]. В результате усиленной работы в Экспедиции заготовления государственных бумаг довелось довести выпуск денежных знаков до 2000–2300 тыс. листов на сумму 20–30 млн руб. в сутки [43. С. 8]. Однако принятых мер было недостаточно для удовлетворения спроса на деньги. Кроме этого, на доставке денег в регионы сказались перебои в работе железнодорожного транспорта.

В сложившихся условиях Государственный банк для экономии денежных знаков и более широкого распространения денежных суррогатов рекомендовал своим учреждениям выдавать и принимать взамен денег билеты Государственного казначейства (серии) с начислением текущих процентов по купонам [20. С. 6]. После этого билеты государственного казначейства были фактически введены в денежное обращение наравне с другими денежными знаками.

Уже 9 сентября 1917 г. в газете «Известия Симбирского губернского исполнительного комитета» было опубликовано официальное объявление Симбирского губернского комиссара Временного правительства Ф.А. Головинского, из которого следовало, что билеты Государственного казначейства подлежат приему в уплату наравне с другими денежными знаками [21. С. 1]. Из этого же объявления следовало, что данные билеты обеспечиваются всем достоянием России наравне с кредитными билетами, а отказ в их приеме создает трудности в денежном обращении, ведет к излишним выпускам денег.

Указанное объявление публиковалось в каждом выпуске газет «Известия Симбирского губернского исполнительного комитета» и «Симбирская народная газета» до 23 сентября 1917 г., после чего в этих газетах губернским комиссаром Ф.А. Головинским было размещено новое официальное объявление [22. С. 1; 41. С. 1]. В этом объявлении доводилось до сведения населения Симбирской губернии, что серии билетов государственного казначейства, которые ввиду отсутствия денежных знаков выпускались Государственным казначейством и Государственным банком, обращались наравне с кредитными билетами, в связи с чем подлежали приему в платежи как учреждениями, так и частными лицами. БГК обменивались Государственным банком наравне с крупными кредитными билетами. Кроме этого, билеты казначейства приносили по купонам доход в 4% в год, в связи с чем эти проценты должны были уплачиваться при расчетах. Сведения о стоимости билетов государственного казначейства подлежали ежедневной публикации в газетах и должны были вывешиваться в банках. Помимо этого в объявлении указывалось, что отказ в приеме билетов являлся действием против Временного правительства, родины и революции, и предлагалось в случае таких отказов доводить об этом до сведения автора объявления.

Несмотря на то, что в объявлении губернского комиссара Ф.А. Головинского указывалось на БГК с доходом в 4%, фактически в денежное обращение вводились билеты казначейства довоенных серий с доходностью и в 3,6%, которые не были заменены и в относительно большом количестве находились у населения и в учреждениях губернии.

В официальной переписке финансовых учреждений Сибирской губернии на начало сентября 1917 г. также отражалось то обстоятельство, что билеты государственного казначейства находились в денежном обращении наравне с кредитными билетами [14. Л. 1–1об.].

За время нахождения Временного правительства у власти дважды принимались решения о выпуске билетов государственного казначейства. 25 июля 1917 г. на заседании правительства было принято постановление о выпуске нового разряда билетов государственного казначейства [1. С. 141]. В соответствии с положением о новом выпуске билетов, серия № 478 была в 25 млн руб. и выпускалась на 4 года. Достоинство билетов определялось в 25, 50, 100 и 500 руб. [5. Л. 141–144об.]. Поскольку финансовая обстановка все более усложнялась, 9 августа 1917 г. Временным правительством было принято постановление о предоставлении министру финансов права на выпуск в обращение по мере надобности в сроки по его усмотрению до 4 новых разрядов (серий) билетов государственного казначейства на общую сумму до 100 млн руб. с ежегодным доходом в 4,8% [1. С. 273]. Согласно положению о новых сериях (№ 479–482), достоинство билетов определялось 50 и 100 руб. Все остальные условия выпусков билетов Государственного казначейства в 1917 г. были такими же, что и предыдущих военных выпусков билетов [6. Л. 46–48]. Вместе с тем в настоящее время достоверно не установлен факт выпуска Временным правительством этих БГК и использования их в качестве заменителей денег.

С учетов всех выпусков на начало осени 1917 г. билетов государственного казначейства было изготовлено на общую сумму около 1 млрд руб. [26. С. 243]. После того как было принято решение об использовании данных билетов в качестве денежных суррогатов, они стали использоваться уже в новом качестве. В Симбирской губернии с сентября 1917 г. в обращение наравне с кредитными билетами и другими видами бумажных денежных знаков суррогаты в виде билетов государственного казначейства были введены на общую сумму около 3 млн руб. Здесь необходимо отметить, что в конце 1917 г. – начале 1918 г. в денежное обращение в регионе поступили также суррогаты в виде облигаций «Займа Свободы 1917 года» на общую сумму (без учета купонов) почти в 7 млн руб. [11. Л. 18–19]. Такие решения об использовании заменителей денег позволили в короткий срок разрешить в некоторой части денежный кризис в Симбирской губернии. При этом указанные объемы денежных суррогатов, вводясь в денежное обращения в очень небольшой отрезок времени, оказали существенное влияние на стабилизацию ситуации в области денежного обращения в Симбирской губернии. Кроме того, значительность сумм указанных выше денежных суррогатов для региона дает их сравнение с объемом наличных денежных средств в региональном отделении Госбанка, губернском и уездных казначействах в относительно стабильный для финансовой системы страны период времени. На 1 января 1917 г., т.е. на тот момент, когда еще не стоял остро вопрос нехватки денег, в Симбирском отделении Государственного банка и приписанных к нему казначействах, несмотря на их денежный оборот в течение 1916 г. в объеме свыше

260 млн руб., бумажных денежных знаков в виде кредитных билетов, разменных марок и казначейских знаков имелось на сумму только в 923 702 руб. [12. Л. 8]. Вместе с тем разрешение денежного кризиса путем использования значительных объемов заменителей денег вело к увеличению общей денежной массы в регионе, что способствовало инфляционным процессам, еще больше разбалансировало финансовую систему страны.

После революционных событий в октябре 1917 г., когда у власти встало Советское правительство, перед ним также обозначился вопрос разрешения денежного кризиса, который многократно усилился. На тот момент экономика страны пришла в упадок, налоги перестали поступать, а цены выросли. Имело место и противостояние новой власти работников банков и казначейств. В таких условиях, стремясь укрепить свое положение и изыскать крайне необходимые денежные ресурсы, новая власть приняла ряд нормативных актах, направленных на установление контроля над финансами. Одним из первых таких актов стал декрет ВЦИК от 14 декабря 1917 г. о национализации банков [16. С. 225–230]. 23 декабря 1917 г. СНК был принят нормативный акт, направленный на приостановку оплату купонов процентных бумаг и запрет любых сделок с ценными бумагами [16. С. 285]. 21 января 1918 г. декретом ВЦИК аннулировались с 1 декабря 1917 г. все государственные и иностранные займы, что освобождало правительство о необходимости поиска денег для выплат по ним [16. С. 386–387]. При этом решение от 21 января 1918 г. прямо регламентировало нахождение билетов государственного казначейства в денежном обращении, определив то, что эти билеты «остаются в силе» без оплаты по ним процентов дохода и имеют хождение наравне с кредитными билетами. Фактически к обращению были приняты билеты серий № 432–475 [18. С. 22]. В это же время продолжалась эмиссия денежных знаков. Если на 23 октября 1917 г. в обращении находилось денежных знаков на сумму в 18 917 млн руб., то к 1 марта 1918 г. эта сумма увеличилась уже до 29 600 млн руб. [26. С. 228].

Несмотря на принятые меры, денег и их заменителей в обращении продолжало не хватать. В сложившихся обстоятельствах в Народном (Государственном) банке было принято решение об использовании наряду с деньгами купонов государственных процентных бумаг. После этого 3 марта 1918 г. исполняющим дела управляющего указанного банка было объявлено всем гражданам республики о том, что купоны всех процентных бумаг сроком по 1 декабря 1917 г. имеют хождение наравне с кредитными билетами, о чем сразу во все отделения и учреждения банка были направлены соответствующие циркуляры [38. С. 6].

С учетом вышеуказанных положений в регионах России, включая Симбирскую губернию, местными властями были приняты соответствующие решения об обращении наравне с другими денежными знаками билетов государственного казначейства (серий) и их купонов, подлежащие доведению до сведения населения.

Уже 9 марта 1918 г. в «Известиях Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» было опубликовано обязательное постановление Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов [23. С. 1]. Из указанного решения следовало, что ввиду недостатка кредитных билетов все граждане губернии, правительственные и частные учреждения были обязаны принимать в уплату наряду с другими государственными процентными бумагами серии государственного казначейства всех достоинств,

имеющие хождение наравне с кредитными билетами по нарицательной стоимости. Кроме того, принимались купоны БГК со сроком уплаты до 1 декабря 1917 г. В постановлении также указывалось, что лицо, отказавшееся принять данные бумаги, привлекается к ответственности как виновное в стремлении к разрушению финансовой системы Советской Федеративной Республики.

Подтверждая ранее принятые решения, 19 марта 1918 г. Народный банк направил во все свои отделения и казначейства циркулярную телеграмму, где повторно указывалось на то, что билеты казначейства всех номиналов и их купоны со сроком оплаты по 1 декабря 1917 г. имеют хождение наравне с кредитными билетами [38. С. 6].

Несмотря на вышеуказанные решения, носящие обязательный характер, имели место факты, когда граждане и отдельные учреждения отказывались принимать в уплату денежные суррогаты, включая билеты государственного казначейства и купоны от них. Данное обстоятельство потребовало от Народного (Государственного) банка дополнительных разъяснений для населения страны. 26 апреля 1918 г. Центральным управлением банка во все отделения был направлен список со всеми государственными процентными бумагами, купоны которых со сроками с 1 января 1908 г. по 1 декабря 1917 г. включительно, имели хождения наравне с кредитными билетами, где были также отмечены билеты государственного казначейства [38. С. 6]. В данном списке определялся прием купонов перечисленных процентных бумаг по их номинальной цене.

В циркуляре от 9 мая 1918 г. Народный банк дал разъяснения о том, что БГК могут находиться в денежном обращении как с купонами, так и без них, и регламентировал при выпуске билетов в обращение отрезать у них купоны в конторах, отделениях банка и казначействах [38. С. 7].

Рассматривая денежное обращение России указанного периода времени, необходимо отметить, что на апрель 1918 г. на территории, подконтрольной Советскому правительству, находилось денежных суррогатов на сумму около 5 млрд руб. В это же время в обращении находилось кредитных билетов и казначейских знаков на сумму около 30 млрд руб. [44. С. 73].

8 июня 1918 г. в г. Самара власть перешла к Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания (Комучу) [19. С. 141–142], а 22 июля 1918 г. войсками Комуча был захвачен г. Симбирск [19. С. 201]. С этого момента и до освобождения через несколько месяцев войсками Советского правительства в г. Симбирск и захваченной части губернии осуществлялась финансовая политика Комуча, которая регламентировала и вопросы денежного обращения.

28 июля 1918 г. в выходящей в г. Симбирск газете «Возрождение» Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания было опубликовано распоряжение, в котором приводились его требования в области денежного обращения [4. С. 1]. В данном распоряжении, помимо указаний на отмену национализации банков и аннулирование займов, отражалось то, что билеты государственного казначейства (серии), имеющие все досрочные купоны, а также без купонов, но снабженные штемпелем Самарской конторы Государственного банка, имели обращение наравне с денежными знаками по их номинальной стоимости. При этом билеты с отрезанными купонами и без штемпеля должны были приниматься с удержанием стоимости недостающих купонов, срок оплаты которых еще не наступил. Помимо этого указывалось, что купоны всех государственных процентных бумаг по наступлении срока оплаты также имели хождение наравне с денежными знаками. Купоны с надписью на них об отсут-

ствии удержания казенного налога принимались по полной стоимости, а купоны, обложенные 5%-ным налогом, принимались с удержанием 5 коп. с 1 руб. Это распоряжение, как в нем было указано, вступило в законную силу со дня его опубликования и носило обязательный характер для всех учреждений и частных лиц, находящихся в г. Симбирск и Симбирской губернии.

В дальнейшем, когда территория Симбирской губернии была уже освобождена от войск Комуча, 16 июня 1919 г. Народный банк направил во все отделения, конторы и казначейства циркуляр о том, что выпущенные в обращение контрреволюционными учредительным и другими комитетами аннулированные купоны процентных бумаг являются незаконными платежными средствами, в связи с чем они не могут приниматься в платежи и подлежат изъятию без оплаты [10. Л. 23–23об.].

Вышеуказанное распоряжение исключало обращение на территории страны, включая Симбирскую губернию, купонов БГК, которые были допущены Комучем. Однако уже 8 декабря 1918 г. Народный банк в своем циркуляре конторам, отделениям и казначействам подтвердил нахождение в денежном обращении купонов со сроками платежа только с 1 января 1908 г. по 1 декабря 1917 г. [13. Л. 170–171].

Использование в обращении, в том числе и на территории Сибирской губернии, в 1918–1919 гг. билетов государственного казначейства и купонов от них, было обусловлено также недостатком наличных денежных средств, особенно мелкого номинала. Данное обстоятельство получило отражение в многочисленных сообщениях и заметках в газетах того времени. Так, 31 декабря 1918 г. в «Известиях Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» была опубликовано сообщение, в котором указывалось на недостаток в г. Симбирск и уездах губернии денег мелкого достоинства [24. С. 4].

В денежном обращении, в том числе и в Симбирской губернии, билеты государственного казначейства и их купоны в качестве суррогатов находились до 1 октября 1922 г. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров от 8 сентября 1922 г. «Об установлении однородности денежного обращения» после 1 октября 1922 г. БГК и купоны от них потеряли свою платежную силу, не принимались к платежам и обмену на новые денежные знаки [42. С. 1319–1320].

Анализ всех приведенных событий показывает, что введение в денежное обращение наравне с деньгами билетов государственного казначейства и их купонов было обусловлено только экономическими причинами. Выпуски различных видов бумажных денежных знаков, к которым было вынуждено прибегнуть для восполнения дефицита бюджета, вызванного военными расходами, дореволюционное (царское) правительство, чем затем воспользовалось и Временное правительство, привели к росту общей денежной массы, возникновению гиперинфляции. К концу лета – началу осени 1917 г. в результате возрастания военных расходов, падения производства и роста цен наступил денежный кризис, когда денег, особенно мелкого и среднего достоинства, не стало хватать в обращении. Данная ситуация порождала недоверие к власти. В этих условиях региональные и центральные органы власти, изыскивая оперативные способы разрешения кризиса с денежными знаками, были вынуждены принимать решения об использовании в обращении наравне с бумажными деньгами всевозможных суррогатов, включая билеты государственного казначейства и их купоны. В результате этого в сентябре 1917 г.

в Симбирской губернии были введены в денежное обращение заменители денег в виде билетов казначейства на общую сумму (без учета купонов) около 3 млн руб., которая являлась значимой для денежной ситуации в регионе. Одновременно с этим общая денежная масса в губернии, а также в стране, возросла на указанную сумму, что еще больше способствовало инфляционным процессам, приблизило к краху всю финансовую систему России.

Литература

1. Архив новейшей истории России. Сер. Публикации. Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства. Март-октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 3. Июль-август 1917 года. М.: РОССПЭН, 2004.

2. *Атлас З.В.* Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917–1925). М.: Госфиниздат, 1940.

3. Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени / сост. С.М. Левин. Петроград: Издание юридического книжного магазина Н.К. Мартынова, 1915. Т. 1.

4. Возрождение. 1918. № 5, 15(28) июля.

5. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1.

6. ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 27.

7. Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 187. Оп. 1. Д. 1133.

8. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1220.

9. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1284.

10. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1292.

11. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1333.

12. ГАУО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1334.

13. ГАУО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 17.

14. ГАУО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 21.

15. *Далин С.А.* Инфляции в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983.

16. Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 – 16 марта 1918. М.: Политиздат, 1957.

17. *Дементьев Г.Д.* Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 года. Петроград: Типография министерства финансов, 1917.

18. *Денисов А.Е.* Государственные бумажные знаки России, которые использовались в денежном обращении 1798–1917. М.: Информэлектро, 2002.

19. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Июнь-октябрь 1918 года). Публикация. М.: РОССПЭН, 2011.

20. *Зак А.Н.* Денежное обращение и эмиссионная операция в России 1917–1918 гг. Петроград: Лештуковская паровая скоропечатня «Свобода», 1918.

21. Известия Симбирского губернского исполнительного комитета. 1917. № 67, 9 сент.

22. Известия Симбирского губернского исполнительного комитета. 1917. № 71, 23 сент.

23. Известия Симбирского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. № 39, 9 марта.

24. Известия Симбирского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов. 1918. № 227, 31 дек.

25. *Каценеленбаум З.С.* Война и финансово-экономическое положение России. М.: Издательское бюро Московского коммерческого института, 1917.

26. *Каценеленбаум З.С.* Учение о деньгах и кредите. Часть 1. Деньги и денежное обращение. Ярославль: Изд-во Яросл. сельскохозяйственного и кустарно-промыслового союза кооперативов, 1921.

27. *Лозинский З.Б.* Экономическая политика Временного правительства. Л.: Прибой, 1929.

28. *Михайлов И.А.* Государственные доходы и расходы России во время войны. Факты и цифры // Война и экономическая жизнь. Вып. V–VII / под ред. П.Б. Струве. Петроград: Тип. «Правда», 1917.

29. Народное хозяйство в 1916 году. Вып. VII. Сводные статистические таблицы за 1913–1916 гг. Петроград: Ин-т экономических исследований,1922.

30. Наше денежное обращение: сб. материалов по истории денежного обращения в 1914–1925 гг. / под ред. Л.Н. Юровского. М.: Финансовое издательство НКФ СССР, 1926.

31. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1914 год. М.: РОССПЭН, 2006.

32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. VI. 1831. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1832.

33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XV. 1840. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1841.

34. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. XXXV. 1860. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, 1862.

35. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. III. 1883. Отделение первое. СПб.: Государственная типография, 1886.

36. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XIV. 1894. Отделение первое. СПб.: Государственная типография, 1898.

37. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том XXIV. 1904. Отделение первое. СПб.: Государственная типография, 1907.

38. Сборник декретов и распоряжений по финансам. 1917–1919. Петроград: Народный комиссариат финансов, 1919.

39. Симбирское слово. 1917. № 111, 1 авг.

40. Симбирская народная газета. 1917. № 34, 4 авг.

41. Симбирская народная газета. 1917. № 56, 26 сент.

42. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 год. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1950.

43. *Соколов Е.Н.* Денежная и бюджетная политика Советской республики в 1917 – начале 1918 г. Рязань: Рязанский гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2012.

44. *Сокольников Г.Я.* Финансовая политика революции. М.: Общество купцов и промышленников России, 2006. Т. 1.

ГВОЗДКОВ ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Ульяновск (iskatel68@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6705-1959).

Yuri Yu. GVOZDKOV

NOTES OF THE STATE EXCHEQUER AND THEIR COUPONS AS MONETARY SURROGATES ON THE TERRITORY OF SIMBIRSK PROVINCE IN 1917–1922

Key words: *World War I, financial policy, monetary crisis, inflation, State Exchequer notes, coupon, monetary surrogates, Simbirsk province.*

The article examines transformations of monetary circulation in Russia after the beginning of its participation in the First World War and the factors for the appearance of surrogates in it after a while in the form of State Exchequer notes and their coupons. In the second half of 1917, the policy of replenishing budget expenditures by money emission combined with an increase in military expenditures and prices, a decline in production, as well as insignificant flow of financial resources from taxes and loans, resulted in an acute shortage of cash both in financial institutions and among the population. In these circumstances, central and regional authorities began to use various ways to resolve the crisis situation, where one of these methods was the use of monetary surrogates on a par with credit notes. The purpose of the study is to determine the reasons why monetary substitutes in the form of State Exchequer notes and their coupons appeared in the monetary circulation in the territory of Simbirsk province and Russia as a whole, and to analyze the background economic situation and the government's policy towards money in the pre-crisis period and after. In addition, the history of the appearance of State Exchequer notes in Russia is considered. Based on the statistical data, economic research and evaluation of processes in monetary circulation, it is proved that the financial policy initiated by the pre-revolutionary (tsarist) government after Russia's entry into World War I, and then continued by the Provisional and Soviet governments, led to a monetary crisis. The lack of cash financial resources made it impossible to fully meet the needs of the army, to continue active military operations, to provide financing for state institutions and to make mandatory payments, which caused distrust in the existing government. In such circumstances, one of the expedite ways to find money was to use State Exchequer notes and their coupons along with credit notes and monetary surrogates. The circumstances established in the course of the study make it possible to reveal more complete insights into the content of the processes in the field of monetary circulation that took place in 1917–1918 in the Simbirsk province and Russia as a whole, and to introduce new historical facts to science.

References

1. *Arkhiv noveishei istorii Rossii. Seriya «Publikatsii». T. IX. Zhurnaly zasedanii Vremennogo pravitel'stva. Mart-oktyabr' 1917 goda: v 4 t. T. 3. Iyul'–avgust 1917 goda* [Archive of the recent history of Russia. Series “Contributions”. Vol. 9: Minute books of the Provisional Government. March-October, 1917. 4 vols. Vol. 3: July-August, 1917]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004.

2. Atlas Z.V. *Ocherki po istorii denezhnogo obrashcheniya v SSSR (1917–1925)* [Essays on the history of money circulation in the USSR (1917–1925)]. Moscow, 1940.

3. Levin S.M., ed. *Vazhneishie zakony, ukazy i rasporyazheniya voennogo vremeni* [The most important laws, decrees and orders of wartime]. Petrograd, 1915, vol. 1.

4. *Vozrozhdenie,* 1918, no. 5, July 15.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 1779. Opis' 2. Document 1* [State Archives of the Russian Federation. Archithes 1779. Anagraph 2. Document 1].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Fond 1779. Opis' 1. Document 27* [State Archives of the Russian Federation. Archithes 1779. Anagraph 1. Document 27].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1133* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1133].

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1220* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1220].

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1284* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1284].

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1292* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1292].

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1333* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1333].

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 187. Opis' 1. Document 1334* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes 187. Anagraph 1. Document 1334].

13. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-573. Opis' 1. Document 17* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes R-573. Anagraph 1. Document 17].

14. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond R-573. Opis' 1. Document 21* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archithes R-573. Anagraph 1. Document 21].

15. Dalin S.A. *Inflyatsii v epokhi sotsial'nykh revolyutsii* [Inflations in the era of social revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1983.

16. *Dekrety Sovetskoi vlasti. Tom. 1. 25 oktyabrya 1917 – 16 marta 1918* [Decrees of the Soviet Government. Vol. 1: October 25, 1917 – March 16, 1918]. Moscow, Politizdat Publ., 1957.

17. Dementiev G.D. *Gosudarstvennye dokhody i raskhody Rossii i polozhenie Gosudarstvennogo kaznacheistva za vremya voiny s Germaniei i Avstro-Vengriei do kontsa 1917 goda* [State revenues and expenditures of Russia and the position of the State Treasury during the war with Germany and Austria-Hungary until the end of 1917]. Petrograd, 1917.

18. Denisov A.E. *Gosudarstvennye bumazhnye znaki Rossii, kotorye ispol'zovalis' v denezhnom obrashchenii 1798–1917* [State paper notes of Russia, which were used in currency circulation in 1798–1917]. Moscow: Informelektro Publ., 2002.

19. *Zhurnaly zasedanii, prikazy i materialy Komiteta chlenov Vserossiiskogo Uchreditel'nogo sobraniya (Iyun'–oktyabr' 1918 goda). Publikatsiya.* [Minute books, orders and materials of the Committee of the members of the All-Russian Constituent Assembly (June–October, 1918). Publication]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011.

20. Zak A.N. *Denezhnoe obrashchenie i emissionnaya operatsiya v Rossii 1917–1918 gg.* [Money circulation and issue operation in Russia 1917–1918]. Petrograd: Svoboda Publ., 1918.

21. *Izvestiya Simbirskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta,* 1917, no. 67, Sept. 9.

22. *Izvestiya Simbirskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta,* 1917, no. 71, Sept. 23.

23. *Izvestiya Simbirskogo Soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov*, 1918, no. 39, March 9.

24. *Izvestiya Simbirskogo gubernskogo Soveta rabochikh i krest'yanskikh deputatov,* 1918, no. 227, Dec. 31.

25. Katsenelenbaum Z.S. *Voina i finansovo-ekonomicheskoe polozhenie Rossii.* [The war and the financial and economic situation of Russia]. Moscow, 1917.

26. Katsenelenbaum Z.S. *Uchenie o den'gakh i kredite. Chast' 1. Den'gi i denezhnoe obrashchenie* [The Theory of Money and Credit. Part 1. Money and Money Circulation]. Yaroslavl, 1921.

27. Lozinskii Z.B. *Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. Leningrad, Priboi Publ., 1929.

28. Struve P.B., ed., Mikhailov I.A. *Gosudarstvennye dokhody i raskhody Rossii vo vremya voiny. Fakty i tsifry. Voina i ekonomicheskaya zhizn'. Vypusk V–VII* [The State Revenues and Expenditures of Russia during the War. Facts and Figures. War and Economic Life. Issue 5–8]. Petrograd, Pravda Publ., 1917.

29. *Narodnoe khozyaistvo v 1916 godu. Vyp. VII. Svodnye statisticheskie tablitsy za 1913–1916 gg.* [The National Economy in 1916. Issue 7: Summary statistical tables for the years of 1913–1916]. Petrograd, 1922.

30. Yurovskiy L.N., ed. *Nashe denezhnoe obrashchenie: sb. materialov po istorii denezhnogo obrashcheniya v 1914–1925 gg.* [Our monetary circulation: A collection of materials on the history of monetary circulation in 1914–1925]. Moscow, 1926.

31. *Osobye zhurnaly Soveta ministrov Rossiiskoi imperii. 1909–1917 gg. / 1914 god* [Special journals of the Council of Ministers of the Russian Empire, years of 1909–1917 / 1914]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006.

32. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. T. VI. 1831. Otdelenie pervoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 6: 1831. The first section]. St. Petersburg, 1832.

33. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. T.V. 1840. Otdelenie pervoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 15: 1840. The first section]. St. Petersburg, 1841.

34. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. T. XXXV. 1860. Otdelenie pervoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 35: 1860. The first section]. St. Petersburg, 1862.

35. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. III. 1883. Otdelenie pervoe.* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 3: 1883. The first section]. St. Petersburg, 1886.

36. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. XIV. 1894. Otdelenie pervoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 14: 1894. The first section]. St. Petersburg: The Government Publishing House, 1898.

37. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 3. T. XXIV. 1904. Otdelenie pervoe* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 24: 1904. The first section]. St. Petersburg, 1907.

38. *Sbornik dekretov i rasporyazhenii po finansam. 1917–1919* [The Collection of Decrees and Orders on Finance. 1917–1919]. Petrograd, 1919.

39. *Simbirskoe slovo,* 1917, no. 111, Aug. 1.

40. *Simbirskaya narodnaya gazeta,* 1917, no. 34, Aug. 4..

41. *Simbirskaya narodnaya gazeta,* 1917, no. 56, Sept. 26.

42. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii pravitel'stva za 1922 god* [The Collection of Legislation and Regulations of the Government for 1922]. Moscow, 1950.

43. Sokolov E.N. *Denezhnaya i byudzhetnaya politika Sovetskoi respubliki v 1917 – nachale 1918 g.* [The monetary and budgetary policy of the Soviet Republic in 1917 – early 1918]. Ryazan, Ryazan State University named after S.A. Yesenin Publ., 2012.

44. Sokolnikov G.Y. *Finansovaya politika revolyutsii* [Financial Policy of the Revolution]. Moscow, 2006, vol. 1.

YURI Yu. GVOZDKOV – Post-Graduate Student of History Department, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Russia, Ulyanovsk (iskatel68@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6705-1959).

Формат цитирования: *Гвоздков Ю.Ю.* Билеты государственного казначейства и их купоны в качестве денежных суррогатов на территории Симбирской губернии в 1917–1922 годах // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 12–27. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-12-27.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-28-35

УДК [394.46:94(47+57)"1941/1945"]::378.4(470.344)-057.875
ББК Т3(2)622л6:Ч484.711.9(2Рос.Чув)

А.Д. ГРИГОРЬЕВ, А.В. КАРПОВ, М.Ю. ХАРИТОНОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГОДОВ: НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ЧУВАШИИ

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, историческая память, студенты Чувашии, факторы и значение победы.*

В статье рассмотрены некоторые элементы, отражающие состояние исторической памяти студентов Чувашии о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Для их выявления были использованы материалы эмпирического исследования, проведенного среди студентов вузов Чувашской Республики в марте 2020 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук при участии отдельных авторов статьи. В ходе этого исследования в общей сложности было опрошено 324 студента пяти чебоксарских вузов. Полученные данные еще не были использованы в научных публикациях. С этой точки зрения они представляют оригинальный источник информации для анализа проблем по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне среди учащейся и студенческой молодежи. В работе последовательно рассматривается уровень интереса студентов к военным событиям 1941–1945 гг., источникам информации об основных фактах, героях, выявляются мнения о значении комплекса факторов, сыгравших заметную роль в достижении победы над фашизмом. В результате обобщения данных, полученных в ходе эмпирического исследования, представлены различные мнения респондентов о значении победы СССР в Великой Отечественной войне. Полученные материалы показывают, что большинство студентов проявляют значительный интерес к событиям и фактам войны, правильно характеризуют источники, итоги и исторические последствия победы над гитлеровской Германией. Результаты проведенного исследования предоставляют возможность преподавателям вузов учитывать полученные данные в процессе организации эффективного использования различных источников по истории войны, применять полученные материалы не только в учебной, но и воспитательной работе.

Историческая память формируется различными событиями. Некоторые из них важны для отдельных категорий людей, а другие – для всех граждан страны и даже населения всей планеты. Таким глобальным и трагическим явлением в истории человечества стала Вторая мировая война, важнейшей составляющей которой была Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Ее историография огромна, войне посвящены тысячи исследований, раскрывающие как масштабные, так и отдельные эпизоды военных событий. Как показывает реальная жизнь, отношение к войне является важнейшим скрепляющим звеном российского общества, а День Победы стал наиболее почитаемым государственным праздником. Вполне закономерно, что Президент России В.В. Путин неоднократно подчеркивает место и роль подвига советского народа в нашем обществе. Например, выступая в августе 2011 г. перед молодежью в Новороссийске, он сказал, что историческая память является «…великолепным цементом, который из людей разных этносов и разных религий делает одну, единую и неделимую российскую нацию, создает и укрепляет единую и неделимую великую Россию»[1]. Обращаясь с посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации 15 января 2020 г. он также подчеркнул значение для россиян 9 мая как самого

[1] Путин: Историческая память создает единую и неделимую российскую нацию [Электронный ресурс]. URL: https://er.ru/news/58959.

великого и святого праздника. При этом он особо отметил, что «наша память не только дань уважения историческому прошлому, она служит нашему будущему, она закрепляет наше единство»[1].

В то же время отметим, что с отдалением во времени происходит некоторое смещение в восприятии событий военных лет, героизма воинов на передовой и самоотверженности тружеников тыла и т. д. Безусловно, война является многомерным событием, в ходе которой проявлялись различные стороны человеческой личности, поэтому для их отображения мало подходят одномерные описания. Поэтому в формировании исторической памяти, прежде всего современной молодежи, большое значение имеют глубокие научные труды, искренние воспоминания очевидцев, талантливые художественные и публицистические произведения, кинофильмы и т.д. И подобных примеров огромное множество. Они пользуются большой популярностью, играют значительную роль в воспитании молодежи.

Тем не менее можно вспомнить публикации, которые свидетельствуют, что в памяти молодых людей нередко не сохраняются важнейшие факты Великой Отечественной войны. Например, по данным опроса жителей Санкт-Петербурга и Пензы от 16 лет и старше, около 90% респондентов смогли назвать выдающихся отечественных полководцев этого времени. В то же время в их число включались и такие военачальники, как А. Суворов, М. Кутузов, В. Блюхер, и даже американский генерал Эйзенхауэр и немецкий – Манштейн. Около половины опрошенных до 40 лет не смогли назвать ни одного Героя Советского Союза, конструктора советской военной техники и т.д. [10. С. 41–42]. Пермский социолог В.Н. Стегний приводит материалы опроса школьников г. Лысьва Пермского края и также фиксирует серьезные пробелы в их знании фактической истории войны, начиная с дат ее начала и завершения [8]. Среди школьников около 10% на смогли дать точные ответы на этот вопрос. Как и в предыдущем примере, в число советских полководцев были включены герои Гражданской войны В. Блюхер, С. Лазо, Г. Котовский, неоднозначная фигура Н. Махно, военачальники Отечественной войны 1812 г. М. Кутузов, Барклай де Толли, герой морских сражений П. Нахимов и др. [10. С. 7–9].

К сожалению, такого рода факты нередко приводятся не только в исследованиях, посвященных изучению состояния исторической памяти о событиях прошедшей войны, но и в ряде псевдонаучных публикаций, стирающих грань между реальностью и мифом. Например, наиболее яркие примеры подобного рода «мифологизации» событий Великой Отечественной войны в современной исторической науке за последние годы подробно охарактеризованы в работах А.В. Сперанского [6, 7].

Авторы представленной статьи, как преподаватели вуза, также встречаются с фактами, свидетельствующими об «изъянах» состояния исторической памяти студенческой молодежи. При этом речь можно вести не только о событиях Великой Отечественной войны, но и о других периодах в истории России. Нам уже приходилось писать о наличии подобного рода проблемах в исторической памяти современных студентов Чувашской Республики [4].

Особенностям проблем формирования и исследования исторической памяти российского студенчества большое место уделено в коллективной монографии, вышедшей в 2014 г. на базе института этнологии и антропологии РАН

[1] Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582.

[5]. В ней имеется отдельный раздел, в котором помещены результаты исследований в Поволжье, в том числе в Чувашии [9]. В этом же году была издана книга, в которой анализировались материалы, полученные в ряде исследований учащейся и студенческой молодежи Чувашии [3]. Можно отметить и другие публикации этих авторов, посвященные различным аспектам исследований состояния исторической памяти современной молодежи в этом регионе [1, 2].

В предлагаемой статье использованы материалы опроса студентов Чувашского государственного университета, Чувашского государственного педагогического университета, Чувашского государственного аграрного университета, а также Чебоксарского кооперативного института и Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. Всего было опрошено 324 студента I–IV курсов, из которых 33% составили юноши и 67% – девушки. Отметим, что в ходе опроса не выяснялся уровень знаний респондентов о конкретных лицах, военных событиях и т.д. На наш взгляд, это конечно тоже важно, но в условиях нарастающей глобализации и построения информационного общества более необходимым представляется изучить отношение современной студенческой молодежи к войне, узнать у них источники сведений о событиях того времени, выяснить точки зрения о причинах победы и т.д. То есть речь в эмпирической части исследования идет в большей степени о качественной, а не фактологической точке зрения на события Великой Отечественной войны.

Во-первых, отметим, что абсолютное большинство опрошенной молодежи проявляют интерес к событиям Великой Отечественной войны. Свыше 83% из их числа ответили, что они их или «очень интересуют», или «скорее интересуют». Около 12% отметили, что их данные вопросы «мало интересуют», по 2% – «совсем не интересуют» или же затруднились ответить. При этом отметим, что если среди студентов II–IV курсов интерес проявили 83–87%, то среди первокурсников – только 73%. Обратим внимание еще на одну дистанцию, не критическую, но достаточно значимую. В составе студентов общественно-гуманитарного направления (историки, юристы, экономисты, документоведы и др.) заинтересованность на том или ином уровне зафиксирована у 86% респондентов, а у студентов естественно-научных (химики, географы, ветеринарные врачи и др.) и технических направлений – 78–79%.

Достаточно разнообразным оказался перечень источников, из которых респонденты получали сведения о Великой Отечественной войне (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Из каких источников Вы больше всего узнали/узнаёте о событиях, героях, оружии и др. в годы Великой Отечественной войны?»,
%, с возможностью выбора до четырех вариантов ответа

Варианты ответов	Всего
Изучал(а) в школе, в других учебных заведениях	84
Из компьютерных игр	9
Из рассказов старших в семье, в том числе участников войны	28
Из художественных и документальных кинофильмов	72
Из художественной литературы о войне	43
Из мемуаров участников войны	5
Из социальных сетей, специализированных сайтов и др.	22
Из СМИ (газеты, телевидение, радио)	16
Из рассказов на встречах с участниками войны	16
Из посещения музеев, воинских мемориалов	31
Из семейных архивов (старые фото, письма с фронта, копии наградных листов др.)	9
Другое и затрудняюсь ответить	2

Они также вполне традиционны и ожидаемы. Абсолютное большинство ответивших назвали учебные заведения, среди которых, конечно, первенствует школа. Значительная доля приходится на фильмы, в первую очередь художественные. На третьем месте по частоте выбора присутствует художественная литература о войне. Большой перечень книг, написанных фронтовиками, уже стал классическим, и эти произведения до сих пор пользуются значительной популярностью среди студенческой молодежи. Другое дело, что новый взгляд на прошедшие события удается современным литераторам непросто, и это вполне закономерно при отсутствии собственного опыта. В этом случае требуется недюжинный талант. Важны для молодых людей визуальные ознакомления с письменными и фотодокументами, образцами оружия, обмундирования, снаряжения и т.п., что можно сделать в архивах, воинских мемориалах и др. Свыше четверти респондентов говорили о рассказах родственников, в том числе участников войны. Конечно, с течением времени таких свидетельств будет оставаться все меньше, тем более важно записывать подобные рассказы, создавая базу для устной истории. При этом особенно актуальными и востребованными среди современной молодежи становятся воспоминания участников войны, зафиксированные не только в виде традиционных печатных форматов, но и материалов, запечатленных в виде различных аудиовизуальных и интерактивных документов.

Если говорить о фильмах, посвященных событиям Великой Отечественной войны, то почти четверть участников обследования (24%) ответили, что они любят смотреть старые фильмы о войне, 10% предпочитают современные произведения этого вида искусства, но заметное большинство (44%) высказались и за те, и за другие фильмы. Достаточно заметная часть опрошенных заявила о том, что вообще не любят смотреть фильмы о войне (17%), а 5% студентов затруднились с ответом.

Разные точки зрения были высказаны при ответах на вопрос о факторах победы в войне. Абсолютное большинство респондентов, семь-восемь человек из десяти полагали, что в первую очередь речь идет «о героизме офицеров и бойцов на фронтах Великой Отечественной войны» и «патриотизме и сплоченности большинства советских людей» (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Какие факторы сыграли определяющую роль в достижении победы над фашизмом?»,
%, с возможностью выбора до четырех вариантов ответа

Варианты ответов	Всего
Героизм офицеров и бойцов на фронте	80
Ненависть к фашизму, германским захватчикам	6
Партизанское движение	27
Лучшее вооружение, начиная с 1942–1943 гг.	10
Крепкий тыл	37
Сталин как Верховный Главнокомандующий	11
Огромная территория СССР, суровый климат, бездорожье	29
Патриотизм и сплоченность большинства советских людей	72
Наличие в Красной Армии талантливых полководцев и военачальников	29
Поставки союзниками военной техники, горючего, продовольствия и др., открытие ими в 1944 г. второго фронта	9
Умение делать уроки из поражений первых лет	12
Другое	3
Затрудняюсь ответить	1

Отметим, что данные факторы можно характеризовать как моральные качества советских людей, у которых была одна цель – защитить свою Роди-

ну, свой народ, свои семьи. Значительное число респондентов также понимает, что успехи на фронте не могли быть достигнуты без опоры на крепкий тыл. Практически четыре из десяти человек выбрали этот вариант ответа.

Немногим свыше четверти из числа опрошенных выбрали с одинаковой интенсивностью три других фактора, разных по содержанию, но тоже сыгравших свою роль в достижении победы над фашизмом. Речь, во-первых, идет о географических и климатических причинах, которые оказались тяжелыми для немецко-фашистских войск и сыграли в определенной мере благоприятную роль для Красной Армии. Конечно, не следует преувеличивать такой фактор, как «генерал Мороз», о влиянии которого вспоминали еще и при изучении Отечественной войны 1812 г. и достаточно много говорят современные исследователи, особенно из западных стран, анализируя причины поражения гитлеровской Германии. Конечно, были и морозы, и большие территории, и отсутствие широких автомагистралей в России. О влиянии этих факторов указывали и отечественные историки, поэтому не следуют сильно преувеличивать их значение. Отметим только, что для части студентов они также представляются особенно значимыми.

Во-вторых, безусловно, следует отметить и значение такого фактора, как наличие талантливых полководцев. При этом необходимо особо заявить о том, что война оказалась той жесткой жизненной средой, в которой шел быстрый естественный отбор военачальников. В ходе ведения боевых действий стало ясно, что некоторые военачальники Гражданской войны не сумели полностью понять и перестроиться на новые условия войны, из-за чего их роль в процессе определения и реализации тактико-стратегических задач Красной Армии заметно снизилась по сравнению с довоенным периодом развития советской военно-государственной доктрины (например, С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов, С.К. Тимошенко и др.). В то же время в годы Великой Отечественной войны ярко проявились военные таланты Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, И.С. Конева, Н.В. Ватутина, И.Д. Черняховского и многих других советских полководцев.

В-третьих, конечно, далеко не последнюю роль в победе над немецко-фашистскими захватчиками сыграло и партизанское движение в тылу врага. О важности учета данного фактора победы заявило 27% из числа опрошенных студентов.

Каждый восьмой респондент также обратил внимание на «умение делать уроки из неудачных действий первого периода войны». Об этом достаточно много написано исследователями и отрадно, что часть студенческой молодежи Чувашии также приводит этот фактор. Практически столько же опрошенных отметили роль И. Сталина как Верховного Главнокомандующего. Отметим, что об этой проблеме также написано большое количество исследований. В большинстве своем это не фундаментальные научные изыскания, а публицистические книги и статьи. Поэтому споры и дискуссии на эту тему в научном сообществе продолжаются до сих пор. Но, безусловно, полностью отрицать значение места и роли И. Сталина в победе над гитлеровской Германий нельзя.

Практически с одинаковой частотой студентами разных вузов Чувашии в качестве причин победы отмечались такие факторы, как «более качественное вооружение Красной Армии, которое начало массово поступать в войска начиная с 1942–1943 гг.», а также «помощь союзников». Наверное, с таким уравнительным подходом трудно согласиться, но это был выбор студентов.

Наконец, еще один фактор, который можно характеризовать как морально-эмоциональный – это «ненависть к врагу». После зверств армии гитлеров-

ских захватчиков и варварского разорения оккупированной части страны, такое чувство стало для многих вполне естественным. Оно в военные годы подпитывалось и талантом поэтов, писателей. Так, 18 июля 1942 г. К. Симонов в «Красной Звезде» опубликовал знаменитое стихотворение «Убей его», начинавшееся с проникновенных строк «Если дорог тебе твой дом…». Через неделю, 24 июля 1942 г., в этой же газете было помещена небольшая статья И. Эренбурга «Убей», в которой он пишет о жестокости захватчиков, об их отношении к нашим согражданам как к рабам и призывает к мщению[1].

Ответы на вопрос о значении победы над фашизмом для каждого из опрошенных показали, что студенты в полной мере понимают, что это была коллективная победа, которая пришла через огромную общечеловеческую трагедию (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Что значит для Вас победа СССР в Великой Отечественной войне?»,

%, с возможностью выбора до трех вариантов ответа

Варианты ответов	Всего
Для меня это личное событие, я не отделяю себя от истории своей страны	12
Это победа государства, в котором жили мои родители, дедушки, бабушки, все предки	62
Это огромная трагедия, которая сопровождалась десятками миллионов жертв	69
Это победа социалистического строя над капиталистическим	3
Это победа всех народов нашей страны, в целом советского народа	52
Это победа, после которой с СССР все в мире стали считаться	7
Это победа нашей идеологии над фашизмом	10
Как-то не задумываюсь над этим, уже давно это было	1
Другое, затрудняюсь ответить	4

Даже первый вариант ответа, который выбрали 12% респондентов, показывает, что и личное восприятие событий прошедших лет тесно связано с историей страны. Особо следует отметить выбор варианта, в котором подчеркивается, что победа была достигнута всеми народами нашей страны, что важно в условиях сегодняшнего противодействия не только с бывшими союзниками по войне, но и с недавними соотечественниками, отцы и деды которых сражались вместе против общего врага. Каждый пятый студент отметил идеологические («победа идеологии», «победа социализма над капитализмом») последствия, а также повышение международного авторитета СССР.

В целом материалы опроса вузов Чувашии показывают, что большинство из них проявляет интерес к событиям Великой Отечественной войны, источники их сведений о ней весьма разнообразны, но большая роль в этом все же принадлежит деятельности учебных заведений. Большинство респондентов уверено, что решающую роль в победе над врагом сыграли героизм и патриотизм советских людей как на фронте, так и в тылу. Иначе говоря, речь идет о единстве фронта и тыла. Следует особо подчеркнуть, что для большинства опрошенных военные испытания стали огромной трагедией в истории человечества, унесшей десятки миллионов жизней людей. Студенты не отделяют себя от победившего государства, поскольку оно является родиной как их самих, так и их предков.

[1] «Убей немца» в советской пропаганде [Электронный ресурс]. URL: https://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoy-propagande.

Литература

1. *Бойко И.И.* Чебоксарские студенты о России (по материалам опроса 2013 г.) / Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия (к 20-летию Конституции Российской Федерации): сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. «II Смирновские чтения». Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 159–167.

2. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: образы родины и гражданские чувства // Этнопанорама. 2014. № 1-2(33). С. 48–56.

3. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры / ЧГИГН. Чебоксары, 2014. 124 с.

4. *Григорьев А.В., Василенко О.В., Карпов А.В., Григорьев А.Д.* Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах российской истории // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 56–64.

5. Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под ред. В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. 342 с.

6. *Сперанский А.В.* «Вторая Отечественная война»: мифы, реалии, исторические параллели // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2014. № 4(134). С. 20–25.

7. *Сперанский А.В.* Великая Отечественная война в концептуальном осмыслении современной истории: проблемы и дискуссии // Народ. Война. Победа. Пенза: Пензенский гос. ун-т, 2015. С. 4–12.

8. *Стегний В.Н.* Знание школьной молодежью основных событий Великой Отечественной войны 1941–1945 годов – показатель исторического сознания (на примере учеников школ г. Лысьва Пермского края) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2015. № 1. С. 6–13.

9. Студенты Поволжья о самоидентификации, отношении к стране и ее истории // Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / под ред. В.А. Тишкова, Р.Э. Бараш, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 118–156.

10. *Чернова О.В.* Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2011. № 1(60). С. 32–47.

ГРИГОРЬЕВ АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pu-900pis@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7530-7937).

КАРПОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alekkarp@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0770-5129).

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент заведующий кафедрой документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (muha21@mail.ru).

Alexander D. GRIGORIEV, Aleksey V. KARPOV, Mikhail Yu. KHARITONOV

HISTORICAL MEMORY OF THE YOUTH ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945: ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN CHUVASHIA

***Key words**: the Great Patriotic war, historical memory, students of Chuvashia, factors and significance of Victory.*

The article considers some elements that reflect the state of historical memory about the Great Patriotic war of 1941–1945 among the students of Chuvashia. To identify them, the authors used the materials of an empirical research conducted among students of higher educational institutions of the Chuvash Republic in March 2020 by the Chuvash State Institute of Humanities with the participation of individual authors of the article. In the course of this study, a total of 324 students from five Cheboksary higher educational institutions were interviewed. The data obtained have not yet been used in scientific publications. From this point of view, they represent an original source of information for analyzing the problems of preserving the historical memory about the Great Patriotic War among out-of-school youth and students. The paper consistently examines the level of students' interest in the military events of 1941–1945, in the sources of information about the main facts and heroes and identifies opinions about the significance of a set of factors that played a significant role in achieving the victory over fascism. As a result of summarizing the data obtained in the course of an empirical research, different opinions of respondents about the significance of the USSR victory in the Great Patriotic war are presented. The obtained materials show that

the majority of students show a considerable interest in the events and facts of the war, correctly characterize the sources, results and historical consequences of the victory over the Hitlerite Germany. The results of the study provide an opportunity for lecturers of higher educational institutions to take into account the data obtained in the process of organizing the effective use of various sources on the history of the war, to apply the materials obtained not only in educational work but in awareness-raising work as well.

References

1. Boiko I.I. *Cheboksarskie studenty o Rossii (po materialam oprosa 2013 g.)* [Cheboksary students about Russia (based on the 2013 survey)]. In: *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii*: *ternistyi put' vzaimootnoshenii i vzaimodeistviya (k 20-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii): sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «II Smirnovskie chteniya»* [Proc. of Int. Sci. Conf. «State and society in Russia»]: Cheboksary, Interaktiv plyus Publ., 2014, pp. 159–167.

2. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii: obrazy rodiny i grazhdanskie chuvstva* [Student and student youth of Chuvashia: images of the motherland and civic feelings]. *Etnopanorama*, 2014, no. 1-2(33), pp. 48–56.

3. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Studencheskaya i uchashchayasya molodezh' Chuvashii: grazhdanskie tsennosti, sotsiokul'turnye orientiry* [Of the Students and school students of Chuvash Republic: civic values, social and cultural landmarks]. Cheboksary, 2014, 124 p.

4. Grigor'ev A.V., Vasilenko O.V., Karpov A.V., Grigor'ev A.D. *Istoricheskaya pamyat' studentov Chuvashskoi Respubliki o periodakh rossiiskoi istorii* [Historical memory of students of the Chuvash Republic about periods of Russian history]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 56–64.

5. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow, IEA RAN Publ., 2014, 342 p.

6. Speranskii A.V. *«Vtoraya Otechestvennaya voina»: mify, realii, istoricheskie paralleli* («The second Patriotic war»: myths, realities, historical parallels]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ser. 3, Obshchestvennye nauki*, 2014, no. 4 (134), pp. 20–25.

7. Speranskii A.V. *Velikaya Otechestvennaya voina v kontseptual'nom osmyslenii sovremennoi istorii: problemy i diskussii* [The Great Patriotic war in the conceptual understanding of modern history: problems and discussions]. In: *Narod. Voina. Pobeda* [People. War. Victory]. Penza, 2015, pp. 4-12.

8. Stegnii V.N. *Znanie shkol'noi molodezh'yu osnovnykh sobytii Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 godov – pokazatel' istoricheskogo soznaniya (na primere uchenikov shkol g. Lys'va Permskogo kraya)*) [Knowledge of the main events of the great Patriotic war of 1941–1945 by school youth is an indicator of historical consciousness (on the example of school students of the city of Lysva, Perm region)]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 2015, no. 1, pp. 6–13.

9. *Studenty Povolzh'ya o samoidentifikatsii, otnoshenii k strane i ee istorii* [Volga region students on self-identification, attitude to the country and its history]. *Rossiiskoe studenchestvo: identichnost', zhiznennye strategii i grazhdanskii potentsial* [Russian students: identity, life strategies and civic potential]. Moscow, IEA RAN Publ., 2014. pp. 118–156.

10. Chernova O.V. *Istoricheskaya pamyat' rossiyan o Velikoi Otechestvennoi voine* [Historical memory of Russians about the Great Patriotic war]. *Politicheskoe prosveshchenie*, 2011, no. 1(60), pp. 32–47.

ALEXANDER D. GRIGORIEV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ethnography and Regional History, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pu-900pis@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7530-7937).

ALEKSEY V. KARPOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (alekkarp@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0770-5129).

MIKHAIL Yu. KHARITONOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (muha21@mail.ru).

Формат цитирования: *Григорьев А.Д., Карпов А.В., Харитонов М.Ю.* Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 28–35. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-28-35.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-36-44

УДК 94(470.57)-22
ББК 63.3(2Рос.Баш-2)

В.П. ИВАНОВ, М.Х. САФИН

ИСТОРИЯ СТАРИННОГО ЧУВАШСКОГО СЕЛА СЛАКБАШ

Ключевые слова: *переселение, Башкирский край, договор, Белебей, Слакбаш, архивные источники, краеведческие материалы, генеалогия, родина поэзии.*

В статье на основе широкого круга архивных источников и краеведческих сведений впервые развернуто рассматриваются малоизученные дискуссионные вопросы возникновения известного чувашского селения Слакбаш в Башкирии – родины гениальных чувашских поэтов Константина Иванова и Якова Ухсая. Особое внимание уделено особенностям переселения чувашских крестьян в Башкирский край в XVIII– XIX вв., истории основания ими селения Белебеево – ставшего в 1718 г. уездным городом Белебеем. В статье рассмотрены несколько версий зарождения Слакбаша, часть из них авторами оценена как научно необоснованные. По вновь выявленным историческим данным авторы установили, что население Слакбаша составили выходцы из деревни Белебеево, а также переселенцы из более чем десяти чувашских селений современной Чувашской Республики. В статье затронуты вопросы истоков рода К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая, являвшихся троюродными братьями и потомками одного предка – Антона Данилова, уроженца деревни Байгильдино нынешнего Канашского района Чувашской Республики. Здесь он был учтен в ходе II ревизии (1745 г.), а III ревизией (1763 г.) зафиксирован уже в Башкирии – в деревне Белебеево, в 1781 г. он отмечен в числе первопоселенцев Слакбаша. В заключение статьи даны сведения о социально-культурном облике Слакбаша в конце XIX – начале XX в.

Все, кто писал о жизни и творчестве гениального чувашского поэта К.В. Иванова, так или иначе затрагивали тему его малой родины – села Слакбаш (*Слакпуç*), расположенного в Белебеевском районе Республики Башкортостан, ставшего известным всему чувашскому народу также и благодаря яркому таланту народного поэта Чувашии Я.Г. Ухсая, троюродного брата автора «Нарспи». «Тот, кто читал “Нарспи” бессмертного Иванова, слушал “Слакбашские песни” композитора Федора Васильева, – пишет народный поэт Чувашии Порфирий Афанасьев, – легко может представить, какой это изумительно песенный и сказочный край, богатый легендами и преданиями, край с существующими еще языческими обрядами» [18. С. 8].

Авторы, изучавшие судьбу и творчество К.В. Иванова, так или иначе затрагивали также тему истоков рода поэта и истории возникновения его родного села Слакбаш [1, 3, 14 и др.]. При этом по мере углубления в ранние пласты родословия поэта все более отчетливо и предметно выявлялась его органичная связь с историей села и его первопоселенцами. К настоящему времени документально установлено, что корни рода К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая просматриваются до восьмого колена (по крайней мере, по мужской линии). Имеется достаточно оснований утверждать, что легендарный предок поэта *Кашкăр* (Волк) есть не кто иной, как Васюк Андрюхин – по крещении Антон Андреев сын Данилов (1730–1785) и является он уроженцем деревни Байгильдино нынешнего Канашского района Чувашской Республики (в прошлом Цивильский уезд Казанской губернии) [3].

Авторы настоящей статьи задались целью исследовать дискуссионные вопросы истории возникновения на башкирской земле селения Слакбаш (*Слакпуç*), непростого процесса оседания на ней чувашских переселенцев начиная с XVIII в. Естественно, обсуждая вопросы истории Слакбаша, никак

нельзя было избежать рассмотрения темы соседнего с ним легендарного селения Сильби, где, по замыслу поэта, и происходили события, описанные им в поэме «Нарспи». Работа базируется на источниках, выявленных авторами в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Национальном архиве Республики Башкортостан (НА РБ), а также на опубликованных материалах по истории Башкирии.

Что собой представляет сегодня село Слакбаш? Ныне это центр одноименного сельского поселения в составе Белебеевского района Республики Башкортостан. Расположено оно на местности, откуда берет начало река Слак, в 155 км к юго-западу от Уфы; расстояние до районного центра г. Белебей – 25 км, до ближайшей железнодорожной станции Глуховская – 3 км.

В составе Слакбашского сельского поселения находятся связанные исторически и генетически со Слакбашем небольшие деревни Канаш, Краснояр, Чубукаран и Степановка (ныне в составе Бижбулякского района), основанные выселившимися из Слакбаша в 1920-х гг. крестьянами.

По данным Всероссийской переписи 2010 г., в Слакбаше проживало 580 человек, во входящих в состав Слакбашского сельского поселения деревнях: в Канаше – 46 человек, в Краснояре – 83 человек, в Чубукаране – 27 человек.

В селе имеются средняя школа, детский сад, Дом культуры, фельдшерский пункт, библиотека, отделения связи и Сбербанка, магазин.

В 1940 г. открыт Мемориальный дом-музей К.В. Иванова. 17 ноября 1940 г. на могиле поэта воздвигнут памятник-обелиск, в мемориальном парке в 1992 г. установлен памятник с фигурой поэта. В селе действует также Мемориальный дом-музей Я.Г. Ухсая (открыт в 2006 г.).

В описаниях окрестностей Слакбаша отмечается, что они «примечательны своими лугами с густым разнотравьем, грядой таинственных лесов и звенящими родниками, бьющими из-под белых камней на склонах холмов. Здесь берет начало река Слак. Вся эта животворящая сила природы была ослепительно ярко воплощена Константином Ивановым в поэме «Нарспи» [5. С. 17].

Что касается собственно истории возникновения Слакбаша, следует отметить, что в краеведческой и научной литературе опубликовано несколько версий его начального периода. При этом необходимо иметь в виду, что, наряду с общим, характерным в целом для времени появления большинства чувашских селений в данном регионе Башкортостана, возникновение Слакбаша отличается интересным своеобразием, обусловленным фактом прямой связи истории села с основанием города Белебей.

Рассмотрим основные версии зарождения Слакбаша. По одной из них, это село «основано в 1730 г. чувашами-новокрещенами из д. Ковали и д. Эльми Чебоксарского уезда Казанской губернии на вотчинных землях башкир Минской волости Ногайской дороги. По договору 1750 г. о припуске здесь поселились мишари [2. С. 531]. Данная версия повторяется и в книге З.П. Катулевской [4. С. 11].

В «Чувашской энциклопедии» приведены две основные фабулы преданий о возникновении села. Так, по преданиям, Слакбаш основан в середине XVIII в. чувашскими крестьянами – выходцами из г. Белебей, вначале осевшими на р. Сильби, а потом переселившимися в верховье р. Слак. По другим данным, село образовано в 1760 г. чувашами из с. Ермолкино Белебеевского уезда. Указывается также, что имеется легенда и о более раннем происхождении села, в 1618 г., после переселения сюда чувашей из селений *Тупах*

и *Кавал* Чебоксарского уезда Казанской губернии (ныне Тансарино и Ковали Урмарского района Чувашской Республики) [8. С. 41].

Обсудим первую версию. Деревня *Кавал* – это село «Архангельское Ковали» тоже Свияжского, а не Чебоксарского уезда, в 1730 г. жители с. Ковали не были еще крещеными. Первые переселенцы из д. Ковали Аринской волости Свияжского уезда появились в 1756 г. и основали в числе других деревню Белебеево. Среди них «в 1762 г. был 25-летний Алми Сапаров, по крещении Семен Яковлев» [15. Д. 3795. Л. 669]. Таким образом, Эльми – это не название деревни, а языческое имя переселенца Алми Сапарова из д. Ковали.

Деревня Белебеево основана в 1754 г. на земле вотчинников Иланской волости Казанской дороги. На земле же вотчинников Яиксубиминской волости Ногайской дороги чувашские крестьяне из д. Ермолкино (Ермолаевка) заселились в 1770 г. и основали деревню Сильби. Что же касается упомянутых мишарей, то они по договору 1759 г. о припуске заселились не в Слакбаше, а в д. Слак, что располагается ниже по течению реки Слак. Как видно, эта версия никакими документами не подтверждается, по крайней мере, она имеет противоречивый характер.

Как уже отметили, согласно второй версии, Слакбаш основан в середине XVIII в. выходцами из г. Белебей, вначале осевшими на речке Сильби, а потом переселившимися в верховье реки Слак.

Архивные документы свидетельствуют о том, что 10 марта 1770 г. 56 башкир-вотчинников Яиксубиминской волости Ногайской дороги «от Уфимских крепостных дел дали сию запись деревни Ермолкиной из чуваш новокрещенам Тихону Васильеву с товарыщи всего 15-и дворам... В Уфимской провинциальной канцелярии у крепостных дел объявлено в том, что уступили мы им... собственную свою вотчинную землю... по нижеписанным межам и урочищам с сроком на 20 лет, т.е. с того 1770-го марта 10-го будущего 1790-го годов марта по 10-е число... А межи той земле: от вершины речки Сибили вниз по той речке, идучи по вершинам выпадших от лесу, называемого Шарлы, до Переузенского мысу, токмо в лес не входить, а оттоль до устья оной речки Сибили, а от того устья за Слаком с черною травою до вершины…» [9. С. 340, 341].

Из этого документа видно, что речь идет о речке Сибили, название которой переселившимися в данную местность чувашами, согласно особенностям чувашского языка, было видоизменено на *Силпи* (Сильби). Переселенцы были не из г. Белебея, а из д. Ермолкино. В 1770–1780-е гг. чувашские крестьяне проживали на этих арендованных землях, и накануне IV ревизии населения (1782) переселились в район современного Слакбаша, окончательно обосновались здесь. Продлить срок пользования или выкупить «сибиловские» земли будущие слакбашцы не могли из-за финансовых затруднений. В материалах IV ревизии (переписи) населения (1782) д. Сильби не значится, между тем Слакбаш зафиксирован в двух ревизских сказках (документах именной переписи податного населения). Если бы во время IV ревизии населения отдельно существовала деревня Сильби (*Силпи*), то она была бы ревизорами населения зафиксирована, сказкоподавателем оказался бы житель д. Сильби *(Силпи),* а не д. Слакбаш.

Как известно, на первых порах многие чувашские переселенцы арендовали вотчинные земли (у башкир, помещиков) в устной форме. Это было выгодно для обеих сторон, чтобы не платить «лишних» денег в казну. Но группа переселенцев во главе с Тихоном Васильевым могла уехать сразу после ре-

визии 1762 г., проживать в районе речки Сибили на основе устного соглашения и только в 1770 г. официально оформить договор на 20 лет.

Эту версию подтверждает и то, что «будущая земля» Слакбаша к 1780 г. вряд ли была пустопорожней при массовом наплыве татарских, мишарских и чувашских переселенцев. В договорах от 1787 и 1788 гг. слакбашцы только расширяли свои землевладения.

В сказке IV ревизии первым отмечен 55-летний Тихон Васильев, а всего было учтено 68 душ мужского пола и 85 душ женского пола [11. Д. 35. Л. 485–487]. Во время III ревизии населения (1762–1766 гг.) «36-летний Тихон Васильев, по-чувашски Утемыш Сенкин, переселенец из села Богоявленское Кутема тож сотни Федора Федорова Ногайской дороги Казанского уезда 18 мая 1762 г. учтен как чуваш-новокрещен по дер. Ермолаевка на земле команды старшины Беккула Курбакина Казанской дороги Уфимского уезда» [15. Д. 3795. Л. 747–752].

Сама же д. Ермолкино в то время находилась в составе Казанской дороги Уфимского уезда (в 1781–1796 гг. существовала Белебеевская округа Уфимского наместничества), а Белебеевский уезд был учрежден позже, в 1805 г.

Как уже отметили выше, согласно другой легенде, Слакбаш был основан якобы еще в 1618 г. чувашскими переселенцами из селений *Тупах* (Тансарино) и *Кавал* (Ковали) Чебоксарского уезда Казанской губернии. В этой связи необходимо сказать, что, как показывают источники, основная часть ранних переселенцев из числа чувашей-язычников периода 1690–1747 гг., оказавшись в Башкирии, приняла ислам и перешла в башкирское сословие или была записана как тептяри и бобыли. И неудивительно, что по состоянию на 1747 г. (по итогам II ревизии населения 1744–1747 гг.) по Казанской дороге Уфимского уезда не было зафиксировано ни одного чувашского селения. Таким образом, к 1747 г. эти «ранние» некрещеные чувашские переселенцы, скорее всего, обашкирились и отатарились.

Что же касается переселенцев из деревень Ковали и Тансарино *(Тупах)* Свияжского уезда Казанской губернии, то в действительности они появились в Белебеевском крае не в 1618 г., а в 1756 г. Основание самой же деревни Слакбаш относится также к 1756 г.

На основе архивных источников устанавливается, что в 1756 г. в числе первооснователей деревень Белебеево и Ермолкино (Ермолаевка) были указаны чуваши-новокрещены. Следовательно, ко времени III ревизии населения (1762–1766 гг.) одни предки слакбашцев временно жили в Белебеево, другие – в Ермолкино.

В 1763 г. в числе белебеевских чувашей-новокрещенов был учтен предок К.В. Иванова – «Антон Данилов, по-чувашски Васюк Андрюхин, 35 лет, переходец из Цивильского уезда Тогайской волости дер. Байгильдиной» [15. Д. 3795. Л. 669–678].

Таким образом, согласно выявленным нами источникам, деревня Белебеево была основана на земле вотчинников команды-старшины Муслема Усманова Иланской волости Казанской дороги в 1754 г. [15. Д. 3795. Л. 669].

Среди городов Уфимской губернии Белебей по возрасту был пятым: старше его Уфа, Бирск, Мензелинск и Стерлитамак. В 1750 г. служилые татары Казанского адмиралтейства из д. Апастово Свияжского уезда Казанской губернии основали недалеко от устья речки Стерля д. Стерлитамак. Следовательно, образование д. Белебей надо искать после 1750 г. Раньше его просто не было.

В РГАДА по д. Белебей (Белебеево) Казанской дороги Уфимского уезда за 1762–1765 гг. обнаружены данные о ее населении в 207 душ мужского пола новокрещенов, среди них 2 татарина и 3 вотяка [15. Д. 3795. Л. 669–701].

Первыми жителями Белебеево являются переселенцы из 21 деревни Свияжского (147 муж.), 9 – Чебоксарского (31 муж.), 4 – Цивильского и 4 – Казанского уезда Казанской губернии, а также из 2 деревень Курмышского уезда Нижегородской и 1 деревни Симбирского уезда Симбирской губернии. Нужно подчеркнуть, что во время II ревизии населения в 1744–1747 гг. все будущие переселенцы вышеуказанных уездов еще проживали на своей малой родине.

По итогам II ревизии населения к 1752 г. был подготовлен и в 1755 г. выпущен «Атлас Оренбургской губернии с прилежащими к ней местами по ландкартам Красильникова и топографии П.И. Рычкова 1755 года». В кругу краеведов этот труд известен как «карта Красильникова» и находится в Национальном архиве Республики Башкортостан. На этой карте указана речка Белебей без населенных пунктов. Следовательно, чувашские переселенцы в районе речки Белебей появились после 1752 г., во времена правления императрицы Елизаветы Петровны. В «Памятной книжке Уфимской губернии на 1878 год» записано: «Белебей при речке Белебейка и ключе Кузнечном, в 30 вер. в сторону Уфимско-Казанского тракта; от Уфы в 168, С.-Петербурга 1944, Москвы 1270 верстах. Окрестности Белебея служили местом башкирских кочевок... При Императрице Елизавете Петровне, когда в Уфимской провинции окрещено было много чуваш, часть этих новокрещеных поселена была на месте нынешнего Белебея, который назывался селом Белебеем… В этом селе была деревянная церковь во имя Св. Михаила Архангела, построенная в 1757 году по благословению архиепископа Казанского Гавриила с целью утверждения чуваш в православии. Когда начался пугачевский бунт, возмутившиеся чуваши сожгли в 1774 году эту церковь и пристали к бунту. После усмирения бунта большая часть чуваш была прощена по воле государыни Екатерины II и по распоряжению посланного на окончательное усмирение бунта генерал-аншефа графа Панина.

При переименовании Оренбургской губернии в Уфимское наместничество село Белебей назначено по указу 23–24 декабря 1781 г. уездным городом, и чуваши большею частью выселены, а в город переведены преимущественно русские.

В 1865 г. Белебей наименован уездным городом Уфимской губернии. Белебей – самый маленький из городов Уфимской губернии. В нем 3 церкви, 3 каменных и 317 деревянных домов. Число жителей обоего пола 3368, из них мужчин 1712, женщин 1656. Значительную часть населения составляют чуваши... В Белебее бывают две ярмарки: Февральская – с 25 февраля по 3 марта, и Покровская – с 1 по 8 октября» [13. С. 148–150].

Согласно сведениям из источников, «в 1762–1765 гг. по Казанской дороге Уфимского уезда учтены чувашские деревни Базгиево, Андреевка, Андреево (Зингиреево), Ермолаево (Ермолаевка), Белебеево, Камышенка, Крыкнарат, Кошаево и Каран (Азикова Пустошь)» [15. Д. 3795. Л. 536–1018].

В 1782 г. по Белебеевской округе Уфимского наместничества, кроме вышеперечисленных, учтены селения «Кайрякле, Курчеева, Менеус, Кистеня Вершины, Менеус-Баш, Елань-Чишмы, Аделево, Тюртюли, Кучуково, Устемово, Бюзюрово, Бижбуляк Новая, Баскаево, Каныбеково, Илькино (Карын-Илга), Ново-Семеново [16. Л. 73–74, 87–87об.]. При этом д. Ермолаево учтена как Ермолкино, д. Андреево – как Зингиреево (Осиново), д. Белебеево – как г. Белебей.

Второй «особой» сказкой IV ревизии (1782) в д. Слакбаш отмечено 67 душ мужского пола и 60 душ женского пола, все они являлись переселенцами из г. Белебей. Во главе сказки указан 46-летний Иван Сергеев из с. Ко-

вали *(Кавал)* Аринской волости Свияжского уезда. Там же учтены 66-летний Родион Иванов, 44-летний Иван Яковлев и 42-летний Василий Савельев – уроженцы д. Тансарино *(Тупах)* Яльчиковской волости Свияжского уезда, также упомянутый выше, теперь уже 54-летний предок К. Иванова Антон Данилов – выходец из д. Белебеево.

Как уже выше отметили, на основе материалов ревизских сказок и ландратской (переписной) книги Цивильского уезда 1719, 1748 и 1762 гг. устанавливается, что предок поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсая Антон Данилов родился в семье ясачных крестьян в д. Багильдино (современное название – Байгильдино, чув. *Пайкилт*), «что на Хирпосях (Хирбосях)», Второ-Тугаевской волости Цивильского уезда [15. Д. 4013. Л. 228, 229об.; Д. 4019. Л. 772, 774об.; Д. 4023. Л. 405, 408об.]. Ныне деревня Байгильдино находится в составе Канашского района Чувашской Республики.

После 1783 г. по «указам Уфимской казенной палаты была учтена в дер. Слакбашево новая партия переселенцев – 16 дворов (52 мужчины и 48 женщин)». Во главе этой группы был указан Антон Данилов. В составе переселенцев зафиксированы крестьяне «деревень Адияровой, Пояновой, Новой Икковой, Бурна Цивильской округи, Емашевой и Шутнеру Чебоксарской округи, села Архангельское Ковали тож Свияжского уезда и из г. Белебей.

В составе очередной партии переселенцев, учтенных в 1794–1795 гг., были 31 мужчина и 30 женщин – выходцы из деревень Семеново, Байгильдино Цивильской округи, Горбиково, Чарбось, Ямашево, Тансарино, Чашлама Ядринской округи, села Троицкое.

Среди переселенцев 1796 г. было 9 мужчин и 10 женщин из д. Тончурино Чебоксарской и д. Буртас Цивильской округи. Тогда же 3 мужчин переселились в Слакбаш из г. Белебей и д. Ермолкино» [11. Д. 35. Л. 498об.–514].

Одной из главных причин, вынудивших чувашей д. Белебеево переселиться в другие места, в частности на слакбашские земли, было объявление этого селения в 1781 г. уездным городом. Таким образом, предки слакбашцев стали жертвами административно-территориальной реформы императрицы Екатерины II и вынуждены были переменить место жительства.

После переселения на слакбашские земли белебеевцы и ермолаевцы заключили два договора об аренде земли у местных вотчинников на 50 лет. 2 февраля 1788 г. вотчинники команды старшины Каипа Зиямбетева Белебеевской округи Уфимского наместничества дали договорное письмо «из оброку на 50 лет за 282 руб. земли под поселение и хлебопашества чувашам-новокрещенам дер. Слакбашевой Тихону Васильеву, Василию Савельеву, Василию Тимофееву с товарищи (всего 196 мужчин)» [10. Д. 9626. Л. 10об., 13, 16].

Таким образом, как выясняется из архивных источников, в состав жителей Слакбаша вошли в разное время переселенцы из ряда чувашских селений современной Чувашской Республики:

- д. Байгильдино *(Пайкилт)* Цивильского уезда (д. Байгильдино, Канашский район);
- д. Тансарино *(Тупах)* Свияжского уезда (с. Тансарино, Урмарский район);
- д. Адиярово *(Элпуç)* Цивильской округи (с. Алдиарово, Янтиковский район);
- д. Пояново *(Кивĕ Пуянкасси)* Цивильской округи (д. Старое Буяново, Янтиковский район);
- д. Новое Икково *(Иккасси)* Цивильской округи (с. Икково /Второе Икково, Чебоксарский район);

– с. Ковали *(Кавал)* Свияжского уезда (с. Ковали, Урмарский район);

– д. Семеново *(Уйкас Мами)* Цивильской округи (д. Семеновка, Канашский район);

– с. Троицкое *(Ким. Сăрьел)* Ядринской округи (д. Троицкое, Вурнарский район);

– д. Чарбось (Ямашево Чарбоси тож; *Ямаш Чарпуç)* Ядринской округи (д. Полевые Яуши *[Явăш],* Комсомольский район);

– д. Ямашево *(Чарпуç)* Ядринской округи (с. Ямашево, Канашский район);

– д. Чешлама *(Чашлама)* Ядринской округи (д. Чешлама, Козловский район);

– д. Тончурино *(Тĕмер)* Чебоксарской округи (с. Новое Тинчурино, Яльчикский район);

– д. Буртас *(Пăртас)* Цивильской округи (с. Буртасы, Урмарский район).

По состоянию на 1848 г. на землях башкир Илькульминской и Кулильминской волостей проживало 300 душ мужского и 420 душ женского пола – жителей Слакбаша [12. Д. 108. Л. 275–277].

До 1859 г. слакбашские крестьяне ходили в Михаило-Архангельский собор г. Белебея, в 1859–1891 гг. – в Кресто-Воздвиженскую церковь с. Воздвиженское (ныне в составе Альшеевского района). Некоторые прихожане посещали Димитриевскую церковь в с. Надеждино (расположено рядом с железнодорожной станцией Аксаково, Белебеевский район). В 1892 г. в Слакбаше открывается Михаило-Архангельская церковь.

Согласно данным официальных органов от 1896 г., село Слакбаш «расположено на равнине при подошве возвышенности, возле р. Слак, годной для мельниц... Местность гористая. В селении бывают базары. Промыслы: работают в свободное от полевых работ время на железной дороге (очищают путь от снега)» [17. С. 913]. Кроме того, население занималось портняжничеством. При р. Слак располагались 6 водяных мельниц. В Слакбаше работал случный пункт для разведения лошадей. Владельцем его был Василий Николаев Иванов – отец поэта Константина Иванова.

В заметке краеведа Г.Г. Макарова говорится, что первый дом, построенный «по-белому», появился в Слакбаше в 1831 г. Его хозяином был *Макар мучи.* И только в 1886 г. два крестьянина – Ванюшке и Хурась – сумели выстроить себе дома с печной трубой и приобрести керосиновые лампы [7].

По данным подворной переписи крестьянских хозяйств 1912–1913 гг., в с. Слакбаш было 389 хозяйств с населением 2228 человек обоего пола (1102 муж.) [6. С. 370–377]. Единственным в Слакбаше торговцем являлся 45-летний Егор Петрович Беляев.

Первая школа в Слакбаше была открыта 3 декабря 1891 г. Это была так называемая миссионерская школа. Священник Слакбашской церкви Иоаким (Иванов) сумел собрать 60 первых учащихся [7]. Школа помещалась в здании, построенном летом 1892 г. на средства, выделенные уфимским епископом Дионисием. Бревна и железо для крыши здания школы и для учительской квартиры были доставлены по железной дороге из Уфы. Кроме мужской школы, в 1898 г. в Слакбаше были открыты женская одноклассная, в 1905 г. – двухклассная миссионерские школы.

Таким образом, вновь выявленные материалы, относящиеся к XVIII–XIX столетиям, позволяют уточнить и дополнить малоизученные страницы истории возникновения Слакбаша, ставшего к началу XX в. одним из крупных чу-

вашских селений в Башкирском крае. Архивные источники подтверждают, что, в отличие от других селений чувашской диаспоры, история Слакбаша имеет уникальный характер в силу того, что его возникновение и формирование населения напрямую были связаны с историей старинного города Белебея, возникшего на месте поселения чувашских переселенцев. И, наконец, благодаря своим славным уроженцам – гениальным чувашским поэтам К.В. Иванову и Я.Г. Ухсаю – село Слакбаш стало значимым и ярким национальным историко-культурным центром чувашского народа за пределами Чувашской Республики.

Литература и источники

1. *Артемьев Ю.М.* Константин Иванов. Жизнь. Судьба. Бессмертие. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. 255 с.
2. Башкирская энциклопедия. Уфа: Изд-во «Башкирская энциклопедия», 2009. Т. 5. 575 с.
3. *Иванов В.П., Сафин М.Х.* Малая родина поэта Константина Иванова в свете новых данных по его родословию // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 207–216.
4. *Катулевская З.П.* В краю поющих родников (Из истории села Слакбаш Белебеевского района Республики Башкортостан): историко-документальные очерки. Белебей: З.П. Катулевская, 2013. 278 с.
5. *Константин Иванов:* фотоальбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во. 1990. 136 с.
6. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Уфа: Электр. типография т-ва «Печать», 1914. 25 с.
7. *Макаров С.Г.* Слакпуç таврашёнче [В Слакбашском крае] // Ялав. 1990. № 5. С. 24
8. *Матвеев Г.Б., Петров И.Г.* Слакбаш // Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. Т. 4. С. 41.
9. Материалы по истории Башкирской АССР. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 4. ч. 1. 494 с.
10. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. И-2. Оп. 1.
11. НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2.
12. НА РБ. Ф. И-172. Оп. 1.
13. Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. Уфа: Губернская типография, 1878.
14. Родники Слакбаша: литературно-краеведческий сборник / сост. А.А. Кондратьев. Уфа: Изд-во Уфимского нефтяного университета, 1996. 168 с.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 2.
16. Российский государственный исторический архив. Д. 558. Оп. 2. Д. 293.
17. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. 4. Белебеевский уезд. Уфа: Уфимская губернская земская управа, 1898. 1048 с.
18. Я.Г. Ухсай в воспоминаниях современников / сост. А.И. Дмитриева, Е.Я. Ухсай. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 385 с.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ – доктор исторических наук, главный научный сотрудник секции этнологии, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (Vitali.etno@mail.ru).

САФИН МУДАРИС ХАРИСОВИЧ – историк-краевед, член Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, Россия, Стерлитамак.

Vitaly P. IVANOV, Mudaris Kh. SAFIN

HISTORY OF THE ANCIENT CHUVASH VILLAGE SLAKBASH

Key words*: resettlement, the Bashkir territory, treaty, Belebey, Slakbash, archival sources, local history materials, genealogy, homeland of poetry.*

Based on a wide range of archival sources and local history information, the article is the first to explore the under-investigated controversial issues of the origin of a famous Chuvash village Slakbash in Bashkiria – the birthplace of brilliant Chuvash poets Konstantin Ivanov and Yakov Ukhsay. Special attention is paid to the features of the Chuvash peasants' migration to the Bashkir region in the 18th–19th centuries, the history of their founding the village of Belebeyevo, which became the uyezd town of Belebey in 1718. The article considers several versions of the origin of Slakbash, some of them are evaluated by the au-

thors as scientifically unsound. Based on newly identified historical data, the authors found that the population of Slakbash was made up of people from the village of Belebeevo, as well as immigrants from more than ten Chuvash villages of the modern Chuvash Republic. The article deals with the origins of the family of K.V. Ivanov and Ya.G. Ukhsay, who were second cousins and descendants of one ancestor – Anton Danilov, a native of the village of Baigildino in the present Kanash region of the Chuvash Republic. There he was taken into account during the II revision (1745), and the III revision (1763) recorded him already in Bashkiria – in the village of Belebeevo, in 1781 he was recorded among the first settlers of Slakbash. In conclusion, the article provides information about the socio-cultural characteristics of Slakbash in the late 19th – early 20th centuries.

References

1. Artem'ev Yu. M. *Konstantin Ivanov. Zhizn'. Sud'ba. Bessmertie* [Konstantin Ivanov. Life. Fate. Immortality]. Cheboksary, 2013, 255 p.

2. *Bashkirskaya enciklopediya* [Bashkir encyclopedia]. T. 5. Ufa, 2009, 576 p.

3. Ivanov V.P., Safin M.H. *Malaya rodina poeta Konstantina Ivanova v svete novykh dannykh po ego rodosloviyu* [Small homeland of the poet Konstantin Ivanov in the light of new data on his genealogy]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, 2010, no. 5, pp. 207–216.

4. Katulevskaya Z.P. *V krayu poyushchikh rodnikov (Iz istorii sela Slakbash Belebeevskogo rajona Respubliki Bashkortostan): istoriko-dokumental'nye ocherki* [In the land of singing springs (From the history of the village of Slakbash belebeyevsky district of the Republic of Bashkortostan): historical and documentary essays]. Belebei, 2013, 278 p.

5. *Konstantin Ivanov: fotoal'bom* [Konstantin Ivanov: photo album]. Cheboksary, 1990, 135 p.

6. *Krest'yanskoe hozyaistvo Ufimskoi gubernii* [Peasant economy of the Ufa province]. Ufa, 1914, 25 p.

7. Makarov S.G. *V Slakbashskom krae* [In Slakbash region]. *Yalav*, 1990, no. 5.

8. Matveev G.B., Petrov I.G. *Slakbash* [Slakbash]. In: *Chuvashskaya entsiklopediya*. Cheboksary, 2011, vol. 4, p. 41.

9. *Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Moscow, 1956, vol. 4, part 1. 494 p.

10. *Nacional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond I-2. Opis' 1* [The National archive of the Republic of Bashkortostan. Archives I-2. Anagraph 1].

11. *Nacional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond I-138. Opis' 2* [The National archive of the Republic of Bashkortostan. Archives I-138. Anagraph 2].

12. *Nacional'nyi arkhiv Respubliki Bashkortostan. Fond I-172. Opis' 1* [The National archive of the Republic of Bashkortostan. Archives I-172. Anagraph 1].

13. *Pamyatnaya knizhka Ufimskoi gubernii na 1878 god* [Commemorative book of the Ufa province for 1878]. Ufa, 1878, 46 p.

14. Kondrat'ev A.A., comp. *Rodniki Slakbasha: literaturno-kraevedcheskii sbornik* [Slakbash Springs: a literary and local history collection]. Ufa, 1996, 168 p.

15. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnih aktov. Fond 350. Opis' 2* [Russian state archive of ancient acts. Archives 350. Anagraph 2].

16. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arhiv. Fond 558. Opis' 2. Dokument 293* [Russian state archive of ancient acts. Archives 358. Anagraph 2. Dokument 293].

17. *Sbornik statisticheskikh svedenii po Ufimskoi gubernii* [Collection of statistical data on the Ufa province]. Ufa, 1898. 1048 p.

18. Dmitrieva A.I., Ukhsai E.Ya., comps. *Ya.G. Ukhsai v vospominaniyah sovremennikov* [Yu.G. Ukhsi in the memoirs of contemporaries]. Cheboksary, 2005, 385 p.

VITALY P. IVANOV – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, Russia, Cheboksary (Vitali.etno@mail.ru).

MUDARIS Kh. SAFIN – Local Historian, Member of the National Academy of Sciences and arts of the Chuvash Republic, Russia, Sterlitamak.

Формат цитирования: *Иванов В.П., Сафин М.Х.* История старинного чувашского села Слакбаш // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 36–44. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-36-44.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-45-52

УДК 94:677(470.344)"1928/1937"
ББК У305.722г(2Рос.Чув)614

Л.В. КАЗАНЦЕВА, О.Н. ШИРОКОВ

РАЗВИТИЕ ТЕКСТИЛЬНОЙ ОТРАСЛИ ЧУВАШИИ В 1929–1934 ГОДАХ

Ключевые слова: *индустриализация, Наркомат легкой промышленности Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики, текстильная отрасль, льнопенькозаводы, формирование национальных кадров пролетариата, реализация шести указаний Сталина, научно-исследовательская деятельность предприятий, производство текстильной и швейной продукции, заготовка шерсти для производства экспортного сукна.*

Вопрос ускоренной модернизации в СССР на региональном уровне недостаточно полно изучен в исторической науке. Становление промышленного комплекса текстильной отрасли Чувашии переосмысливается с учетом впервые вводимых в научный оборот архивных документов. В статье рассматривается становление промышленного комплекса текстильной отрасли Чувашии в 1929–1934 гг. Целью статьи является освещение проблем становления предприятий текстильной отрасли ЧАССР в рамках индустриализации. Предпринят анализ вопросов развития предприятий союзного значения легкой промышленности региона и создания рабочих кадров, производства текстильной продукции и основных проблем, с которыми столкнулось руководство края при форсированной модернизации. В качестве источниковой базы были использованы документы Государственного исторического архива Чувашской Республики. С 1929 по 1932 г. происходит переход к плановому руководству текстильной отрасли ЧАССР и выполнению всех норм по сдаче сельскохозяйственного сырья. В 1932–1934 гг. Наркомлегпром ЧАССР совместно с Нижегородским краем запустил льнопенькозаводы союзного значения, которые могли стать технической основой с квалифицированными специалистами для модернизации текстильной отрасли края. В статье сделан вывод, что ускоренные преобразования в текстильной отрасли проходили без учета местных особенностей. В регионе не было крупных предприятий текстильной отрасли, на основе которых руководство края могло провести форсированную модернизацию с минимальными финансовыми затратами.

Целью данной статьи является изучение становления промышленного комплекса текстильной отрасли Чувашии в 1929–1934 гг. Исходя из поставленной цели вытекают следующие задачи: освещение вопроса производства товаров текстильной продукции, анализ строительства и запуска льнопенькозаводов – предприятий союзного значения текстильной отрасли, изучение вопроса создания рабочих кадров, выявление основных проблем с которыми столкнулось руководство края при форсированной модернизации. В качестве источниковой базы были использованы материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики.

В историографии данная тема представлена в юбилейном издании «Десять лет Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики 1920–1930 гг.». В этой работе были проанализированы причины «промышленной разрухи чувашской промышленности», которые заключались в гражданской войне, отсутствии ремонта машин и управленческих навыков, нехватки сырья и кадров, обмена оборотных средств промышленности на хлеб для голодающего населения. По мнению авторов, причины промышленной отсталости были ликвидированы в годы первой пятилетки. Экономика Чувашии была полностью восстановлена для масштабной модернизации всех отраслей региона. Начались рост и развитие кустарной промышленности текстильной отрасли [22. С. 114–123].

В «Истории промышленности и рабочего класса Чувашии» была поднята проблема утечки национальных кадров в новостройки союзного значения и вхождения Чувашии в Нижегородский (Горьковский) край и в последующем увеличения капиталовложения в промышленность региона [23. С. 125–163]. Проблема подготовки национальных кадров была освещена в научной статье Е.К. Минеевой «Экономическая и культурная политика Чувашии в 20–30-е годы XX века», в которой был затронут вопрос о «формальном отношении большинства центральных органов по осуществлению плана коренизации», что, в свою очередь, негативно повлияло на подготовку национального пролетариата [24. С. 82–93]. В монографии В.В. Орлова «Этнополитические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX столетия» исследуются причины и последствия «чувашского тупика», вопрос выбора стратегии социально-экономического развития региона, характер отношений с руководством Нижегородского края [25. С. 380]. В статье О.С. Богатырева, В.В. Тимофеева «К вопросу о состоянии фабрично-заводской промышленности Чувашии в 1921–1923 гг.» рассматривается основа создания крупной промышленности, проблема ограниченности сырья и возможность технического развития при помощи центрального финансирования [1. С. 23–28]. Отдельно аспекты развития текстильной отрасли региона в научных исследованиях не представлены.

В годы первой и второй пятилеток в Советском Союзе начинается массовая индустриализация страны для ликвидации промышленной отсталости от развитых капиталистических стран. В рамках проводимой политики разворачиваются стахановское движение «За ударный труд» и научно-исследовательские работы в промышленном масштабе на союзном уровне. Историческая наука на современном этапе своего развития переосмысливает многие события двадцатого века, в том числе вопрос об ускоренной модернизации в Советском Союзе. Изучение процесса становления промышленного комплекса текстильной отрасли Чувашии в рамках проводимой политики индустриализации освещает аспекты, которые не были отражены в научных трудах до настоящего времени.

Аграрная стратегия развития Чувашии в 1920-е гг., отказ от восстановления бездействующих предприятий предопределили промышленное отставание региона. Чувашия была поставщиком сельскохозяйственной продукции и дешевой рабочей силы. Политика военного коммунизма и нэпа не способствовали промышленному развитию ЧАССР. Отсутствие крупных городов, развитой инфраструктуры накладывало свой отпечаток на экономическое развитие края. Чувашия в рассматриваемый период была аграрным регионом по своему характеру развития. Сооружение средних промышленных предприятий и закладка основ крупной промышленности были возможны только при помощи союзного центра. Наркомат легкой промышленности ЧАССР был не способен своими силами решить поставленные задачи в короткий срок. Текстильные товары для региона производились из дефицитного утильсырья. Чувашия являлась поставщиком шерсти для производства экспортного сукна. Порецкий, Миренковский, Аликовский льнопенькозаводы союзного значения по первичной обработке тресты столкнулись с такими проблемами, как нехватка техники, машинного оборудования, квалифицированных рабочих. Все это сказывалось на выполнении шести указаний Сталина и развитии научно-исследовательской деятельности в промышленном масштабе.

Период 1929–1934 гг. является переломным для текстильной отрасли региона, подчинявшейся Наркомлегпрому ЧАССР. Выделенный период можно разделить на два этапа: 1) 1929–1932 гг. и 2) 1932–1934 гг.

В первый этап развития текстильной отрасли в государстве был осуществлен переход к плановой экономической системе. Развитие тяжелой промышленности стало основным приоритетом молодого социалистического государства. Был сделан упор на развитие и модификацию уже имеющихся предприятий. Вхождение Чувашской АССР в состав Нижегородского края в 1929 г. заложило основу для промышленного развития региона. Первый этап развития текстильной отрасли ЧАССР характерен усилением планового руководства, выполнением всех показателей по сдаче сельскохозяйственного сырья.

Заготовка шерсти для производства экспортного сукна была под особым контролем Нижегородской крайконторы «Заготсоюзшерсть». По заключению Госинспекции по экспортной шерсти, отгружаемой в Ленинград, была предъявлена масса претензий о несовпадении цвета и видов шерсти в указанных фактурах, также выявлена ненадлежащая упаковка, в результате которой шерсть на место назначения приходила испорченной [2. Л. 15]. В целях прекращения стрижки овчин и живых овец непосредственно перед убоем для увеличения сырьевых ресурсов и улучшения качества сырья НКЛП СССР постановил оставить цену на первый сорт всех шерстных овчин и голяка всех сортов без изменения, расценки второй, третьей и четвертой сортов шерстных и полушерстных русских и степных овчин всех способов консервировки изменил с таким расчетом, чтобы сдатчики сырья получили плату за овчину различных сортов с учетом количества и качества имеющейся у них шерсти. Повышение расценок компенсировалось большим выходом ценной шерсти и улучшением качества [3. Л. 32]. Для успешного выполнения плана по заготовке шерсти были проведены обследование, инструктаж представителем Нижегородской крайконторы, в результате которых были выявлены основные недочеты в работе Управления сырьевых заготовок Чувашпотребсоюза. Во избежание несогласованных планов было предложено представлять месячные планы в районном и областном разрезе для согласования. Кроме того, ставилось целью добиться коллективной сдачи шерсти с помощью соцсоревнования, ударного характера общественного труда, борьбы с «разбазариванием» шерсти [4. Л. 57–60].

В первый этап текстильная отрасль в основном была представлена артелями, кустарно-промысловыми кооперациями. Руководство Наркомлегпрома ЧАССР столкнулось с необходимостью коллективизации труда кустарей, технического оснащения и роста производительности труда имеющимися средствами.

Производство текстильной и швейной продукции в ЧАССР обеспечивалось предприятиями Копинсоюза и Деткомиссии из утильсырья. Начинается работа по индивидуальному пошиву одежды и заготовке утильсырья с привлечением сил комсомольской и пионерской организаций [5. Л. 1]. Несмотря на тот факт, что текстильные товары в указанный период были дефицитными, установление планового производства руководством Наркомлегпрома ЧАССР было признано нецелесообразным [6. Л. 6].

Вопрос о модернизации существующего производства товаров промышленного значения на первом этапе был поставлен очень осторожно, так как не хватало инженерно-технических работников, высококвалифицированных специалистов. Широкое вовлечение в промышленный труд женщин и подростков могло решить проблему дефицита кадров при наличии массово образованного населения.

Второй этап 1932–1934 гг. развития текстильной отрасли Чувашии входит во вторую пятилетку. Основной упор по-прежнему был на тяжелую промышлен-

ность и предприятия, которые могли обеспечить обороноспособность страны. Но при составлении второго пятилетнего плана Наркомлегпром РСФСР издает директиву о важности ликвидации промышленной отсталости национальных регионов страны. Наряду с развитием ведущей тяжелой промышленности был поставлен вопрос о строительстве предприятий легкой промышленности и создании кадров нацпролетариата как основы индустриализации страны. ЧАССР в данном плане не была указана. Этот факт исключал возможность получения финансирования из центра для форсированного индустриального развития Чувашии [8. Л. 71].

Благодаря корректировке центра руководство Наркомлегпрома ЧАССР совместно с Нижегородским краем приступило к строительству заводов союзного значения по первичной обработке тресты (вымоченной льняной или конопляной соломы), используемой для производства канатов. Порецкий, Миренковский и Аликовский льнопенькозаводы подчинялись Горьковскому Краевому льнотресту [13. Л. 3–5].

В отчетах Порецкого льнозавода № 67 указывалось, что 8,71 га земельной площади занято под завод. Планировалась работа предприятия с численностью 200 рабочих в три смены при восьмичасовом рабочем дне с пропускной способностью 3960 т в год. Но сроки запуска завода устанавливались не один, а четыре раза, так как не хватало стройматериалов и техники. Также острым был вопрос о недостаточности пожарной безопасности [10. Л. 149–151]. Завод начал свою работу с октября 1932 г. с большими перебоями [19. Л. 265].

По данным отчета Миренковского льнозавода Алатырского района, устанавливалась контрольная цифра на заготовку 328 т сырья. Предполагалось перерабатывать в одну смену две тонны тресты. При учете, что завод должен был работать в первое время в одну смену, все заготовленное сырье для запуска планировалось переработать примерно за пять месяцев [16. Л. 61]. Директором завода поднимался вопрос о низком качестве тресты Алатырьского района. С колхозами проводилась разъяснительная работа, и заключались договора о сдаче тресты в пункт приема – Алатырь. При запуске завода рассчитывали задействовать двадцать работников женского и восемнадцать мужского пола. Главной проблемой для завода являлось отсутствие машинного оборудования [11. Л. 152–154].

Аликовский пенькозавод, который был рассчитан на обработку 7825 т тресты в год, не был обеспечен сырьем даже для пробного пуска [9. Л. 86]. Завод планировалось запустить к IV кварталу 1932 г., но руководитель стройки и директор по совместительству в своем отчете сомневался в возможности запуска предприятия в I квартале 1933 г. [18. Л. 169]. Район, в котором должны были функционировать эти предприятия, не имел достаточно развитого льноводческого хозяйства. Недостающее количество сырья в указанных районах должно было покрываться за счет примыкающих к заводам бывших районов Нижегородской губернии [12. Л. 169–271].

Контрольные цифры за 1933 г. для Миренковского, Порецкого и Аликовского льнозаводов указывали на общую проблему нехватки сырья, техники, квалифицированных работников, поэтому в 1933 г. не планировалось строительство новых заводов. Нередко директивы Горьковского льнотрактора не доходили до руководства Наркомлегпрома ЧАССР, которому приходилось устанавливать свои контрольные цифры исходя из существующих реалий. [17. Л. 160–161].

Дальнейшее строительство льнопенькозаводов союзного значения на территории Чувашии могло создать техническую базу с квалифицированными

специалистами для самостоятельного промышленного развития национального региона ЧАССР.

Для решения вопроса острой нехватки рабочих на предприятиях легкой промышленности сектор кадров Наркомлегпрома РСФСР предложил в национальных республиках и областях обеспечить прием в школы ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) не менее 80% принимаемых за счет коренного населения данного края. При этом учитывалось, что в школах ФЗУ обучался крайне незначительный процент женщин-националок, поэтому указывалось принять от 10–15% курсистов женского пола к общему числу принимаемых. Для этого организовывались специальные курсы подготовки подростков из националов для поступления в ФЗУ в промышленных районах. Курсисты обеспечивались общежитиями, питанием и учебными пособиями по разработанной образовательной программе [7. Л. 37]. Можно говорить о внедрении женского труда и вовлечении женщин в производственную работу на основании сведений о численности и потребности в рабочей силе по льнопенькозаводам ЧАССР на 1933 г. Официальные отчеты предприятий легкой промышленности ЧАССР указывают на острую необходимость в кадрах с курсовой подготовкой: высококвалифицированных – четырех человек, квалифицированных – восьми человек, в том числе четырех женщин, полуквалифицированных – сорока двух человек, из них двадцати пяти женщин, неквалифицированных – двадцати шести [14. Л. 11]. При своевременном материальном обеспечении курсистов и обязательном условии возвращения в свой регион Чувашия могла получить пласт подготовленных специалистов для полноценной реализации шести указаний товарища Сталина.

Но краткие обзоры Наркомлегпрома ЧАССР поднимают вопрос о неудовлетворительной реализации шести указаний, так как в статистических материалах соответствующие графы предприятиями прочеркиваются. К примеру, прикрепление к станкам, хозрасчетные бригады и т.д. Культурно-воспитательная работа, по мнению руководства Наркомлегпрома ЧАССР, проводилась в недостаточной мере, и, как следствие этого, продолжались прогулы в религиозные праздники. В отношении снабжения рабочих хозяйственники продолжали надеяться на ЗРК и ЦРК. Формально была проведена борьба с обезличкой с установлением ответственности за станки, инструменты и оборудование, но это не отражалось в официальных статистических материалах. Новым методам труда и социалистическим соревнованиям на заводах не уделяли должного внимания [15. Л. 173]. При этом принцип хозрасчета устанавливался как основной метод управления хозяйством во всех звеньях промышленности, как основа выполнения плана. Основными недочетами были: несвоевременное установление нарядов цехам, ненадлежащее внутризаводское планирование, задержка выдачи необходимых средств цехам, слабо поставленный контроль над нарушением условий и сроков выполнения договоров, отсутствие тщательно разработанных планов снижения себестоимости на предприятиях. Для устранения выявленных проблем предлагалось ввести в практику ежемесячный отчет заведующих и старших бригадиров о недочетах и успехах цехов [20. Л. 6–7]. В основном предлагались мероприятия только организационного характера без глубоких качественных перемен в способах производства на предприятиях.

Организационные перестановки не могли стать основой для развития научно-исследовательской работы и организации фабрично-заводских лабораторий на предприятиях текстильной отрасли. Проводимые меры по снабжению оборудованием, реактивами, аппаратурой, по улучшению бытового положения работников научно-исследовательских учреждений были недоста-

точно реализованы, так как в ЧАССР не было собственных специалистов столь высокого уровня. Ресурсов для привлечения сторонних работников научно-исследовательских лабораторий у региона не было [21. Л. 8].

Второй этап развития текстильной отрасли региона 1932–1934 гг. заканчивается ликвидацией Наркомлегпрома ЧАССР. Предприятия, курируемые этой организацией, передаются Народному комиссариату местной промышленности ЧАССР. Возможность строительства промышленного комплекса текстильной отрасли отходит на второй план ввиду важности функционирования имеющихся предприятий тяжелой промышленности.

Таким образом, регион, который находился рядом с судоходной рекой, соседствовал с промышленно развитым Нижегородским краем, был лишь источником сельскохозяйственного сырья с условным присутствием предприятий текстильной отрасли. Попытки протолкнуть собственные интересы на уровне центра, добиться усиленного финансирования региона у местной власти провалились. Скорее всего, это было связано с тем, что партийное руководство ЧАССР отстояло границы своих территорий, активно продвигало на государственные должности титульную нацию наперекор центральной линии. Кроме того, в Чувашии в 1929–1934 гг. не было градообразующих предприятий, на основе которых местная власть могла бы самостоятельно при минимальных финансовых вложениях провести модернизацию. Строительство льнопенькозаводов союзного значения под кураторством Нижнего Новгорода стало первым значительным прорывом региона в текстильной отрасли. К сожалению, инициатива местной власти о развитии промышленного комплекса текстильной отрасли была упущена с ликвидацией Наркомлегпрома ЧАССР.

Литература

1. *Богатырев О.С., Тимофеев В.В.* К вопросу о состоянии фабрично-заводской промышленности Чувашии в 1921 – 1923 гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2010. № 3. С. 23–28.

2. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р415. Оп. 1. Ед.хр. 1. Д. 15.

3. ГИА ЧР. Ф. Р415. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 32.

4. ГИА ЧР. Ф. Р415. Оп. 1. Ед. хр. 1. Д. 57–60.

5. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 10. Д. 1.

6. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 10. Д. 6 .

7. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 16. Д. 37.

8. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 22. Д. 71.

9. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 29. Д. 86.

10. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 29. Д. 149–151.

11. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 29. Д. 152–154.

12. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 29. Д. 169–271.

13. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 35. Д. 3–5.

14. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 40. Д. 11.

15. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 47. Д. 173.

16. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 81. .Д. 61.

17. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 81. Д. 160–161.

18. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 81. Д. 169.

19. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 81. Д. 265.

20. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 94. Д. 6–7.

21. ГИА ЧР. Ф. Р416. Оп. 1. Ед. хр. 101. Д. 8.

22. Десять лет Чувашской АССР (1920–1930) / ред. В. Токсин. Чебоксары: ЦИК ЧАССР, 1930. 324 с.

23. История промышленности и рабочего класса Чувашии: в 2 ч. / науч. ред. и авт. предисл. А.В. Изоркин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978–1982.

24. *Минеева Е.К.* Экономическая и культурная политика Чувашии в 20–30-е годы XX века // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 82–93.

25. *Орлов В.В.* Этнополитические аспекты развития Чувашии в 20-е годы XX столетия. М.: Изд-во РГАЗУ, 2009. 380 с.

КАЗАНЦЕВА ЛАРИСА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lavalkazantseva@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8233-5688).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета, заведующий кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6218-8948).

Larisa V. KAZANTSEVA, Oleg N. SHIROKOV

DEVELOPMENT OF THE TEXTILE INDUSTRY IN CHUVASHIA IN 1929–1934

***Key words**: industrialization, People's Commissariat of light industry of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, textile industry, linen-scutching plants, formation of the proletariat national cadres, implementation of Stalin's six instructions, research activities of enterprises, production of textiles and clothing, procurement of wool for the production of export woolen cloth.*

The issue of accelerated USSR modernization at the regional level is understudied in the historical science. The evolvement of the industrial complex of the textile industry in Chuvashia is reinterpreted taking into account archival documents that are being introduced into scientific circulation for the first time. The article deals with the evolvement of the industrial complex of the textile industry in Chuvashia in 1929–1934. The purpose of the article is to provide insight into the problems connected with the evolvement of ChASSR textile industry enterprises within the framework of industrialization. The author analyzes the development of light industry enterprises of national standing in the region and the formation of regular labor force, textile production and the main problems faced by the regional leadership during forced modernization. The documents of the State historical archive of the Chuvash Republic were used as a source base. The period from1929 to 1932 is marked by transition to the planned management of the ChASSR textile industry and implementation of all standards for the delivery of agricultural raw materials. In 1932–1934 the People's Commissariat of light industry of the ChASSR together with the Nizhny Novgorod region launched linen-scutching plants of national standing, which could become a technical basis with qualified specialists for the modernization of the regional textile industry. The article concludes that accelerated transformations in the textile industry took place without taking into account local characteristics. In the region there were no large enterprises of the textile industry, on the basis of which the leadership of the region could carry out forced modernization with minimal financial costs.

References

1. Bogatyrev O.S., Timofeev V.V. *K voprosu o sostoyanii fabrichno-zavodskoi promyshlennosti Chuvashii v 1921–1923 gg.* [The status of the factory – and – workshop industry in Chuvashia in 1921–1923]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 2010, no. 3, pp. 23–28.

2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-415. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 1. Dokument 15* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-415. Anagraph 1. Storing unit 1. Document 15].

3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-415. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 1. Dokument 32* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-415. Anagraph 1. Storing unit 1. Document 32].

4. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-415. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 1. Dokument 57–60* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-415. Anagraph 1. Storing unit 1. Document 57–60].

5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 10. Dokument 1* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 10. Document 1].

6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 10. Dokument 6* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 10. Document 6].

7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 16. Dokument 37* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 16. Document 37].

8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 22. Dokument 71* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 22. Document 71].

9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 29. Dokument 86* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 29. Document 86].

10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 29. Dokument 149–151* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 29. Document 149–151].

11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 29. Dokument 152–154* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 29. Document 152–154].

12. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 29. Dokument 169–271* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 29. Document 169–271].

13. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 35. Dokument 3–5* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 35. Document 3–5].

14. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 40. Dokument 11* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 40. Document 11].

15. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 47. Dokument 173* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 47. Document 173].

16. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 81. Dokument 61* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 81. Document 61].

17. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 81. Dokument 160–161* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 81. Document 160–161].

18. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 81. Dokument 169* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 81. Document 169].

19. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 81. Dokument 265* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 81. Document 265].

20. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 94. Dokument 6–7* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 94. Document 6-7].

21. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-416. Opis' 1. Edinitsa khraneniya 101. Dokument 8* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives R-416. Anagraph 1. Storing unit 101. Document 8].

22. Toksin V. ed. *Desyat' let Chuvashskoi ASSR (1920–1930)* [Ten years of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic (1920–1930)]. Cheboksary, 1930, 324 p.

23. Izorkin A.V., ed. *Istoriya promyshlennosti i rabochego klassa Chuvashii: v 2 ch.* [History of industry and working-class of Chuvashia: in 2 parts]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1978–1982.

24. Mineeva E.K. *Ekonomicheskaya i kul'turnaya politika Chuvashii v 20–30-e gody XX veka* [The economical and cultural policy of the Chuvash Republic in the 20–30s years of 20th century]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2008, no. 4, pp. 82–93.

25. Orlov V.V. *Etnopoliticheskie aspekty razvitiya Chuvashii v 20-e gody XX stoletiya* [Ethno-political aspects of the development of Chuvashia in the 1920s]. Moscow, 2009, 380 p.

LARISA V. KAZANTSEVA – Post-Graduate Student, Department of the History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (lavalkazantseva@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8233-5688).

OLEG N. SHIROKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History and Geography, Head of the Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (425954@rambler.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6218-8948).

Формат цитирования: *Казанцева Л.В., Широков О.Н.* Развитие текстильной отрасли Чувашии в 1929–1934 годах // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 45–52. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-45-52.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-53-63

УДК 39:008::303.425.6(470.344)
ББК С545.1(2Рос.Чув)

О.В. КАРПОВА, И.В. МУРАВЬЕВА,
А.Н. ПАВЛОВА, Е.В. ТКАЧЕНКО

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В ЧУВАШИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ

Ключевые слова*: этнокультурное развитие, национальная культура, межнациональные отношения, национальная политика, язык, культура, национальность, традиция.*

Статья посвящена изучению этнокультурных особенностей в Чувашской Республике на современном этапе. Данная проблема актуальна с точки зрения региональных этнических процессов, а также стратегии национальной государственной политики. Авторами анализируются материалы эмпирических исследований по вопросам сохранности и ценности национальной культуры, межнациональных отношений, которые проводились в Чувашской Республике ежегодно в 2017–2019 гг. Число респондентов каждый год составляло чуть более 600 человек. Результаты обработки данных опросов показали, что если для чувашей язык в большей степени значим как фактор этнической самоидентичности, то для русских – это «общая земля, территория». Авторы считают, что для чувашей родной язык является одним из главных факторов не только с точки зрения реализации возможностей общения на нем и его значимости для поддержания народных традиций, но и в связи с актуализацией проблемы сохранения своего этноса в условиях глобализации общества. Некоторые опасения за сохранность национальной культуры связаны с пассивностью самого населения и низким уровнем информационной работы в данной области.

Проблема сохранения этнического своеобразия российских народов в составе многонационального государства актуальна и входит в повестку дня государственных структур, органов муниципального управления, общественных организаций и т.д. В «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» поддержка и сохранение этнокультурного и языкового многообразия нашей страны определены в качестве приоритетов государственной национальной политики[1].

В Чувашии эти проблемы являлись предметом исследования еще в советский период [13], в 2000-х гг. они были затронуты в историко-этнографическом исследовании, посвященном истории и культуре чувашей [12]. Проблемам этнокультурного развития в Чувашской Республике большое внимание со стороны научного сообщества уделяется и на современном этапе. И.И. Бойко, А.П. Долгова, В.Г. Харитонова опубликовали ряд работ, посвященных общим проблемам этнокультурного развития [6], вопросам выбора этнических индикаторов и использования родных языков [4], роли и месту этнокультурного образования с точки зрения сохранения и развития традиционных этнических культур [1], изучению мнения учащейся молодежи на возможности использования этнокультурных знаний в профессиональной и повседневной жизни [2]. Предметом их исследований также стал анализ деятель-

[1] О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666: Указ Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703 [Электронный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCB HvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

ности властных структур в сфере реализации государственной национальной политики [3]. Кроме того, имеется ряд научных работ других авторов, посвященных анализу этнокультурной ситуации в Чувашской Республике [8], проблемам межэтнического взаимодействия в Чувашии [11], роли современных информационно-коммуникационных технологий в этнокультурных процессах [9]. Особенности использования различных индикаторов для оценки эффективности национальной политики в Чувашии нашли свое отражение в экспертном докладе, подготовленном по материалам регионов Приволжского федерального округа [5].

Исследуя этнокультурное развитие республики, необходимо учитывать, что в Чувашии к настоящему времени сложилась достаточно устойчивая сеть духовных и материальных интеграторов. К ним относят такие показатели, как высокий образовательный уровень населения, сложившаяся в регионе билингвистическая языковая ситуация, особая мировоззренческая система ценностей, высокий уровень толерантности, стабильность межэтнических и межконфессиональных отношений, культурное наследие народов, проживающих в республике, культурная политика, сеть региональных культурных учреждений и средств массовой информации. Результаты эмпирических обследований населения Чувашской Республики демонстрируют довольно высокий реальный и потенциальный коммуникативный уровень, сложившийся в регионе в сфере межэтнических отношений. Большое влияние на этнокультурные и межэтнические процессы в республике оказывают межкультурные коммуникации информационного общества. На современном этапе возрастает их роль в формировании личности. Этнокультурная жизнь региона развивается динамично, жители Чувашии принимают в ней активное участие. Анализ потребностей в этнокультурных мероприятиях и этнокультурной информации показывает, что они широко востребованы со стороны населения региона.

В настоящей статье использованы материалы ежегодных опросов, проведенных Чувашским государственным институтом гуманитарных наук по теме «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» в течение 2017–2019 гг. В каждом эмпирическом исследовании в среднем было опрошено чуть более 600 респондентов.

Обратим внимание на то, что в ходе категоризации этнической идентичности респондентов разных национальностей в 2017, 2018 и 2019 гг. были получены устойчивые результаты по порядку и частоте выбора выделенных категорий (рис. 1). Конечно, эти показатели достаточно условны, поскольку объединены ответы представителей чувашей, русских, отчасти татар, мордвы и других народов, участвовавших в опросах. Но, как показывают другие исследования, в целом набор важнейших индикаторов при этнической идентификации практически соответствует наиболее выбираемым из них представителями различных народов. Так, Л.М. Дробижева и С.В. Рыжова, используя результаты опроса Института социологии РАН, отмечают, что выраженными этническими индикаторами являются «язык», «культура», «родная земля», «историческое прошлое» [7. С. 17].

Анализ результатов трехлетних эмпирических исследований показывает, что набольшей популярностью среди респондентов пользовался индикатор «национальный (родной) язык» (от 58,7% до 64,4% за разные годы). Вслед за ним следуют такие показатели, как «общая земля, территория» (от 44,7% до 56,0%); «историческая судьба, прошлое» (от 28,7% до 35,9%); «националь-

ные обычаи, привычки, обряды» (от 30,5% до 32,3%). Значительно менее популярным среди респондентов стал выбор таких вариантов ответа, как «народное творчество, сказки, песни, предания» (от 11,1% до 12,8%), «национальная литература и профессиональная культура» (от 6,4% до 11,5%). Выбор внешних признаков этнической самоидентичности в качестве значимых индикаторов среди опрошенных варьировался с 3,7% до 13,2% («черты характера, психология», «внешний облик»). При этом от 8,7% до 12,2% респондентов выбрало ответ, что «сложно выразить словами» то чувство, что сближает их со своим народом и людьми своей национальности.

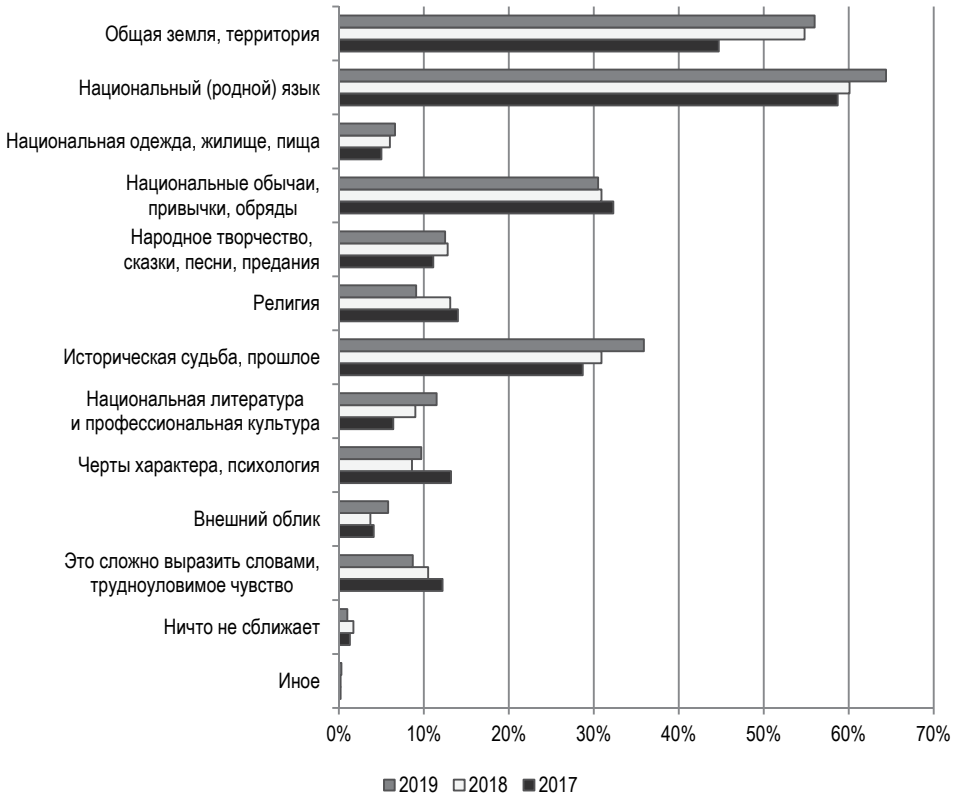

Рис. 1. Ответы на вопрос «Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом?» (допускался выбор не более трех вариантов ответа)

Результаты анализа сложившейся в Чувашской Республике ситуации позволяют констатировать, что иерархия заявленных интеграторов достаточно понятна и характеризует общий уровень этнокультурного развития республики. В то же время необходимо подчеркнуть, что подобные наборы этноконсолидирующих признаков, приводимых другими авторами, свидетельствуют, что при важности выделенных индикаторов уровни их значения у отдельных народов неодинаковы и определяются разными факторами. Например, по данным З.А. Махмутова, в иерархии этноконсолидирующих признаков татар Казах-

стана на первом месте стоит «язык», затем отмечены «происхождение», «культура», «религия» [10. С. 186, 190].

Полученные в ходе эмпирических исследований 2017–2019 гг. результаты демонстрируют тот факт, что при общей схожести выбираемых индикаторов наблюдаются расхождения в их важности между ответами респондентов русской и чувашской национальностей. Это можно, например, увидеть по данным обследования 2019 г. (рис. 2). Если родной язык для чувашей в большей степени значим как фактор этнической самоидентичности по сравнению с таковым среди всего массива опрошенных (70,7%), то для русских этот показатель оказывался на второй-третьей позиции по степени важности (47,1%). Для русского населения Чувашии приоритетным являлся такой маркер, как «общая земля, территория» (55,1%), затем наряду с родным языком идет показатель «историческая судьба, прошлое» (47,1%).

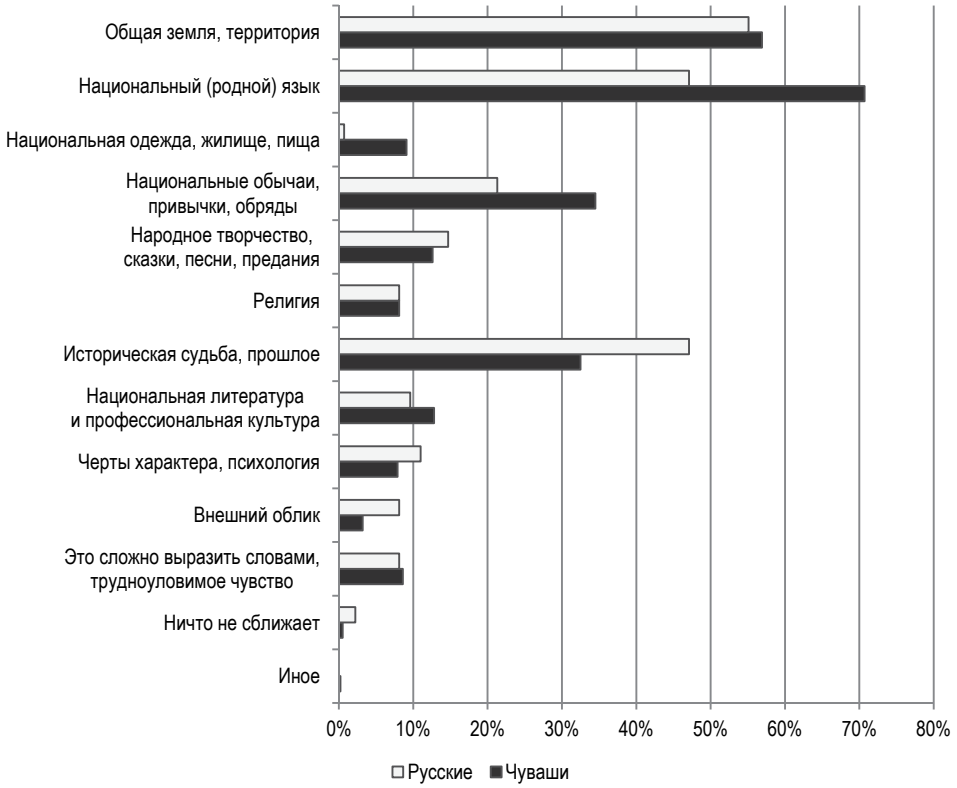

Рис. 2. Ответы респондентов русской и чувашской национальностей на вопрос «Скажите, что из перечисленного сближает Вас с людьми Вашей национальности, Вашим народом?» (допускался выбор не более трех вариантов ответа)

Таким образом, для опрошенных респондентов-чувашей родной язык является главным отличительным фактором не только с точки зрения реализации его коммуникационных возможностей и важности для развития народных культурных традиций, но и в связи с потребностью сохранения самого языка в условиях глобализации на фоне продолжающихся в обществе постоянных

споров и дискуссий о возможности его исчезновения и т.д. Для русского населения Чувашии в условиях, когда русский язык является государственным не только на региональном, но и на общефедеральном уровнях, такой проблемы нет. Его функционирование во всех сферах жизнедеятельности общества представляется вполне естественным и не внушает особых опасений. Также следует заявить о том, что язык выступает в большинстве своем как этнический маркер в его символическом значении. При этом важен сам факт наличия родного языка, а не уровень знания или владения им.

Важным, на наш взгляд, представляется изучение востребованности в обществе потребности в этнической культуре. Отношение к обычаям и традициям своего народа у участников обследований 2017–2019 гг. отражено на рис. 3. Приверженность к этим социальным нормам за годы эмпирических исследований изменилась незначительно. По-прежнему, главным хранителем этнических норм и традиций в обществе остается семья. Доля тех, кто соблюдал обычаи и традиции в семейном кругу, варьируется в пределах от 50,2% до 54,6% за разные годы. От 33,6% до 40,8% опрошенных заявляло о том, что интересуется национальной культурой и историей, а количество тех, кто придерживался религиозных обрядов и традиций своего народа, варьировалось в пределах от 20,6% до 30,9%.

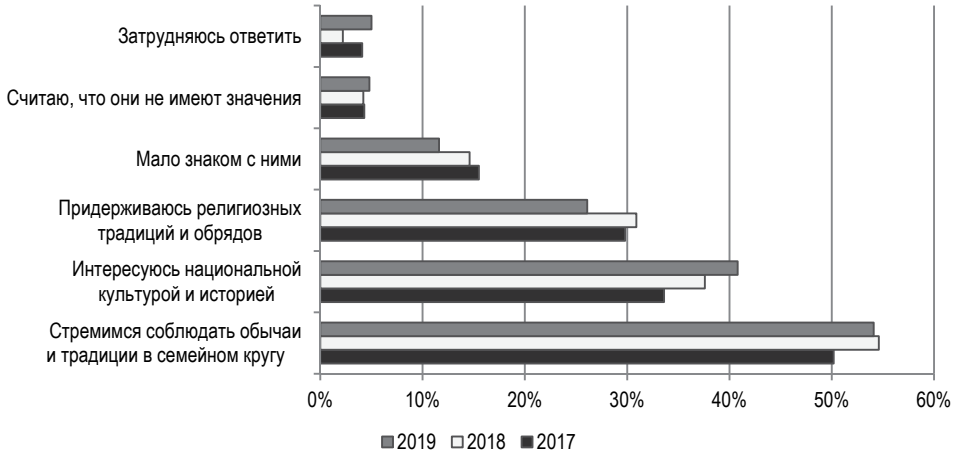

Рис. 3. Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?» (допускался выбор нескольких вариантов ответа)

Интересны с научной точки зрения результаты распределения ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?» с учетом таких личностных характеристик опрашиваемых, как «возраст», «место проживания» и «национальность». С учетом многофакторности заявленной исследовательской задачи приведем результаты анализа данных, полученных в ходе обследования 2019 г. (табл. 1).

Полученные в ходе эмпирического исследования 2019 г. данные свидетельствуют о том, что возраст респондентов является одним из наиболее значимых оснований для их дифференциации по отношению к обычаям, традициям и культуре своего народа. Например, дистанция между самыми мо-

лодыми и возрастными респондентами по уровню соблюдения ими обычаев и традиций составила свыше 18 п.п., а по приверженности к религиозным традициям – почти 26 п.п. Почти четверть из числа опрошенных всех возрастных категорий признали, что они мало знакомы с традициями и культурой своих предков.

Таблица 1

Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к обычаям и традициям, культуре своего народа?» в зависимости от возраста, места проживания и национальности респондентов (допускался выбор нескольких вариантов ответа)

Варианты ответов	Возраст			Место проживания		Национальность	
	18–29	30–59	60 и старше	город	село	чуваши	русские
Стремлюсь соблюдать обычаи и традиции в семейном кругу	43,5%	55,4%	61,9%	52,1%	57,8%	57,1%	42,6%
Интересуюсь национальной культурой и историей	35,1%	40,1%	47,5%	37,4%	46,8%	44,1%	30,9%
Придерживаюсь религиозных традиций и обрядов	10,7%	28,1%	36,0%	22,9%	31,7%	26,4%	26,5%
Мало знаком с ними	24,4%	9,9%	2,9%	13,9%	7,3%	8,6%	19,9%
Считаю, что они не имеют значения	5,3%	4,5%	5,0%	4,4%	5,5%	4,7%	5,1%
Затрудняюсь ответить	7,6%	5,4%	1,4%	5,7%	3,7%	5,2%	4,4%

Поселенческие особенности являются также значимыми, но не такими дифференцирующими. Вполне ожидаемым результатом стало то, что среди сельского населения традиционно была выше доля тех, кто помнит и соблюдает традиционную культуру своего народа (57,8%).

С точки зрения учета фактора национальности следует заявить о том, что у чувашей и русских дистанции были зафиксированы в пунктах о семейных традициях, национальной истории и культуре. Отношение к религии у представителей обеих национальностей было примерно равным.

В целом результаты анализа потребностей населения республики в этнокультурных мероприятиях и этнокультурной информации показали, что они востребованы в обществе. Доля респондентов, посчитавших, что этнокультурные обычаи и традиции не имеют значения, независимо от их возраста, места проживания и национальности, варьировалась лишь в пределах 4,4–5,5 п.п.

Результаты исследования в 2017–2019 гг. уровня озабоченности участников опроса сохранением своих национальных культур, самобытности народов представлены на рис. 4. Они свидетельствуют о том, что данные об уровне подобной озабоченности в течение трех лет оставались в целом стабильными.

Включение в анализ такого фактора, как национальность, показывает, что ответы на вопрос «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культуру)?» у различных этнических групп заметно расходятся (табл. 2). Для русских, проживающих в республике, данная проблема неактуальна, большинство из респондентов (исключение в 2017 г.) отметили, что никакой опасности для национальной самобытности, языка нет. Около 25–30% из их числа отметили, что никогда не задумывались об этом.

Существование опасности в той или иной степени отметили 14–20% респондентов-русских. Для чувашей ситуация выглядит иной, и о существовании

опасности для культуры заявляют свыше половины опрошенных. В то же время половина респондентов-чувашей или не видит никакой опасности, или же не задумывалась над этой проблемой.

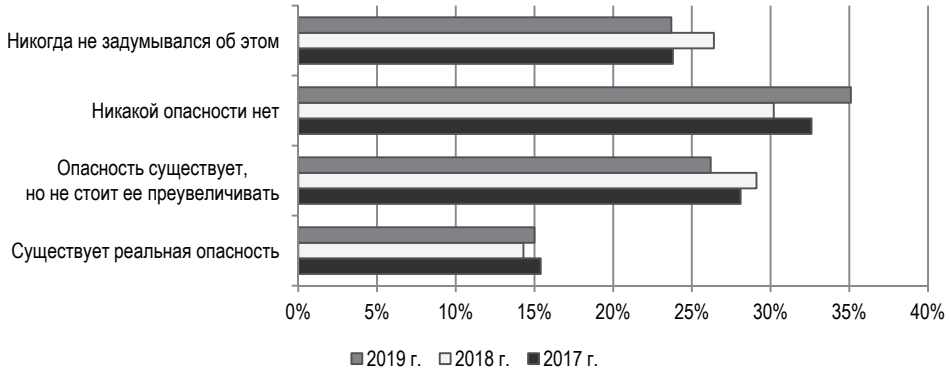

Рис. 4. Ответы на вопрос: «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культуру)?»

Таблица 2

Ответы респондентов русской и чувашской национальностей на вопрос: «Существует ли в Чувашии опасность для представителей Вашей национальности утратить национальную самобытность (язык, культуру)?»

Варианты ответов	2017 г.		2018 г.		2019 г.	
	чуваши	русские	чуваши	русские	чуваши	русские
Существует реальная опасность	21,6%	2,1%	19,4%	4,4%	19,0%	5,9%
Опасность существует, но не стоит ее преувеличивать	32,0%	18,2%	34,0%	11,8%	32,3%	8,1%
Никакой опасности нет	27,4%	45,5%	19,9%	58,8%	25,6%	56,6%
Никогда не задумывался об этом	19,0%	34,3%	26,6%	25,0%	23,2%	29,4%

Ситуация с русскими достаточно понятна в условиях абсолютного преобладания численности русских в составе населения страны. В то же время выраженная уверенность респондентов-русских об отсутствии опасности для национальной самобытности и языка не означает, что они хорошо знакомы со своей традиционной культурой и стремятся соблюдать ее социальные нормы.

Значительная часть чувашей, составляющих практически две трети населения республики, понимает, что в условиях глобализации, значительных коммуникационных преимуществ русского языка, небольших возможностей национальных средств массовой информации в пропаганде и развитии этнической культуры последней необходима реальная поддержка. В связи с этим представляется необходимым при реализации как этнокультурной, так и языковой политики в регионе учитывать воздействие этих факторов для минимизации реальной настороженности части чувашского населения относительно этнокультурного будущего своего народа.

В 2019 г. была сделана попытка выяснить мнение респондентов о возможных вариантах действия органов власти, муниципального управления и общественности по сохранению национальной самобытности и культур. Ожидаемо, что более активными в этом отношении оказались респонденты-чуваши. Свы-

ше трети из их числа (35%) ответили, что властные структуры должны что-то предпринимать для сохранения этнических культур. Среди русских таковых оказалось менее четверти (23%). Одновременно только 10% чувашей полагали, что власть ничего не должна предпринимать в этом направлении, в то время как в составе респондентов-русских таковых оказалось выше четверти (27%). Остальные затруднились ответить. Ответ на данный вопрос предполагал возможность озвучить конкретные предложения для действия органов власти. Часть опрошенных, в первую очередь респонденты-чуваши, активно откликнулись на эту просьбу.

Результаты обобщения высказанных мнений респондентов показали, что большая их часть испытывает определенную озабоченность в связи с языковой ситуацией, которая сложилась на региональном уровне. Это прежде всего касалось судьбы чувашского языка и его преподавания (решения этого вопроса в той или иной мере касалось 41% всех предложений респондентов). Высказанные респондентами предложения также указывают на то, что население Чувашской Республики, как субъект общения, реагирует на региональные лингвистические проблемы (путем обсуждения в прессе, участия в форумах и т.д.). Родной язык и его употребление в обществе в оценках опрошенных жителей Чувашии зачастую приобретают большой эмоциональный окрас, а сложившаяся в регионе неравноценная билингвистическая языковая ситуация на современном этапе еще более актуализирует эти вопросы. Вопросы, связанные с обеспечением функционирования национального (родного) языка в республике, прежде всего волнуют чувашское население. При этом главное, на чем настаивает русская часть опрошенных, – это то, что обучение родному языку в образовательных заведениях Чувашии должно строиться на добровольной основе.

Значительная часть предложений респондентов касалась развития в регионе национальных культур, улучшения информационной и пропагандистской работы средств массовой информации. Об этом заявило от 13% до 23% опрошенных. О важности усиления влияния общественных организаций в процессе выработки гражданских позиций для сохранения национальной культуры и языка высказались 4,6% опрошенных. Часть предложений касалась воспитания молодого поколения в духе приобщения их к ценностям «национальной культуры» (5,5%), «решения общих экономических и финансовых проблем развития как самой республики, так и сферы культуры и образования» (4,6%). При этом ряд респондентов указал на необходимость активизации в этом направлении деятельности самих органов власти и других структур прежде всего путем разрешения возникающих проблем на законодательном уровне (8,3%).

В целом население Чувашии положительно оценивает уровень этнокультурного развития в регионе. По мнению опрошенных, основная роль в вопросах повышения культуры межнационального общения, восприятия лиц с этнокультурными особенностями должна реализовываться через семью и сеть общеобразовательных учебных заведений, а также посредством усиления влияния информационных ресурсов в этом процессе.

Наиболее актуальной в регионе является ситуация с национальным (родным) языком и возможностями его изучения, в том числе в образовательных учреждениях республики. При этом для значительной части населения характерно общее отстраненно-нейтральное отношение к событиям, происходящим в этнокультурной сфере республики. В целом это связано с во-

просами функционирования культурного потенциала и его перехода в культурный капитал. Речь может идти о недостаточно полном использовании имеющихся человеческих ресурсов в культурной и социокультурной сферах. Данная проблема характерна для многих регионов России. Также имеются определенные сложности информационного характера, когда население Чувашской Республики затрудняется с оценкой этнокультурного развития в регионе. Это в большей степени связано с тем, что уровень информационной и разъяснительной работы в сфере этнокультурных взаимоотношений в республике все еще является довольно низким и недостаточным для удовлетворения всех общественных потребностей.

Литература

1. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Дискурс о проблемах этнокультурного образования и результаты этнологического мониторинга // Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад за 2017 год / отв. ред. В.В. Амелин, В.С. Воронов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 221–240.

2. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Мнение школьников и студентов Чувашии о межэтнических отношениях и практичности этнокультурной политики // Этнокультурное содержание образования, российская идентичность и гражданское согласие в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков, В.С. Воронов, В.В. Степанов. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 127–147.

3. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Национальная политика и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Этнопанорама. 2016. № 3–4. С. 50–59.

4. *Бойко И.И., Долгова А.П., Харитонова В.Г.* Этнокультурные предпочтения, родные языки населения Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2018. № 2. С. 31–39.

5. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* О формальных показателях и реальных фактах реализации государственной национальной политики в регионе // Мониторинг реализации государственной национальной политики в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад по итогам специсследования / ред. Тишков В.А., Степанов В.В. М.; Оренбург; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2017. С. 120–128.

6. *Бойко И.И., Харитонова В.Г.* Процессы этнокультурного развития и межэтнического диалога: на примере Чувашской Республики // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящённой 90-летию со дня рождения Петра Владимировича Денисова. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 140–147.

7. *Дробижева Л.М., Рыжова С.В.* Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 9–24.

8. *Иванова Н.М., Ильин И.Е.* Современная этнокультурная ситуация и межнациональные отношения в Чувашской Республике // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 123–142.

9. *Иванова Н.М., Харитонова В.Г.* Информационно-коммуникационные технологии этнокультурном развитии региона (на примере Республики Чувашия) / ЧГИГН. Чебоксары, 2013. 125 с.

10. *Махмутов З.А.* Компоненты этнической идентичности татар Казахстана // Этносоциология в Татарстане: опыт полевых исследований / Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ. Казань, 2013. С. 184–193.

11. *Минеев А.И., Минеева Е.К.* Межэтническое взаимодействие в Чувашской Республике на современном этапе: социологический опрос // Studia Humanitatis. 2018. № 3. С. 13.

12. Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование: в 2 т. / под общ. ред. В.П. Иванова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 336 с.

13. Чуваши: современные этнокультурные процессы / под общ. ред. В.В. Пименова. М.: Наука, 1988. 240 с.

КАРПОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (karp_olya@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0327-765X).

МУРАВЬЕВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irina17-04@bk.ru).

ПАВЛОВА АЛЕВТИНА НИКОЛАЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (pavlova.alya2013@yandex.ru).

ТКАЧЕНКО ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (krasnoludek85@mail.ru).

Olga V. KARPOVA, Irina V. MURAVYEVA, Alevtina N. PAVLOVA, Evgeny V. TKACHENKO

PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT IN CHUVASHIA: BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS

***Key words**: ethno-cultural development, national culture, interethnic relations, national policy, language, culture, nationality, tradition.*

The article is devoted to the study of ethnocultural features in the Chuvash Republic at the present stage. This problem is topical from the point of view of regional ethnic processes, as well as the strategy of national state policy. The authors analyze the materials of empirical research on the issues of preserving and value of the national culture and interethnic relations, which were conducted in the Chuvash Republic annually in 2017–2019. The number of respondents each year was a little over 600. The results of processing these surveys showed that if the Chuvash language is more important for the Chuvash as a factor of ethnic identity, for the Russians it is a "common land, territory". The authors believe that for the Chuvash people, their native language is one of the main factors not only in terms of implementing the opportunities to communicate in it and its importance for maintaining folk traditions, but in connection with actualization of the problem of preserving their ethnic group in conditions of a globalized society as well. Some concerns for safekeeping the national culture are related to passivity of the population itself and a low level of awareness-building efforts in this area.

References

1. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Diskurs o problemakh etnokul'turnogo obrazovaniya i rezul'taty etnologicheskogo monitoringa* [Discourse on problems of ethno-cultural education and results of ethnological monitoring]. In: *Mezhetnicheskie otnosheniya i religioznaya situatsiya v Privolzhskom federal'nom okruge. Ekspertnyi doklad za 2017 god* [Interethnic relations and religious situation in the Volga Federal district. Expert report for 2017]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 221–240.

2. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Mnenie shkol'nikov i studentov Chuvashii o mezhetnicheskikh otnosheniyakh i praktichnosti etnokul'turnoi politiki* [The opinion of students of the Chuvash Republic on interethnic relations and ethnocultural policy of practicality]. In: *Etnokul'turnoe soderzhanie obrazovaniya, rossiiskaya identichnost' i grazhdanskoe soglasie v Privolzhskom federal'nom okruge*. *Ekspertnyi doklad* [Ethnocultural content of education, Russian identity and civic accord in the Volga Federal district. Expert report]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 127–147.

3. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Natsional'naya politika i mezhnatsional'nye otnosheniya v Chuvashskoi Respublike* [National policy and interethnic relations in the Chuvash Republic]. *Etnopanorama*, 2016, no. 3-4, pp. 50–59.

4. Boiko I.I., Dolgova A.P., Kharitonova V.G. *Etnokul'turnye predpochteniya, rodnye yazyki naseleniya Chuvashii* [Ethnocultural preferences, native languages of the population of Chuvashia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 31–39.

5. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *O formal'nykh pokazatelyakh i real'nykh faktakh realizatsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki v regione* [About formal indexes and real facts of state national policy implementation in the region]. In: *Monitoring realizatsii gosudarstvennoi natsional'noi politiki v Privolzhskom federal.okruge. Ekspertnyi doklad po itogam spetsissledovaniya* [Monitoring of state national policy implementation in the Volga Federal District. Expert report on the results of a special research]. Moscow, Orenburg, Izhevsk, 2017, pp. 120–128.

6. Boiko I.I., Kharitonova V.G. *Protsessy etnokul'turnogo razvitiya i mezhetnicheskogo dialoga: na primere Chuvashskoi Respubliki* [Processes of ethnocultural development and interethnic dialogue: in the case of the Chuvash Republic]. In: *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoi 90-letiyu so dnya rozhdeniya Petra Vladimirovicha Denisova* [Peoples of the Volga-Ural region in the history and culture of Russia: Proc. of the int. sci. conf., dedicated to the 90th anniversary of Petr Vladimirovich Denisov]. Cheboksary, Sreda Publ., 2018, pp. 140–147.

7. Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. *Grazhdanskaya i etnicheskaya identichnost' i obraz zhelaemogo gosudarstva v Rossii* [Civic and ethnic identity and perception of the preferable state in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2015, no. 5, pp. 9–24.

8. Ivanova N.M., Il'in I.E. *Sovremennaya etnokul'turnaya situatsiya i mezhnatsional'nye otnosheniya v Chuvashskoi Respublike* [Modern ethnocultural situation and international relations in the Chuvash Republic]. *Chuvashskii gumanitarnyi vestnik*, 2012, no. 7, pp. 123–142.

9. Ivanova N.M., Kharitonova V.G. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii etnokul'turnom razvitii regiona (na primere Respubliki Chuvashiya)* [Information and communication technologies in the ethno-cultural development of the region: in the case of the Chuvash Republic]. Cheboksary, 2013, 125 p.

10. Makhmutov Z.A. *Komponenty etnicheskoi identichnosti tatar Kazakhstana* [Components of the Tatars ethnic identity in Kazakhstan]. In: *Etnosotsiologiya v Tatarstane: opyt polevykh issledovanii* [Ethnosociology in Tatarstan: field researches experience]. Kazan, 2013, pp. 184–193.

11. Mineev A.I., Mineeva E.K. *Mezhetnicheskoe vzaimodeistvie v Chuvashskoi Respublike na sovremennom etape: sotsiologicheskii opros* [Interethnic interaction in the Chuvash Republic at the present stage: a sociological survey]. *Studia Humanitatis*, 2018, no. 3, p. 13.

12. *Chuvashi: istoriya i kul'tura: istoriko-etnograficheskoe issledovanie: v 2 t.* [Chuvsh: history and culture. 2 vols.]. Cheboksary, 2009, vol. 1, 416 p.; vol. 2, 336 p.

13. *Chuvashi: sovremennye etnokul'turnye protsessy* [Chuvash: modern ethnocultural processes]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 240 p.

OLGA V. KARPOVA – Senior Lecturer, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (karp_olya@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0327-765X).

IRINA V. MURAVYEVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (irina17-04@bk.ru).

ALEVTINA N. PAVLOVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (pavlova.alya2013@yandex.ru).

EVGENY V. TKACHENKO – Senior Lecturer, Department of Documentation, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (krasnoludek85@mail.ru).

Формат цитирования: *Карпова О.В., Муравьева И.В., Павлова А.Н., Ткаченко Е.В.* Проблемы этнокультурного развития в Чувашии: по материалам социологических опросов // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 53–63. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-53-63.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-64-76

УДК 94
ББК 63.3(0)63

Н.С. КОЗЬЯКОВА

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ БАНКОВ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АВСТРИИ В 1945–1946 ГОДАХ

***Ключевые слова**: национальная промышленность, национализация, государственная собственность, монополии, Коммунистическая партия Австрии, правые социалисты.*

Дан анализ послевоенной национализации в Австрии. Национализация была проведена в интересах крупного капитала. Это относилось как к методам и формам хозяйствования в национализированном секторе, так и к методам и формам управления, непосредственное руководство которыми осуществляли крупные монополисты и их ставленники. Монополии Австрии осуществляли всю полноту власти в стране и в максимально возможной степени использовали государственный сектор для укрепления своего финансового, политического и экономического господства, для увеличения собственных прибылей при помощи перераспределения национального дохода и нарушения трудового законодательства. Опыт национализации Австрии, которая хотя и является небольшой страной, дал возможность сделать некоторые выводы относительно значения и роли национализации для борьбы рабочих за строительство справедливого социального государства. В Австрии национализация была вызвана особыми историческими условиями, которые сложились в стране после поражения фашистской Германии. У австрийской олигархии, которая была союзником Германии, не было прямых путей получить находившуюся в Австрии промышленность, которая принадлежала немецким монополиям. В данный период австрийские финансисты рассматривали национализацию как наименьшее зло. Австрийской олигархии было выгодно переложить все финансовое и экономическое бремя на государство, т.е. в конечном итоге – на налогоплательщиков. При помощи национализации она рассчитывала воспрепятствовать переходу находившихся в Восточной Австрии и принадлежавших Германии предприятий, в качестве репарации, в собственность СССР. Автор приходит к выводу, что экономической основой австрийского нейтралитета стала национализация, которая также была мощным оружием рабочих в условиях коренного изменения соотношения сил в стране.

В Австрии, как и во всем мире, после победы над фашистской Германией наступили рост самосознания рабочих и подъем их движения. Несмотря на влияние пережитого, австрийским рабочим удалось сохранить собственные традиции, и в дальнейшем они начали понимать, что гарантией от нового прихода к власти фашизма, независимости и мира в стране можно добиться только при помощи коренных демократических преобразований.

Австрийские рабочие стали осознавать, что проведение борьбы за демократию и мир будет требовать обязательной ликвидации австрийских и немецких монополий, которые привели к фашизму страну. Следовательно, для этого была необходима ликвидация экономической монополистической базы при помощи конфискации имущества крупных собственников и дальнейшей ее передачи государству. Наиболее передовые рабочие понимали, что национализация необходима только в качестве мероприятий, которые направлены на полную демократизацию страны.

Коммунистическая партия Австрии (КПА) сыграла решающую роль в переломе сознания австрийских рабочих. В соседних с Австрией странах Восточной Европы огромное значение имели ключевые трансформации и успешная борьба всего трудоспособного населения. В центральном органе КПА газете «Österreichische Volkstimme» указывалось, что «Национализация клю-

чевых отраслей промышленности, банков и страховых обществ поставлена в центр экономических задач во всех странах Европы после окончания этой войны. Все народы поняли, что частная собственность на промышленные предприятия, на банки и страховые общества скрывает в себе страшную опасность для мира между народами» [1. С. 72]. В другом номере этой же газеты отмечалось, что «Национализация не является австрийским открытием, а стала уже международным достоянием» [1. С. 80].

По мере освобождения страны СССР местные олигархи, которые активно сотрудничали с фашистским режимом, своего рода промышленные «фюреры» заводов и фабрик, совершали побег на Запад, не задумываясь о судьбе своего имущества и предприятий. В Австрии к концу 1946 г. было семь тысяч предприятий, оставшихся без руководства [2. С. 75]. В результате фашистских подрывных действий, военных операций и бомбардировок значительная часть промышленности страны была разрушена. Промышленность Австрии практически не работала, так как находилась в состоянии разрухи и дезорганизации.

По собственной инициативе служащие и рабочие приступили к восстановлению и запуску предприятий. Иоганн Копленинг отмечал, что «Многие, оставшиеся без хозяев предприятия уже вновь пущены в ход благодаря инициативе рабочих и инженеров» [25. S. 72]. Во многих случаях были трудности при восстановлении, так как бежавшие владельцы забирали с собой не только финансовые средства, но и техническую документацию. Не хватало также вспомогательных материалов, сырья, продовольствия, несмотря на то, что они были у инвесторов и других дельцов, которые ожидали роста цен и копили запасы.

На первых порах руководство восстановлением промышленности осуществлялось служащими и рабочими, выбранными производственными советами, которые в дальнейшем управляли заводами и фабриками, брошенными их собственниками.

Трудящиеся, таким образом, по сути в явочном порядке осуществляли конфискацию предприятий, которые в дальнейшем получали со стороны органов местного самоуправления санкции в виде назначения так называемых «общественных управляющих». Но в оккупированных западными странами районах восстановительная работа наталкивалась на ожесточённое сопротивление из-за передачи местной власти представителям промышленников. Бывшие собственники предприятий или их ставленники часто назначались на посты «общественных управляющих».

Волна требований конфискации и национализации собственности военных преступников и монополий расширялась по всей стране, и особенно сильной она была в промышленных районах, так как австрийские рабочие осознавали свою силу и требовали проведения демократизации в стране. Секретарь КПА Фридль Фюрнберг указывал, что «Фашистское господство усилило волю сознательных рабочих, которая была направлена на преодоление существующего общественного строя. Стало неизбежным, что вопрос о национализации крупной промышленности и банков после свержения фашизма со всей силой встал на повестку дня» [7. S. 9].

В Вене в начале августа 1945 г. впервые после одиннадцатилетнего перерыва собралась конференция работников металлургической промышленности. В принятой на конференции резолюции говорилось: «Венские металлисты приложат все силы к тому, чтобы не допустить в будущем какой-либо формы фашизма. Австрийская экономика должна быть восстановлена максимально

быстро. При этом рабочие и служащие должны получить полное право решающего голоса. Необходимо тотчас же издать закон о производственных советах. Безусловным требованием является национализация крупных предприятий, равно как и предприятий, принадлежащих крупному капиталу и фашистам. Мы требуем руководства всей экономикой со стороны государственных экономических органов с условием обеспечения необходимого влияния профсоюзов, разработки социального законодательства, социального обеспечения по старости и инвалидности» [10. S. 140].

Таким образом венские работники металлургической промышленности выдвинули широкую программу демократизации экономики, которая в лице профсоюзов и производственных советов предусматривала контроль и участие рабочих в государственном руководстве экономикой.

Собрание Палат труда Бургенланда, Вены и Нижней Австрии состоялось 25 августа 1945 г. Основную массу рабочих и служащих данных земель представляли 144 делегата, которые требовали национализации оставшихся бесхозных фабрик и заводов, а также принадлежавших нацистам банков, транспортного машиностроения, предприятий ведущих отраслей электротехнической, металлургической, горнодобывающей и тяжелой промышленности, транспортного машиностроения [6. S. 9].

Конференция членов производственных советов деревообрабатывающей и строительной промышленности собралась 29 августа. Главные требования принятой резолюции заключались в государственном руководстве и планировании всей экономики, праве решающего голоса для рабочих и национализации [11. S. 105].

Резолюции о национализации были приняты в сентябре служащими и рабочими австрийских железных дорог [17. S. 19] и Дунайского пароходства, производственными советами концернов «Schöller-Bläkman», «Böler», «Alpine montangeselschaft», крупных предприятий городов Герцогенбург, Иббс, Санкт-Пёльтен, Санкт-Эгид, Трайзен, Фуртхоф [17. S. 22].

Согласно резолюции производственных советов, «национализация может удаться только в том случае, если представители рабочих и служащих ведущих предприятий получат право решающего голоса. Сознавая эту связь, мы требуем:

– возможности апробировать соответствующие законы, прежде чем будет принято окончательное решение;

– участия наших представителей в любом будущем обсуждении вопросов национализации горной и металлургической промышленности» [17. S. 39].

С требованием национализации в течение первой половины 1946 г. выступили рабочие множества предприятий, на многих из них в это время были объявлены кратковременные забастовки [17. S. 25]. Следующие предприятия приняли резолюции о национализации (перечень неполный):

– рабочие концернов «Wakuum oil Ko», «Semperit»;

– венские предприятия «Winer werkzeigmaschinenfabrik», «Austria Emaille», «Cheia und Nisl»;

– производственные советы автомобильных заводов «Rohrbacher Schmoliner», «Tatra», «Graf und Schtift», «Zauer», «Kromag», «Mersedes-Benz», «Froß-Büssing», «Austro-Fiat», «Schteir-Daimler-Puch»;

– 2000 рабочих концерна «Siemens»;

– рабочие металлургической промышленности г. Кремс;

– вагонная фабрика в Зиммерринге [12. S. 214].

Единым требованием всех рабочих была национализация промышленности. Ф. Фюрнберг писал: «Австрийские рабочие в течение десятилетий рассматривали национализацию крупной промышленности и банков в качестве центрального требования в борьбе за социализм» [7. S. 25].

Коммунистическая партия Австрии выступила во главе борьбы за последовательную демократизацию страны, частью которой была национализация промышленности. Исходя из реальных интересов австрийских трудящихся, австрийские коммунисты выдвинули программу проведения национализации всей крупной промышленности, земельной реформы, проверки и увольнения из государственных органов и общественных организаций нацистов и лиц, сотрудничавших с ними, конфискации собственности военных преступников, широкого развития демократических организаций и учреждений, а также демилитаризации страны. Коммунисты потребовали скорейшего восстановления сельского хозяйства и промышленности на основе общегосударственного планирования, участия представителей рабочих в лице производственных советов и профсоюзов в управлении экономической жизнью страны, права решающего голоса рабочим в решении вопросов руководства предприятиями.

Последовательное осуществление данной программы означало демократическое развитие Австрии по пути народной демократии и дальнейшее придание национализации социального характера.

5 августа 1945 г. была принята программа КПА. Иоганн Копленинг, обосновывая позицию партии по вопросу о национализации, говорил: «Наша партия выступает далее за немедленную конфискацию и национализацию имущества немецких и национал-социалистских капитанов промышленности и военных преступников, которые привели Австрию к гибели, она за огосударствление и национализацию ключевых отраслей промышленности и тех крупных предприятий, которые остались без хозяев в результате бегства нацистов. Это мероприятие не только соответствует интересам народа, оно служит искоренению фашизма, миру и демократическому развитию Австрии… Национализация является гарантией того, что больше никогда не будет войны, она является базисом экономического восстановления и независимости Австрии» [15. S. 49].

Рабочим австрийские коммунисты разъяснили, что национализация соответствует не только их интересам, но и интересам мелких ремесленников и крестьян, т.е. всего народа, так как она является важнейшим фактором недопущения порабощения страны зарубежными монополиями и обеспечивает национальную независимость.

Также Коммунистическая партия национализацию рассматривала в качестве отдельной части борьбы за установление рабочей власти и свержение существующего строя в Австрии.

В 1958 г. в теоретическом журнале КПА «Weg und Ziel» Ф. Фюрнберг давал следующую ретроспективную оценку коммунистической позиции в 1945 г.: «Коммунистическая партия исходила из того, что в 1945 г. и некоторое время позднее еще не решился вопрос о том, какой же класс в конечном счете завоюет и, соответственно, удержит власть в государстве. Решение этого вопроса зависело от целого ряда моментов, но, в первую очередь, от борьбы между этими двумя классами. В этой борьбе национализация основных отраслей промышленности и других крупных предприятий, трех крупных банков, как она произошла согласно закону о национализации, была чрезвычайно

важной. Коммунистическая партия хотела посредством национализации этих предприятий ослабить позиции капитала и усилить позиции рабочего класса. Коммунистическая партия хотела посредством национализации сделать шаг по пути свержения капиталистического господства. При этом для партии было ясно, что для характера национализированных предприятий решающим в конечном счете будет то, какой характер будет иметь государство, в чьих руках будет руководство государством» [5. S. 7].

Впервые в истории страны рабочим после освобождения Австрии удалось добиться единства в профсоюзном движении. Главная заслуга здесь принадлежала проведению КПА последовательной политики. Примыкающие к Австрийской народной партии (АНП) лидеры католической фракции вынуждены были войти в единую организацию профсоюзов, так как иначе они могли оказаться в качестве генералов, не имеющих армии. Правым социалистам в руководстве Австрийским объединением профсоюзов (АОП) принадлежало большинство. В данный период они были вынуждены учитывать настроение рабочих и шли в фарватере их требований, так как стремились укрепить и сохранить свое влияние в массах.

За национализацию промышленности и поддержку борьбы рабочих активно выступали профсоюзы. На расширенном конференции АОП, в которой совместно с руководством профсоюзов участвовало две тысячи низовых функционеров и членов производственных советов, была принята резолюция о национализации [22. S. 129].

Программа АОП в области социальной и экономической политики была принята 1 декабря 1945 г. на массовом митинге производственных советов Вены. Согласно второму параграфу программы «АОП требует в ходе работы по восстановлению справедливой земельной реформы, национализации горной промышленности, ключевых отраслей производства, электроэнергетики, а также тех предприятий, национализация которых в интересах развития экономики и всего народа» [8. S. 345].

Но АОП под влиянием правосоциалистического руководства профсоюзов заняло гораздо более умеренную позицию, чем рядовые массы рабочих. Правое руководство АОП в самый первый период после освобождения вынуждено было санкционировать требования коллективов предприятий и включать их в программные документы. Это было необходимо для того, чтобы не лишиться авторитета и не оказаться в самом конце рабочего движения, но с конца 1945 г., а в особенности в 1946 г., руководство АОП стало совершать поворот назад.

Например, правление АОП приняло принцип возмещения, в то время как КПА и рядовые рабочие отклонили национализацию собственности [25. S. 245].

Программные резолюции АОП содержали ряд требований, которые соответствовали интересам рабочих. К ним относились требования выделения части чистой прибыли национализированных предприятий на социальные нужды рабочих и участия представителей рабочих во всех звеньях цепочки управления национализированным сектором и т.д. [17. S. 76].

В программу Социалистической партии Австрии (СПА) была включена также национализация, это произошло под давлением рабочих масс. В данный период правое руководство СПА не могло не считаться с фактом подъема рабочего движения, с мнением рядовых членов партии и настроением широких народных масс. Открыто противостоять интересам и ожиданиям рабо-

чих лидерам СПА не позволила сложившаяся после освобождения в Австрии обстановка.

Так называемая «Программа восстановления» была принята 7 мая 1946 г. на конференции СПА [19. S. 39]. Положения, относящиеся к национализации промышленности, содержал четвертый пункт программы. Ключевым моментом здесь было то, что СПА отождествляла муниципализацию, национализацию и превращение в кооперативы («Vergenossenschaftung») страховых обществ, банков и крупных промышленных предприятий.

Рабочих подобное отождествление серьёзно дезориентировало, так как таким образом в общенациональном масштабе борьба подменялась локальными столкновениями в отдельных районах и на отдельных предприятиях. Это в конечном итоге объективно означало раскол в общенациональной борьбе за национализацию на отдельные центры, которые в масштабах страны от рабочего движения были изолированы.

Необходимо обратить внимание на следующий факт. СПА приняла свою первую программу тогда, когда в стране стало стабилизироваться положение, чаша весов в борьбе склонилась на сторону крупных промышленников, а Коммунистическая партия приняла и опубликовала свои программные положения на пике подъема рабочего движения, готовя рабочих к борьбе. Это было в полном соответствии с практической политикой правых социалистов и их мировоззрением.

Против ведущей демократизации страны и дальнейшего ее развития в ходе борьбы в государстве, где власть должна была находиться у рабочих, решительно выступали лидеры СПА. Они решительно отклонили предложение коммунистов о разработке новой конституции, имевшей фундамент на демократических началах, совместно с крупными промышленниками добились восстановления конституции 1929 г., а итоговым требованием правых социалистов стал возврат к системе, которая существовала в Австрии до 1933 г.

На признании буржуазной демократии как совершенной формы устройства общества правые социалисты стояли последовательно. Они взяли курс на реформистскую политику в рамках существующей демократии в обществе, придерживаясь при этом оппортунистической идеологии. Правые социалисты выступали против преобразования страны в государство во главе с рабочими.

Один из наиболее реакционных деятелей правого крыла СПА Оскар Поллак сформулировал теоретическое обоснование позиций партии по отношению к государству.

О. Поллак в статье «Отмирает ли государство?» писал: «С усилением рабочего класса меняются характер и функции государства: оно остается правовым государством, но постепенно становится тем, что можно охарактеризовать как «государство благосостояния» … Наряду с чистыми функциями порядка выступает социальная политика, которая не отменяет роль государства как инструмента господства, но расширяет его функции как сообщества по управлению» [18. S. 42].

«Государство все еще остается в руках господствующих буржуазных классов, однако по мере того, как рабочий класс приобретает гражданские права, расширяет свои позиции и обживается, он ограничивает наиболее грубые формы эксплуатации и в растущей мере и в более широких формах требует, чтобы государство брало на себя попечительские функции» [22. S. 150].

«Следующей ступенью развития, несомненно, является переход от «государства благосостояния» к «государству-хозяйственнику» («Wirtschaftsstaat»),

которое ограничивает «свободную» экономику не только посредством социального законодательства, но и руководит ей и господствует над нею. Это государство, которое берет в свои руки большую часть экономики, контролирует остальную часть и планомерно регулирует экономику в целом» [22. S. 164].

«Точно так же, как в феодальном государстве имеется налицо капиталистическая экономика еще до того, как оно в результате буржуазной революции превратится с буржуазное государство, точно так же должны быть налицо ростки коллективной экономики для того, чтобы мог стать возможным новый переход, переворот, наступающий теперь. Чем сильнее в нынешнем государстве социальный сектор и относящаяся у нему некапиталистическая экономика, следовательно, все формы удовлетворения потребностей, тем более гарантировано совершенно и безболезненно новое преобразование» [22. S. 168].

Данные высказывания содержат целостную концепцию о государстве, которая имела широкое хождение среди различных реформаторов. Это была концепция так называемого «демократического социализма», которая нашла свое отражение в политике СПА и стала основой ее оппортунистической идеологии.

Несмотря на то, что правые лидеры СПА выступали за национализацию, они не связывали ее с борьбой рабочих за власть и с программой существенных демократических преобразований.

Национализацию лидеры СПА выдвинули как отдельное самостоятельное мероприятие, которое якобы само по себе носило социальный характер [22. S. 121], ставило его на службу всему народу, придавало государству социальные черты и вело к ликвидации принудительного труда в национализированном секторе. «В национализированных предприятиях асоциальные капиталистические формы должны уступить место социалистически ориентированным формам» [22. S. 45]. «Частное предприятие ведется на основе системы прибыли, национализированное предприятие в качестве инструмента общественности руководствуется совершенно иными задачами. Оно не должно увеличивать прибыли акционеров, а должно поднимать благосостояние населения» [22. S. 52]. Правые социалисты также утверждали, что государство будет преследовать монополии в интересах сохранения принадлежащих ему предприятий.

Рабочих подобная позиция правых социалистов привела к дезорганизации и дезориентации. Лидеры СПА нацеливали их на сохранение существующего строя, пропагандировали преклонение перед государством вместо того, чтобы проводить борьбу против олигархического строя.

Решающим образом политика СПА способствовала тому, что крупным промышленникам удалось быстро оправиться от поражения, опираясь на оккупационные войска западных стран, они смогли перегруппировать свои силы.

Ф. Фюрнберг, характеризуя позицию СПА в вопросе о национализации, писал: «Социалистическая партия заявила, что национализация при всех условиях, независимо от того, в чьих руках находится власть в государстве, ведет к социализму. Одновременно она всеми силами выступила за буржуазную демократию, то есть за восстановление старого строя и против революционного преобразования общества. Позиция СПА привела, таким образом, к тому, что власть в государстве была вновь уступлена капиталу (это обосновывалось тем, что народная партия оказалась сильнейшей на выборах), что удовлетворились национализацией в том виде, в каком она была решена. Мотивировалось это тем, что как это, так и другие мероприятия будто бы все равно шаг за шагом преобразуют капитализм в социализм» [7. S. 21].

Таким образом, политика СПА стала ведущим фактором, который придал национализации в Австрии олигархический характер. Как отмечалось ранее, победа над фашистской Германией одновременно стала поражением ее ближайшего союзника в виде австрийского капитала. Самим фактом поражения политические и экономические позиции австрийской олигархии были основательно подорваны. Участием в диктатуре немецкого и австрийского фашизма политические партии были серьёзно скомпрометированы.

После 1945 г. соотношение существующих сил было в пользу рабочих, и на тот момент еще окончательно не определились результаты борьбы за государственную власть.

С одной стороны, в сложившихся условиях крупные австрийские олигархи приняли все возможные меры для сплочения всех сил, стоящих на почве защиты финансового капитала, сюда также вошли неофашисты. С другой стороны, они были вынуждены маневрировать и для того, чтобы сохранить даже малое доверие среди отсталых кругов рабочих, не потерять полностью собственных позиций, идти на известные уступки.

Оккупационные войска западных стран при этом были главной опорой крупных финансистов.

Согласно программному документу КПА «Об австрийском пути к социализму», для того, чтобы отстоять свое господство, после 1945 г. олигархия вынуждена была отступить еще дальше, чем она это делала в 1918 г. Причины этому находились в окрепшей силе и опыте австрийского рабочего движения, а свое отражение это нашло в укреплении коммунистической партии. Это в огромной степени определялось возросшей силой международной формации в результате победы во Второй мировой войны СССР.

Документ указывал, что австрийская олигархия «вынуждена была пойти на уступки не только в политической и социальной областях, но и на национализацию крупных ключевых предприятий» [10. S. 147].

Социалисты отмечали также, что в результате поражения Германии олигархия была серьёзно ослаблена. Например, за 1946 г. журнал «Zukunft» писал: «После окончания последней войны, в результате разрушения огромных ценностей, экономической катастрофы, банкротства «виртшафтсфюреров», базис буржуазии в точном смысле слова почти полностью подорван» [26. S. 17]. У австрийской олигархии, таким образом, в данный период полностью отвергнуть требования рабочих не хватало сил.

Экономический порядок стал не менее важным фактором, который обусловил согласие на национализацию австрийского финансового капитала. В результате бомбардировок и военных действий промышленность Австрии подверглась огромным разрушениям. Наиболее пострадали те предприятия, которые являлись базисом экономического потенциала страны, т.е. тяжелой и военной промышленности. Это, в первую очередь, относилось к химии, машиностроению и металлургии. Промышленности для восстановления разрушенных заводов и фабрик были необходимы огромные финансовые средства.

Австрийская олигархия в данных условиях не была заинтересована в том, чтобы осуществлять за счет своих прибылей и собственных средств финансирование производства. Предпочтение отдавалось переложению бремени восстановления на государство, т.е. осуществлению всех необходимых мероприятий за счет налогоплательщиков, где основной массой были трудящиеся.

В 1956 г. генеральный секретарь Австрийского союза рабочих и служащих Игнац Кёк, объясняя согласие АНП на национализацию, писал: «Десять лет тому назад столь широкая национализация разбомбленных и расхищен-

ных предприятий казалась нам оправданной потому, что, как думали мы тогда, под контролем государства восстановление экономики может быть осуществлено быстрее и целеустремленнее, чем в условиях свободного хозяйства… К этому следует добавить, кредиты, предоставленные государству американцами…» [14. S. 11].

По мнению И. Кёка, главной причиной национализации были американские кредиты и стремление возложить на государство бремя восстановления. Но Кёк не говорил о том, что согласно Потсдамским соглашениям условием получения американских кредитов была национализация предприятий, которые принадлежали СССР.

Известный австрийский экономист Герман Гштей о причинах национализации высказывал следующую идею: «Национализация имела целью с помощью государственных средств быстро пустить в ход большей части разрушенные, но необходимейшие предприятия» [8. S. 17]. В дальнейшем признание данной стороны национализации стало официальной точкой зрения Австрии. Например, в работе, которая была издана Австрийским статистическим управлением в 1953 г., указывалось: «В 1945 г. в большинстве случаев не было никаких шансов, что пуск в ход и восстановление производства смогут быть в ближайшее время осуществлены частным капиталом».

Для австрийского финансового капитала, таким образом, национализация была средством осуществления крупных финансовых вложений за счет трудового населения в разрушенные войной основные отрасли производства.

У австрийской олигархии также были собственные особые политические соображения, по которым она решилась на национализацию.

Согласно Потсдамским соглашениям в качестве репараций в собственность СССР был предусмотрен переход находящейся в Восточной Австрии собственности фашистской Германии. Главной целью данного мероприятия было частичное возмещение ущерба, который СССР нанесли фашисты на территории временно захваченных ими областей.

В соответствии с этими соглашениями советские оккупационные власти немецкие активы в Восточной Австрии поставили под управление организации, которая создавалась специально для данной цели – Управление советским имуществом в Австрии (УСИА).

При помощи национализации австрийская олигархия, опираясь на поддержку правых лидеров СПА, рассчитывала обойти Потсдамские решения, которые в Восточной Пруссии в качестве австрийской государственной собственности незаконно объявили немецкие предприятия и, тем самым, воспрепятствовали СССР получить за счет немецких активов в Австрии репарации.

Ганс Иглер, один из самых известных представителей промышленных кругов в Австрии, после заключения Государственного договора писал, что в значительной степени национализация определилась исходя из тактических и политических соображений. «Тогдашнее согласие АНП на национализацию определялась, как это вновь и вновь разъяснялось в течение всех этих лет авторитетными представителями Народной партии, **прежде всего** тем, что таким путем явилась бы или была возможность исключить из Потсдамских решений находящиеся в Австрии и объявленные немецкой собственностью предприятия и тем самым **воспрепятствовать конфискации** их советскими оккупационными властями» [13. S. 58].

Правые лидеры социалистов в данном вопросе с австрийской олигархией проявляли полное единодушие. Они с самого начала выступили против

передачи немецких активов СССР и в политике саботажа Потсдамских решений поддерживали олигархию. Газета «Arbeiter Zeitung» в мае 1946 г. писала: «Необходимо именно теперь как можно быстрее осуществить национализацию, так как оккупирующие державы возможно будут более склонны выпустить из-под своего контроля предприятия, если они будут убеждены, что эти предприятия не смогут вернуться во владение фашистов и полуфашистов. Если бы стало ясно, что эти предприятия являются государственной или общинной собственностью, то может быть удалось бы добиться, чтобы отдельные оккупирующие державы отказались от конфискаций» [4. S. 8]. В 1946 г. «Arbeiter Zeitung» выражалась в гораздо более скрытой форме, чем в 1956 г. Ганс Иглер, но смысл данных высказываний был идентичен. СПА и АНП взяли курс на национализацию предприятий, которые СССР принадлежали в качестве репараций, а также проводили направленную против СССР политику.

Необходимо отметить и тот факт, что данная политика в значительной степени была инспирирована и поддержана Великобританией и США, которые полагали, что при помощи развертывания антисоветской кампании среди австрийцев авторитет СССР будет подорван, а страна лишится в Восточной Австрии права на репарацию и, таким образом, предприятия можно будет приобрести в собственность при помощи австрийского капитала.

Австрийское правительство при поддержке и влиянии западных стран в закон о национализации включило немецкие активы в Восточной Австрии, и, таким образом, была сделана попытка игнорировать права СССР.

Но данная провокация в результате проведения СССР последовательной политики потерпела крах. Правительство страны сделало заявление, что оно не связано положениями о национализации бывшей немецкой собственности. Согласно Потсдамским соглашениям предприятия, которые принадлежали фашистской Германии, были определены в качестве репараций, перешли в собственность СССР. Это было зафиксировано Государственным договором, который был подписан не только во стороны СССР, но и Австрией, Францией, Великобританией и США. В соответствии с Московским протоколом данные предприятия были переданы в 1955 г. Австрии правительством СССР.

В целях развертывания антисоветской кампании в вопросе о национализации реакционные круги Австрии всеми возможными способами извращали позицию СССР. Например, они распространяли не соответствующие действительности сообщения о том, что СССР был против национализации. Подобные утверждения сознательно замалчивали и игнорировали множественные заявления представителей СССР, которые поддерживали национализацию. На самом деле СССР выступал только против национализации немецких активов, которые перешли в его собственность и были предназначены для репарации.

Правые социалисты также приняли активное участие в антисоветской кампании. Несмотря на то, что они прекрасно знали, что СССР с самого начало был готово вступить в переговоры с Австрией о передаче ей за соответствующую компенсацию немецких активов, они выдвигали обвинения СССР в империализме и препятствии строительства демократии в Австрии.

По требованию западных держав австрийское правительство сорвало начавшиеся в сентябре 1946 г. австро-советские переговоры, а предложения СССР об их возобновлении неоднократно отклоняло [3. S. 19].

Из всех существующих австрийских партий только КПА выступала с предложением согласования с СССР вопроса о бывшей немецкой собственности [2. С. 75].

Ф. Фюрнберг, характеризуя австрийскую позицию в данный период, указывал: «Далеко идущей национализацией, которая в Восточной Австрии охватывала почти все важные предприятия, находившиеся на основе Потсдамских соглашений под управлением Советского Союза, австрийская буржуазия надеялась создать базу для борьбы против советских претензий. … Австрийская буржуазия могла тем более отважиться на этот маневр, что в тот период она все равно была вынуждена идти на широкие уступки рабочим» [7. S. 17].

Таким образом, преследовались вполне определенные цели. Австрийская олигархия рассчитывала при поддержке западного финансового капитала укрепить свое экономическое и политическое господство, воспрепятствовать проведению реальной демократизации страны, выиграть время для политического маневрирования и сохранить свое влияние в известных слоях населения. После этого крупные финансисты полагали возвратить государственные предприятия частному капиталу и окончательно уничтожить национализацию.

Литература

1. *Жиряков И.Г., Макаренков М.В.* Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад-Восток. М.: Московский гос. областной ун-т, 2016. 220 с.

2. *Козьякова Н.С.* Неофашистское движение в Австрии (1945–1975 гг.). М.: ИИУ МГОУ, 2018. 135 с.

3. *Aichinger E.* The role of the so-called German assets in the negotiations of the Austrian Treaty Commission 1947. Wien, 2017, 262 S.

4. Arbeiter Zeitung: AZ; Zentralorgan d. Sozialistischen Partei Österreichs: Abendblatt: Zentralorgan der Sozialdemokratie Deutschösterreichs. 1372 (20.Mai), 1946

5. Beschluß einer Konferenz der Kommunistischen Partei Österreichs über die Verstaatlichung in Österreich. Wien, Kommunistische Partei Österreichs, 1960, 11 S.

6. Die Verstaatlichung in Österreich: Beschluß einer Konferenz der Kommunistischen Partei Österreichs. 2. Aufl. Wien, Stern-Verl., 1963, 14 S.

7. Fürnberg, Friedl Hat die SP eine Ideologie?: Über den Villacher Parteitag d. SPÖ. Wien: Kommunistische Partei Österreichs; 1972, 40 S.

8. *Graf M.* Österreich und die DDR 1949-1990: Politik und Wirtschaft im Schatten der deutschen Teilung. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016, 656 S.

9. *Gsteu H.* Länderkunde. Österreichs&Tyrolia-Verlag, Innsbruck, Wien, München, 1957, 352 S.

10. *Fischer H., Huber A., Neuhäuser S.* 100 Jahre Republik: Meilensteine und Wendepunkte in Österreich 1918-2018. Wien, Czernin Verlag, 2018, 225 S.

11. *Hampel H.* 20 Jahre Verstaatlichung in Österreich. Wien, Bundeskanzleramt, Verstaatl. Unternehmungen, 1966, 162 S.

12. *Handler G.* Die Verstaatlichung in Österreich nach 1945. Wien, 1965, 324 S.

13. *Igler H.* Österreich: von Krähwinkel nach Europa? Wien, 1998, 96 S.

14. *Köck I.* Die Funktion des Arbeiter- und Angestelltenbundes in der österreichischen Politik: Referat, gehalten auf dem 4. Landestag des Wiener Arbeiter- u. Angestelltenbundes, 7. Mai 1956. Wien: Österr. Arbeiter- u. Angestelltenbund; 1956, 24 S.

15. *Kremser M.* Sozialisierung und Verstaatlichung in Österreich nach dem Ersten beziehungsweise Zweiten Weltkrieg ein historischer Vergleich. Wien, 2002, 104 S.

16. *Lacina F.* Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Wirtschaft und Politik, Wien, 1976, 282 S.

17. *Ortsik A.* Verstaatlichung und Privatisierung in Österreich: zwischen Ideologie und Pragmatismus. Wien, 1991, 159 S.

18. *Pollak O.* Der neue Humanismus: Geist und Gesellschaft an der Zeitenwende. Wien,1962, 89 S.

19. *Schambeck H.* Wirtschaftsverfassung und Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Beiträge zum Wirtschaftsrecht; hrsg. von Karl Korinek. Red.: Fred Brande, Wien, 1983, 56 S.

20. *Schatzl M.-J.* Der Griff nach der Zeit: Perioden, Charakteristika, Motive und Interessen österreichischer Arbeitszeitpolitik (1945–2009). Salzburg; 2016, 747 S.

21. *Stiefel D.* Sozialistische Wirtschaftsordnung gegen privates Unternehmertum: Zur Grundsatzdiskussion der Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Unternehmertum im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft; Herbert Matis; Andreas Resch; Dieter Stiefel (Hg.), 2010, 285 S.

22. *Stiefel D.* Verstaatlichung und Privatisierung in Österreich: Illusion und Wirklichkeit. Wien, 2011, 254 S.

23. *Tuschl P.* Verstaatlichung von Banken: Enteignung, Sozialisierung und Eigentumseingriffe als Maßnahme der Gefahrenabwehr zur Sicherstellung der Finanzmarktstabilität. Berlin, Duncker & Humblot, 2017, 334 S.

24. *Toch J.* Vergesellschaftung in Österreich: von den Anfängen bis heute. Wien, Verl. des Österreichischen Gewerkschaftsbundes, 1962, 123 S.

25. *Wieser O.* Die Verstaatlichung in Österreich nach dem 2. Weltkrieg und ihre wirtschaftspolitischen Implikationen bis zur Gegenwart. Enthalten in: Konflikte und Kriege im 20. Jahrhundert; Harald Knoll ... (Hg.), Graz; Wien; Klagenfurt, 2002, 417 S.

26. Zukunft: die Diskussionszeitschrift für Politik, Gesellschaft und Kultur Gesellschaft zur Herausgabe der Sozialdemokratischen Zeitschrift Zukunft [herausgebendes Organ]. Wien: Verl. der SPÖ, Dezember, 1946.

КОЗЬЯКОВА НАТАЛИЯ СЕРГЕЕВНА – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, Московский государственный областной университет, Россия, Мытищи (nkozyakowa@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3271-8215).

Nataliya S. KOZYAKOVA

NATIONALIZATION OF BANKS AND INDUSTRY IN AUSTRIA IN 1945–1946

***Key words**: national industry, nationalization, state property, monopolies, the Communist party of Austria, right-wing socialists.*

The article gives the analysis of post-war nationalization in Austria. Nationalization was carried out in the interests of the big capital. This was applied both to the methods and forms of economic management in the nationalized sector, and to the methods and forms of management that were directly carried out by large monopolists and their protégés. Austria's monopolies exercised full power in the country and used the public sector to the maximum extent possible to strengthen their financial, political and economic dominance, to increase their own profits by redistributing the national income and violating the labor legislation. The experience of the nationalization in Austria, although it is a small country, has made it possible to draw some conclusions about the significance and the role of nationalization in the workers' struggle to build a socially just state. In Austria, nationalization was caused by the special historical conditions that developed in the country after the defeat of the fascist Germany. The Austrian oligarchy, which was a Germany's ally, had no direct way to get the industry located in Austria, which belonged to German monopolies. In this period Austrian financial experts considered nationalization as a lesser evil. It was advantageous for the Austrian oligarchy to shuffle off the burden of the entire financial and economic burden on to the state, i.e., ultimately, to the taxpayers. With the help of nationalization, it hoped to prevent the transfer of enterprises located in Eastern Austria and owned by Germany, as reparations, under the ownership of the USSR. The author comes to the conclusion that the economic basis of Austrian neutrality was nationalization, which was also a powerful weapon of the workers in the conditions of a radical change in the balance of power in the country.

References

1. Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V. *Avstriya i evropeiskaya ekonomicheskaya integratsiya v kontekste otnoshenii Zapad-Vostok* [Austria and European economic integration in the context of West-East relations]. Moscow, 2016, 220 p.

2. Koz'yakova N.S. *Neofashistskoe dvizhenie v Avstrii (1945–1975 gg.)* [Neo-fascist movement in Austria]. Moscow, 2018, 135 p.

3. *Aichinger E.* The role of the so-called German assets in the negotiations of the Austrian Treaty Commission 1947. Wien, 2017, 262 S.

4. Arbeiter Zeitung: AZ; Zentralorgan d. Sozialistischen Partei Österreichs: Abendblatt: Zentralorgan der Sozialdemokratie Deutschösterreichs. 1372 (20.Mai), 1946

5. Beschluß einer Konferenz der Kommunistischen Partei Österreichs über die Verstaatlichung in Österreich. Wien, Kommunistische Partei Österreichs, 1960, 11 S.

6. Die Verstaatlichung in Österreich: Beschluß einer Konferenz der Kommunistischen Partei Österreichs. 2. Aufl. Wien, Stern-Verl., 1963, 14 S.

7. Fürnberg, Friedl Hat die SP eine Ideologie?: Über den Villacher Parteitag d. SPÖ. Wien: Kommunistische Partei Österreichs; 1972, 40 S.

8. *Graf M.* Österreich und die DDR 1949-1990: Politik und Wirtschaft im Schatten der deutschen Teilung. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2016, 656 S.

9. *Gsteu H*. Länderkunde. Österreichs&Tyrolia-Verlag, Innsbruck, Wien, München, 1957, 352 S.

10. *Fischer H., Huber A., Neuhäuser S.* 100 Jahre Republik: Meilensteine und Wendepunkte in Österreich 1918-2018. Wien, Czernin Verlag, 2018, 225 S.

11. *Hampel H*. 20 Jahre Verstaatlichung in Österreich. Wien, Bundeskanzleramt, Verstaatl. Unternehmungen, 1966, 162 S.

12. *Handler G*. Die Verstaatlichung in Österreich nach 1945. Wien, 1965, 324 S.

13. *Igler H.* Österreich: von Krähwinkel nach Europa? Wien, 1998, 96 S.

14. *Köck I.* Die Funktion des Arbeiter- und Angestelltenbundes in der österreichischen Politik: Referat, gehalten auf dem 4. Landestag des Wiener Arbeiter- u. Angestelltenbundes, 7. Mai 1956. Wien: Österr. Arbeiter- u. Angestelltenbund; 1956, 24 S.

15. *Kremser M.* Sozialisierung und Verstaatlichung in Österreich nach dem Ersten beziehungsweise Zweiten Weltkrieg ein historischer Vergleich. Wien, 2002, 104 S.

16. *Lacina F.* Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Wirtschaft und Politik, Wien, 1976, 282 S.

17. *Ortsik A*. Verstaatlichung und Privatisierung in Österreich: zwischen Ideologie und Pragmatismus. Wien, 1991, 159 S.

18. *Pollak O*. Der neue Humanismus: Geist und Gesellschaft an der Zeitenwende. Wien,1962, 89 S.

19. *Schambeck H.* Wirtschaftsverfassung und Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Beiträge zum Wirtschaftsrecht; hrsg. von Karl Korinek. Red.: Fred Brande, Wien, 1983, 56 S.

20. *Schatzl M.-J.* Der Griff nach der Zeit: Perioden, Charakteristika, Motive und Interessen österreichischer Arbeitszeitpolitik (1945–2009). Salzburg; 2016, 747 S.

21. *Stiefel D.* Sozialistische Wirtschaftsordnung gegen privates Unternehmertum: Zur Grundsatzdiskussion der Verstaatlichung in Österreich. Enthalten in: Unternehmertum im Spannungsfeld von Politik und Gesellschaft; Herbert Matis; Andreas Resch; Dieter Stiefel (Hg.), 2010, 285 S.

22. *Stiefel D.* Verstaatlichung und Privatisierung in Österreich: Illusion und Wirklichkeit. Wien, 2011, 254 S.

23. *Tuschl P.* Verstaatlichung von Banken: Enteignung, Sozialisierung und Eigentumseingriffe als Maßnahme der Gefahrenabwehr zur Sicherstellung der Finanzmarktstabilität. Berlin, Duncker & Humblot, 2017, 334 S.

24. *Toch J.* Vergesellschaftung in Österreich: von den Anfängen bis heute. Wien, Verl. des Österreichischen Gewerkschaftsbundes, 1962, 123 S.

25. *Wieser O.* Die Verstaatlichung in Österreich nach dem 2. Weltkrieg und ihre wirtschaftspolitischen Implikationen bis zur Gegenwart. Enthalten in: Konflikte und Kriege im 20. Jahrhundert; Harald Knoll ... (Hg.), Graz; Wien; Klagenfurt, 2002, 417 S.

26. Zukunft: die Diskussionszeitschrift für Politik, Gesellschaft und Kultur Gesellschaft zur Herausgabe der Sozialdemokratischen Zeitschrift Zukunft [herausgebendes Organ]. Wien: Verl. der SPÖ, Dezember, 1946.

NATALIYA S. KOZYAKOVA – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and Law, Moscow State Regional University, Russia, Mitischi (nkozyakowa@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3271-8215).

Формат цитирования: *Козьякова Н.С.* Национализация банков и промышленности в Австрии в 1945–1946 годах // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 64–76. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-64-76.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-77-85

УДК 930.1
ББК 63.3(2)6

А.В. МАНЬКОВ, А.И. ПАБЕРЗС

ЛИТЕРАТОРЫ «СИМБИРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Ключевые слова: *Симбирск, гражданская война, Симбирское Поволжье, «Возрождение», Народная Армия, Комуч.*

В июле 1918 г. Народная Армия Комуча и чехословацкие добровольцы с боями заняли Симбирск. Активная фаза гражданской войны как в Среднем Поволжье, так и в целом в России приняла новые формы социально-политической борьбы. Несколько месяцев большевики в губернии, покинув Симбирск, были вынуждены обороняться. В течение этого времени городом руководила военная администрация, состоящая из офицеров чехословацкого корпуса и членов Комуча. Данный исторический период в регионе некоторые его современники называли «Возрождением». В эти дни в Симбирске активно действовали представители различных российских политических партий: меньшевики, эсеры, кадеты. Среди деятелей буржуазного «Возрождения» в Симбирском Поволжье оказалось немало известных в крае, как тогда, так и сейчас, деятелей русской культуры, а также забытых в наши дни талантливых людей: писателей, поэтов, журналистов. В числе тех, кто попал в эпицентр бурных политических процессов, проходивших в крае, были С.Г. Скиталец, С.Г. Гортинский, М.П. Кистанов, Н.С. Охотин и др. Авторы исследуют деятельность ряда литераторов Симбирска после поражения большевиков в регионе, а также повествуют об их судьбе после разгрома белочехов и восстановления в Симбирске Советской власти.

Одним из очевидных «белых пятен» в истории Симбирского Поволжья, на наш взгляд, продолжает оставаться период так называемого «Возрождения» власти буржуазных политических сил в крае летом 1918 г. Отдельные факты насыщенной региональной истории того времени приводят в своих научных работах коллектив авторов исследования «Очерки истории Ульяновской организации КПСС», ульяновские учёные-историки Д.С. Точёный и Н.Г. Точёная, сотрудники ульяновских музеев А.А. Кузнецов и И.В. Смирнова [11, 15, 19, 20]. Однако этого вклада в изучение прошлого, по нашему мнению, явно недостаточно, так как тема представляет большой интерес как для специалистов, так и для широкого круга людей, интересующихся богатой историей своего края.

Актуальность анализа событий подобного уровня в масштабе такого крупного и сложного региона, каким была в 1918 г. Симбирская губерния, в контексте изучения Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России, думается нам, не нуждается в слишком подробном обосновании. В связи с этим есть смысл напомнить хотя бы о том, что в Российской Федерации сейчас происходит некое «возрождение Русской имперской мысли». Другое дело, что многие участники событий политического противостояния в постимперской России прошлого века, в широком смысле этого подхода, с обеих сторон конфликта, видимо, нуждаются в восстановлении исторической правды и нравственной справедливости. Хорошо известно, что следы ряда из них оказались практически полностью утеряны в революционном хаосе и в ходе Гражданской войны.

Цель работы – исследовать деятельность представителей интеллигенции буржуазного Симбирска: литераторов, писателей, журналистов, рабо-

тавших в городе в 1918 г., в короткий период поражения в крае большевиков и по сути установления в отдельных уездах губернии военной диктатуры противников Советской власти. В реализации сформулированной установки мы обратились к материалам симбирской периодической печати 1918 г., в частности газеты «Возрождение».

9(22) июля 1918 г. над Симбирском начали рваться шрапнели Народной Армии. Губернский центр был взят частями этой военной организации, созданной под эгидой Учредительного собрания, а также военнослужащими чехословацкого стрелкового полка имени Яна Гуса, входившими в состав так называемого «чехословацкого корпуса». С 10(23) июля в Симбирске начинает издаваться ежедневная симбирская газета «Возрождение». Она стала органом Комитета Учредительного Собрания (Комуч). С августа газета становится уже органом «Союза Возрождения России» [3. С. 1].

В связи с падением города большевистская газета «Правда» 24 июля сообщала: «Чехословаки взяли Симбирск – один из опорных пунктов Советской власти…» [18].

«В середине лета 1918 г. пришли чехи, – вспоминала позже Ю.А. Козлова, дочь известного симбирского врача. Во время отступления красных мы сидели в подвале большого дома. Приход чехов всколыхнул интеллигенцию» [10. С. 64–65].

25 июля в Симбирск из Самары прибыли член Учредительного собрания В.В. Подвицкий и член штаба Народной Армии В.И. Лебедев. В городе была объявлена власть Комуча, с радостью встретили чехословаков и солдат Народной Армии многие симбиряне, в первую очередь, приверженцы старого политического режима (Е.М. Перси-Френч, Л. Бек, Н.П. Николаевская, Н.П. Иванова и др.). Как указывает ульяновский исследователь И.В. Смирнова, уверовав в победу белого движения, многие дворяне стали возвращаться в Симбирск [19. С. 172].

Представляется интересным, что одним их тех, кто, по сути, приветствовал «новую старую власть» оказался видный симбирский интеллигент, известный русский писатель и поэт Степан Гаврилович Скиталец (Петров). Это удивительно потому, что, по нашему мнению, Скиталец был в какой-то степени одним из символов еще Первой русской революции в губернии. Широко известный в крае революционный литератор Скиталец долгие годы жил в Симбирске на Старом Венце [11. С. 139]. Его дружеские отношения с великим пролетарским писателем М. Горьким стали одной из отличительных черт характеристики уроженца села Обшаровка Самарской губернии в начале XX в. Личное знакомство Скитальца с Горьким состоялось еще в 1899 г. Революционная поэзия Скитальца среди других была высоко оценена даже В.И. Лениным.

К слову, 3 мая 1905 г. (по некоторым источникам 2 мая. – *Авт.*) очередной приезд Скитальца в Симбирск был использован местными социал-демократами и эсерами для проведения в здании городской управы платного литературного и музыкально-вокального вечера этого талантливого человека [15. С. 89]. Хорошо известно, что прошедшее тогда мероприятие вылилось в первую уличную демонстрацию в губернском центре [17. С. 120].

Несмотря на все эти, несомненно, заслуживающие нашего внимания подробности биографии литератора, Скиталец, видимо, обладал весьма неопределённой политической ориентацией. Как результат этого, длительные контакты с представителями левых политических партий России в начале прошлого столетия не помешали Степану Гавриловичу в среду 18 июля

1918 г. (3 августа по новому стилю) творчески возглавить встречу вооружённых противников Советской власти. В симбирском городском театре в этот день состоялся закрытый бесплатный спектакль для военнослужащих Народной Армии. Газета сообщает: «При участии и под руководством известного писателя С.Г. Скитальца была разыграна его новая пьеса “Вольница”» [1. С. 2].

Эта пьеса в четырех картинах была написана автором в 1915 г., но была запрещена цензурой к постановке. В некоторых источниках указано, что пьеса увидела свет только в 1919 г. Однако, как мы выяснили, летом 1918 г. симбирская газета «Возрождение» сообщила: «В июле 1918 г. она (“Вольница”. – *Авт.)* имела у публики большой успех. Автора много раз вызывали. В первом акте Скитальцем под аккомпанемент гуслей были исполнены студенческие и застольные песни. Большому успеху пьесы способствовали исполнители: артисты б. Народного дома, так хорошо зарекомендовавшие себя в зимнем сезоне» [1. С. 2].

Газета также подчеркнула, что «в воскресенье 22 июля пьеса “Вольница” повторяется в Городском театре спектаклем для широкой публики, чистый сбор с которого поступит на нужды Народной Армии» [1. С. 2].

Кстати, говоря о литературном творчестве Скитальца, авторы обычно вспоминают роман «Дом Черновых» [11. С. 139]. Однако не только этот роман, но и многие другие лучшие произведения Скитальца, на наш взгляд, занимают своё достойное место в творческом наследии писателей, вступивших в отечественную литературу на заре прошлого столетия. К их числу, несомненно, можно отнести и «Вольницу».

Не был лишён литературных дарований активный участник событий 1917–1918 гг. в крае Михаил Петрович Кистанов. Эсер М.П. Кистанов стал заметным деятелем Февральской революции в Курмыше. По своим политическим взглядам он являлся противником большевиков и установления диктатуры пролетариата. В 1917 г. Кистанов регистрировался кандидатом от партии социалистов-революционеров (ПСР) в гласные Симбирской городской думы [12. С. 499]. Однако Михаил Кистанов не только занимался политикой, но и оказался талантливым поэтом.

Очень символично, что в № 11 газеты «Возрождение» было опубликовано стихотворение М. Кистанова «К возрождению», которое начиналось словами:

«Пока не поздно, будите спящих,
Враг притаился – он нападет,
Долой унылых – долой скорбящих,
Скорей за дело – оно не ждет».
Произведение продолжилось словами:
«Страна объята – огнем раздора,
Залита кровью, разорена,
И в довершении всего позора,
Врагам свобода вся отдана» [2. С. 1].

Эсер Кистанов стал довольно заметной фигурой Симбирского Возрождения. Газета сообщает, что 4 августа 1918 г. гражданин Михаил Петрович Кистанов был назначен на должность помощника временного губернского уполномоченного комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания [3. С. 1].

Пафосом перемен проникнуто стихотворение Кистанова «В ожидании грозы». Оно было опубликовано в № 23 «Возрождения» от 18 августа 1918 г.

«Пусть же грянет гроза – неизбежна она.
Задыхается мир от томления.

Слишком воздух сгущен,
Ночь гнетуще черна.
В грозе лишь одной избавление.
Мир на ложном пути,
Мир – как путник слепой.
До границы дошел безысходной» [6. С. 1].

Социально-политическая и литературная деятельность Кистанова после гражданской войны, как нам известно, не стала достоянием региональных историков и литературоведов.

Пожалуй, самой яркой литературной фигурой этого периода в городе стал Сергей Гурьевич Гортинский. 8 августа в «Возрождении» № 14 вышла большая статья С.Г. Гортинского «О гибели и спасении» («Мировой социализм» и национализм»). Она имела программный характер [4. С. 1].

Гортинский указывает, что «по России был нанесен удар «мирового социализма. Мечтатели и невежественные доктринеры хотели принудительно привести нас к мировому социализму». Он отмечает, что при этом «упали производительные силы, неумело уничтожались частновладельческие хозяйства» [4. С. 1].

Автор пишет: «…Сейчас одна идея, которая приобретает исключительное значение – эта идея о том, что Россия должна быть великой» [4. С. 1].

Национализм, подчеркивает Гортинский, «должен стать идеей объединяющей все партии и классы. Не партийная, а общенациональная идея должны объединять и вдохновлять наших руководителей. Спасение наше в том, что все должны получить единое устремление … Национальная идея неприемлема лишь для анархистов и интернационалистов, в учении которых отечество отрицалось. Для всех же остальных политических партий национальная идея должна быть заложена как основа в развитии программы» [4. С. 1].

Гортинский (псевдоним Г. Тинский) в России был известен как журналист и редактор симбирских газет «Трудовой день» и «Возрождение», московских газет «Утро России» и «Раннее утро» [13. С. 142].

В сентябре 1918 г. Гортинский бежал из Симбирска на Дальний Восток, где сотрудничал с газетами «Заря», «Эхо», «Амурское эхо» (Благовещенск).

Весной 1919 г. журналист работал редактором газеты «Русский Восток» (номера с 55 по 81), издававшейся в Чите. В июле-августе был редактором, издававшейся с 31 июля в Чите газеты «Восточный курьер» (17 номеров) [14. С. 32]. В июле 1919 г. он издает брошюру «Возрождающаяся Россия» (из истории борьбы с большевизмом) [16. С. 37].

В августе 1919 г. из Владивостока он выехал в Японию. В Токио Гортинский основал Дальневосточную организацию Трудовой крестьянской партии, главой которой и стал [16. С. 37]. С марта 1920 г. эмигрант писал статьи в японские, американские и владивостокские газеты, заведовал «Русским информационным бюро в Японии». Настроенный просемёновски, Гортинский издал в 1920 г. в Токио на русском и японском языках небольшую книгу «Атаман Семёнов, его жизнь и деятельность». Дальнейшая судьба этого видного литератора нам, к сожалению, не известна. Пожалуй, можно лишь утверждать, что в Советскую Россию он вряд ли вернулся.

27 июля 1918 г. в Симбирске проходило предвыборное собрание жителей 6-го района города. Председательствовал на этом собрании Н.С. Охотин.

Личность Николая Семёновича Охотина, по нашему мнению, стоит особняком на политической арене Симбирска начала прошлого века. Бывший студент Парижского университета Н.С. Охотин с 1905 г. являлся членом РСДРП. Однако с 1917 г. Охотин перешёл на позиции оборончества, позднее став меньшевиком [15. С. 494].

В 1918 г. Охотин являлся организатором и руководителем Симбирской группы «Единство», последовательно поддерживал платформу Г.В. Плеханова. Всё это время Охотин активно занимался журналистикой, писал хорошие стихи, которые издавались в Петрограде и Москве.

В июле-сентябре 1918 г. Николай Семёнович вошел в число ведущих деятелей Симбирского отдела «Союза Возрождения России». Возвращаясь к собранию, приведём сообщение из № 17 газеты «Возрождение»: «... Н.С. Охотин сделал иное предложение. Он ознакомил собрание с задачами вновь организовавшегося в России союза “Возрождение”, к которому присоединились “плехановцы”, партия народной свободы. Союз ставит своей целью всемерную поддержку Учредительного собрания и Народной Армии, и стоять в оппозиции к большевизму и германизму» [5. С. 3].

С № 14 ответственным редактором газеты «Возрождение» работала А.А. Знаменская. «Фея симбирского просвещения», как её назвали авторитетные ульяновские учёные Д.С. и Н.Г. Точёные, вне всякого сомнения, на наш взгляд, должна считаться знаковой фигурой революционного движения Симбирского Поволжья [20. С. 133]. Она была хорошо известна в демократических кругах интеллигенции города, так как являлась попечительницей нескольких учебных заведений в Симбирске, а также организатором знаменитой гончаровской библиотеки-читальни в 1892 г.

Более того, Александра Знаменская являлась участницей революции 1905–1907 гг. [17. С. 124]. Ещё в 1904 г. Начальник Симбирского губернского жандармского управления сообщал местному губернатору о том, что «землевладелица Знаменская Александра Александровна, личность в политическом отношении неблагонадежная. Круг её знакомых составляли большей частью лица, скомпрометированные в политическом отношении» [8].

После победы в Петрограде Февральской революции А.А. Знаменская, будучи членом Симбирского комитета партии социалистов-революционеров (эсеров), встала на позиции «оборончества». Известность в широких кругах симбирян ей принёс довольно интересный факт. К середине июня 1917 г. она создала «женский ударный батальон», который 23 июня прибыл на Соборную площадь Симбирска со знаменем, где было начертано: «Если наши мужья не идут, то мы пойдём на фронт!» [15. С. 247]. «Женщины-патриотки» убыли на фронт, но дальше станции Инза (167 км к юго-западу от Симбирска. – *Авт.*) батальон не доехал, а все военнослужащие-ударницы просто-напросто разбежались и разными дорогами вернулись в Симбирск [7. С. 32].

Ульяновские авторы подчёркивают, что 30 августа 1918 г. А.А. Знаменская покинула Симбирск [19]. Принадлежность её к фракции «правых социалистов-оборонцев» не предвещали ей ничего хорошего при возвращении большевиков. Более того, в Симбирске её теперь очень хорошо многие знали как сторонницу старого курса. После ухода белых, как пишет популярный симбирский краевед С.Б. Петров, Знаменская пыталась устроиться в Карамзинскую психиатрическую больницу, используя поддельные документы

на имя Ксении Рыбкиной, но неудачно. После восстановления Советской власти в Симбирске она вернулась в свое бывшее имение – деревню Чернышевка Казанской губернии, где проработала три года библиотекарем. Правда, последний год жизни Александра Знаменская провела в Симбирске, зарабатывая на жизнь уроками французского языка [20. С. 138].

В буржуазном Симбирске летом 1918 г. работал известный журналист, член ПСР с 1906 г. В.И. Алмазов. Валентин Алмазов (партийная кличка – «Валет») являлся активным участником Первой русской революции в Симбирске [17. С. 118]. В 1917 г. он был ярым сторонником Учредительного собрания. В январе 1918 г. эсер Алмазов выступил на V Губернском крестьянском съезде с призывом к защите похороненной большевиками «Учредилки» [7. С. 78].

В июле 1918 г. известный в губернии политический деятель уже оказался председателем эсеровского комитета в Симбирске, а также сотрудником Комуча. После бегства из города В. Алмазов состоял в администрации Колчака. В 1921 г. видный средневолжский эсер был расстрелян чекистами.

На рассвете 12 сентября 1918 г. Симбирская Железная дивизия Красной Армии атаковала противника по всему фронту. При этом часть бойцов проникла в тыл обороняющихся. Не выдержав удара с фронта и тыла, белочехи дрогнули и побежали. В 12 часов 30 минут дня советские войска во главе с начдивом Г.Д. Гаем ворвались в Симбирск [15. С. 400]. Короткий «период Возрождения» в регионе завершился.

Уже упоминавшаяся нами Ю.А. Козлова писала позже: «…Чехи долго не продержались. Для интеллигенции это был удар. Многие ушли с чехами, а некоторые ещё раньше, как только стало известно, что город решено сдать... Мы с незначительным скарбом 11 сентября 1918 года отправились за Волгу… «от обстрела». По-видимому, мои родители, как и все остальные, не верили, что красные долго продержаться. Оптимисты предвещали им близкий конец» [10. С. 64–65].

Известный симбирский общественный деятель, военный юрист и литератор А.В. Жиркевич записал в своём дневнике 12 сентября 1918 г.: «Вчера все, кто мог, и кто имеет основания бояться мести большевиков в панике бросились к пароходным пристаням и вокзалу спасаться. Я сейчас (9 часов утра) выходил на балкон. Видно, как рвутся где-то около Киндяковки шрапнели» [19. С. 172].

Как пишет ульяновский учёный В.А. Гуркин, «значительная часть симбирской интеллигенции, активно работавшая в местных научных и просветительских обществах, вынуждены были эмигрировать ещё в августе 1918 года вместе с отступающими войсками Комуча и белочехов…» [9. С. 191].

На наш взгляд, с этим тезисом можно согласиться лишь частично. Так, в исследуемом нами случае, С. Гортинский и Н. Охотин покинули город вместе с уходящими войсками, впоследствии став белоэмигрантами. В «белой Сибири» оказался также В. Алмазов. А. Знаменская уехала в своё бывшее имение, но потом вернулась в любимый город. В Советской России о них вскоре забыли. Судьба была благосклонна к С. Скитальцу, который, по сути, отошёл от активной политики и прожил ещё много лет, занимаясь литературной деятельностью. Дальнейшая судьба М. Кистанова пока нам неизвестна. К сожалению, в целом биография этого интересного человека по-прежнему слабо изучена исследователями революционного движения.

Таким образом, в Симбирской губернии после мятежа белочехов и временного отступления большевиков собрались представители самых разных политических сил, не признававших Советской власти. Губернский центр, его окрестности, а также некоторые города Симбирского Поволжья на несколько недель стали своего рода «Волжской Вандеей». В этот период в Симбирске открыто и активно действовали представители различных российских политических партий: меньшевики, эсеры, кадеты, некоторым из них были не чужды разнообразные литературные изыскания.

Город явился одним из первых очагов начинавшейся в стране активной фазы политического противостояния – Гражданской войны в России. Среди тех, кто оказался в эпицентре бурных политических процессов, проходивших в Симбирском Поволжье, было много не только видных политических деятелей регионального масштаба, но и немало ярких и талантливых людей, оставивших свой заметный и оригинальный след в истории Российского государства и его духовной культуре.

Литература

1. Возрождение. 1918. № 10, 3 авг.
2. Возрождение. 1918. № 11, 4 авг.
3. Возрождение. 1918. № 13, 7 авг.
4. Возрождение. 1918. № 14, 8 авг.
5. Возрождение. 1918. № 17, 11 авг.
6. Возрождение. 1918. № 23, 18 авг.
7. *Гнутов М.А., Чистов Б.Н., Афанасьев Б.Н.* Установление Советской власти в Симбирской губернии. Ульяновск: [Б. и.], 1957. 84 с.
8. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 855. Оп. 1. Д. 248. Л. 550.
9. *Гуркин В.А.* На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. М.: [б. и.], 2005. 248 с.
10. *Козлова Л.* Шёпот веков: история рода. Ульяновск: Вектор-С, 2006. 190 с.
11. *Кузнецов А.А.* Симбирские «бельведеры». История и современность // Материалы четвёртой научной конференции, посвящённой учёному и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2008. С. 138–147.
12. *Кузнецов В.Н.* Симбирская городская дума в марте – декабре 1917 г. (партийный аспект) // Краеведческие записки. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2018. Вып. 16. С. 55–62.
13. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. Т. 4. 558 с.
14. Несоветские газеты (1918–1922 гг.). Каталог собрания Российской национальной библиотеки. СПб.: РНБ, 2002. 168 с.
15. Очерки истории Ульяновской организации КПСС. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 1964. Ч. 1. 512 с.
16. *Павлов Г.В.* Роль издательской деятельности русской эмиграции в Японии в сохранении национальной культуры // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2006. № 20. С. 35–38.
17. *Панова В.И., Толочко Ф.Ш.* Жандармские документы о симбирских социалистах-революционерах (период революции 1905–1907 гг.) // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Ульяновск: Симбирская книга, 1996. Вып. III. С. 113–125.
18. Правда. 1918. № 153, 24 июля.
19. *Смирнова И.В.* Е.М. Перси-Френч. Последняя из симбирских Киндяковых // Симбирский вестник. Историко-краеведческий сборник. Ульяновск: Симбирская книга. 1996. Вып. III. С. 155–180.
20. Фея симбирского просвещения (А.А. Знаменская) // *Точёный Д.С., Точёная Н.Г.* Исторические портреты, очерки, фельетоны. Ульяновск: УлГУ, 2001. С. 133–139.

МАНЬКОВ АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург (63donetsk@mail.ru).

ПАБЕРЗС АНДРЕЙ ИМАНТОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военная академия связи имени маршала Советского Союза С.М. Буденного, Россия, Санкт-Петербург(kvn-baltika@mail.ru).

Andrei V. MANKOV, Andrei I. PABERZS

LITERARY FIGURES OF «SIMBIRSK RENAISSANCE»

***Key words**: Simbirsk, civil war, Simbirsk Volga region, "Renaissance", People's Army, Komuch (Committee of the Constituent Assembly's Members).*

In July 1918 the People's Army of Komuch and Czechoslovak volunteers occupied Simbirsk. The active phase of the civil war both in the Middle Volga region and in Russia as a whole took on new forms of socio-political struggle. For several months, the Bolsheviks in the province, having left Simbirsk, were forced to defend themselves. During this time, the city was governed by a military administration consisting of officers of the Czechoslovak corps and members of the Komuch. This historical period in the region was called "Renaissance" by some of its contemporaries. During these days, representatives of various Russian political parties were active in Simbirsk: the Mensheviks, the social revolutionaries, and the cadets. Among the figures of the bourgeois "Renaissance" in Simbirsk Volga region, there were many famous figures of the Russian culture in the region, both then and now, as well as talented people forgotten in our days: writers, poets, and journalists. Among those who fell into the epicenter of the turbulent political processes that took place in the region were S.G. Skitalets, S.G. Gortinsky, M.P. Kistanov, N.S. Okhotin, and others. The authors explore the activities of a number of literary figures in Simbirsk after the defeat of the Bolsheviks in the region, and also tell about their fate after the defeat of the Czechoslovak Legion and restoration of the Soviet power in Simbirsk.

References

1. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 10, Avg. 3.
2. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 11, Avg. 4.
3. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 13, Avg. 7.
4. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 14, Avg. 8.
5. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 17, Avg. 11.
6. *Vozrozhdenie*, 1918, no. 23, Avg. 18.
7. Gnutov M.A., Chistov B.N., Afanas'ev B.N. *Ustanovlenie Sovetskoi vlasti v Simbirskoi gubernii* [Establishment of Soviet power in the Simbirsk province]. Ul'yanovsk, 1957, 84 p.
8. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. Fond 855. Opis' 1* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archives 248. Anagraph 550].
9. Gurkin V.A. *Na beregakh Russkogo Nila. Istorija izucheniya territorii Simbirskogo Povolzh'ya* [On the shores of the Russian Nile. History of the study of the territory of the Simbirsk Volga region]. Moscow, 2005, 248 p.
10. Kozlova L. *Shepot vekov: istoriya roda* [Whisper of the Ages: the history of the genus]. Ul'yanovsk, Vektor-S Publ., 2006, 190 p.
11. Kuznetsov A.A. *Simbirskie «bel'vedery». Istoriya i sovremennost'* [Simbirsk "belvedere". History and modernity]. In: *Materialy chetvertoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi uchenomu i kraevedu S.L. Sytinu* [Materials of the fourth scientific conference dedicated to the scientist and local historian S.L. Sytin]. Ul'yanovsk, 2008, pp. 138–147.
12. Kuznetsov V.N. *Simbirskaya gorodskaya duma v marte – dekabre 1917 g. (partiinyi aspekt)* [Simbirsk City Council in March – December 1917 (party aspect)]. In: *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Ul'yanovsk, Korporatsiya tekhnologij prodvizheniya Publ., 2018, iss. 16, pp. 55–62.
13. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyatelei* v 4 t. [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures. 4 vols.]. Moscow, 1960, vol. 4, 558 p.
14. *Nesovetskie gazety. (1918–1922 gg.). Katalog sobraniya Rossiiskoi natsional'noi biblioteki* [Non-Soviet newspapers (1918–1922). Catalogue of the collection of the Russian National Library]. St. Petersburg, Russian National library Publ., 2002, 168 p.
15. *Ocherki istorii Ul'yanovskoi organizatsii KPSS* [Essays of the history of the Ulyanovsk organization of the CPSU]. Saratov, 1964, no. 1, 512 p.
16. Pavlov G.V. *Rol' izdatel'skoi deyatel'nosti russkoi emigratsii v Japonii v sokhranenii natsional'noi kul'tury* [The role of publishing activities of Russian emigration in Japan in preserving national culture]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*, 2006, no. 20, pp. 35–38.

17. Panova V.I., Tolochko F.Sh. *Zhandarmskie dokumenty o simbirskikh sotsialistakh-revolyutsionerakh (period revolyucii 1905–1907 gg.)* [Jandarm documents on the Simbirsk socialists-revolutionaries (period of the revolution 1905-1907)]. In: *Simbirskii vestnik. Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Simbirsk Gazette. Historical and local history collection]. Ul'yanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1996, iss. III, pp. 113–125.

18. *Pravda*, 1918, no. 153, July 24.

19. Smirnova I.V. *E.M. Persi-French. Poslednyaya iz simbirskikh Kindyakovykh* [E.M. Persi-French. The last of the Simberian Kindyakovs]. In: *Simbirskii vestnik. Istoriko-kraevedcheskii sbornik* [Simbirsk Gazette. Historical and local history collection]. Ul'yanovsk, Simbirskaya kniga Publ., 1996, iss. III, pp. 155–180.

20. Tochenyi D.S., Tochenaya N.G. *Feya simbirskogo prosveshcheniya (A.A. Znamenskaya)* [Fairy of Simbirsk Enlightenment (A.A. Znamenskaya)]. In: *Istoricheskie portrety, ocherki, fel'etony* [Historical portraits, essays, feuilletons]. Ul'yanovsk, Ulyanovsk State University Publ., 2001, pp. 133–139.

ANDREI V. MANKOV – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (63donetsk@mail.ru).

ANDREI I. PABERZS – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities and Social and Economic Disciplines, Military Academy of Communications named after S.M. Budenny, Russia, St. Petersburg (kvn-baltika@mail.ru).

Формат цитирования: *Маньков А.В., Паберзс А.И.* Литераторы "Симбирского Возрождения" // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 77–85. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-77-85.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-86-99

УДК 393.05
ББК 63.5(2)

И.Г. ПЕТРОВ

ОДЕЖДА ПОКОЙНИКА В КОНТЕКСТЕ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫХ ОБЫЧАЕВ И ОБРЯДОВ ЧУВАШЕЙ*

Ключевые слова: *чуваши, похоронно-поминальные обычаи и обряды, одежда, символика и семантика.*

Похоронно-поминальная обрядность как совокупность магических и религиозных ритуалов, имеющих отношение к погребению умершего, представляет собой богатый историко-этнографический источник. Своими корнями эти обряды уходят в толщу веков и отражают древнейшие верования и представления. Несмотря на массовую христианизацию, похоронно-поминальные обычаи и обряды чувашей сохранили многие элементы дохристианского (языческого) погребального культа. Важную роль в организации и материальном оформлении похоронных обычаев и обрядов играют бытовые вещи, в том числе одежда и отдельные ее предметы. Включаясь в обрядовое действо, они привносили в него дополнительную информацию о сути совершаемых действий, усиливали их чувственное восприятие, выступали в качестве выразительных маркеров и символов. В данном контексте определенный интерес представляют магические представления и действия с одеждой умершего. Почти на каждом этапе похоронной обрядности с одеждой покойника чуваши совершали ряд целенаправленных действий, которые имели своей целью поэтапное сопровождение умершего из профанного в сакральное пространство, или в мир предков. В виде рудиментов они бытуют и в настоящее время.

По похоронно-поминальной обрядности чувашей к настоящему времени накоплена обширная литература, и научная разработка этой темы имеет давнюю историю. Однако вопросы, касающиеся использования одежды в данном обрядовом комплексе, их функций и семантики, специально не рассматривались и не изучались. Цель настоящей статьи – показать наиболее распространенные представления чувашей, связанные с одеждой покойника, а также некоторые обычаи и обряды, которые бытовали среди них во второй половине XVIII – начале XX в. В основу работы положены литературные источники, архивные документы и материалы полевых исследований автора.

По представлениям чувашей, с момента наступления смерти человек, с одной стороны, становился представителем мира мертвых и поэтому его как можно скорее старались препроводить в этот мир. С другой стороны, как бывший член социума, он нуждался в постоянном внимании и заботе со стороны живых родственников. Эти две противоположности находят отражение и в ритуалах с одеждой. В целях изоляции покойника от живых его одежду рвали и выкидывали за пределы селения, сжигали, оставляли на кладбище и т.д. В то же время одежда умершего занимала определенное место в обрядах поминального цикла как обязательный ритуальный атрибут и его символический заместитель. В соответствии со структурой обряда представления и магические ритуалы чувашей, связанные с одеждой покойника, предлагается рассмотреть по трем основным периодам или блокам: а) до погребения; б) во время похорон; в) после похорон, в обрядах поминального цикла.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00127.

Магические действия с одеждой покойника после наступления смерти. Когда человек испускал дух, его родные и близкие как можно быстрее старались освободить его от нательной одежды, так как она воспринималась ими как нечто опасное, от которого нужно было избавиться. Особенно вредоносной считалась одежда, в которой человек скончался. У чувашей она называется поразному, но самым распространенным среди них и семантически точно передающим его сущность, является термин «*чун тухнă кĕпе*», «*чун тухнă кĕпи*», «*чун тухнă чухнехи кĕпе*» (досл. платье (одежда), в которой человек испустил дух). По чувашским поверьям, такая одежда несла в себе потенциальную угрозу, и ее в доме никогда не оставляли и не хранили. Поэтому ее не просто снимали с покойника, а разрывали. Для этого родственники сперва слегка рвали ворот рубахи в области груди, а потом разрывали пополам по всей длине. Также пополам рвали штаны и белье. Снимать одежду таким образом, как снимает ее живой человек, не позволялось. Такая целенаправленность действий объяснялась тем, что, по чувашским поверьям, нательная одежда имела непосредственный контакт с телом умершего и на ней имелись следы воздействия духа смерти (*Эсрел*). По мнению исследователей, указанный образ в чувашскую народную религию и мифологию проник через арабо-мусульманскую культуру [38. С. 426]. В другой интерпретации это объяснялось тем, что таким образом старались облегчить предсмертные агонии человека при приближении смерти, чтобы уходящая из тела душа на своем пути не повстречала никаких преград: «*çыннăн чунĕ пӳленсе ан тăтăр, уçă çĕрте çӳретĕр тесе*» [13], «*вилекенĕн чунĕ ан пӳлентĕр тесе*» [14]. При разрывании одежды на покойнике руководствовались и практическими соображениями – чтобы умершего было легче освободить от одежды, так как у него быстро коченеют конечности.

После данной процедуры снятие белья и нательной одежды, как правило, производилось через ноги, т.е. снизу. Как видим, здесь демонстрируется подчеркнутое противопоставление мертвого миру живых, потому что от одежды его освобождали противоестественным или анормальным способом, т.е. не через голову, как это принято на живом человеке, а через ноги. Не случайно В. Димитриев, один из корреспондентов Н.В. Никольского, проживавший в дер. Средние Алгаши Симбирской губернии, относительно этого действа писал, что «рубашку снимают с покойника через ноги, это опять потому, что человек теперь не тот» [15].

С наступлением смерти, а иногда после выноса гроба с покойником из дома во двор выносилось все то, что соприкасалось с умершим: посуда, постельные принадлежности, белье, одежда и т.д. К таким мерам прибегали потому, что согласно народным поверьям, на них имелись невидимые следы крови умершего, после того как его посещал дух смерти и своей косой надрезал его суставы. К.П. Прокопьев по данному поводу писал, что «это делается потому что, по поверью чуваш, к умирающему человеку, невидимо для глаз человеческих, является с косой на руках *Эсрель* (дух смерти), который, надрезая косой, расчленяет все суставы человека; в это время кровь умирающего, невидимо для глаз, может брызнуть и осквернить имеющиеся в комнате вещи» [32. С. 218–219]. Поэтому постель, на котором лежал покойник, а иногда и его одежду надо было вынести на улицу (во двор) и не вносить в дом до определенного периода времени. Например, в Южном Приуралье чуваши перину, на которой лежал покойник, держат до тех пор, пока над ними не менее трех раз пролетят птицы (*вĕçен кайăксем виçĕ хут вĕçсе каиччен*).

Первоначально одежду покойника выносили во двор и оставляли около ворот, а потом во время похорон выбрасывали в определенное место. Такими локусами могли быть перекресток дорог, поле или овраг за пределами населенного пункта: *лупашка* (низина, ложбина), *вилнĕ çын варĕ* (овраг мертвых), *турпас варĕ* (овраг для выбрасывания стружек), *хуп пăрахакан вар* (овраг для выбрасывания луба) и т.д. Происхождение двух последних названий объясняется тем, что в овраг вместе с одеждой чуваши выбрасывали также луб, солому, на которых обмывали покойника, а также стружки и щепки, которые оставались после изготовления гроба. В других селениях нательную одежду не выбрасывали, а препровождали в мир предков. Для этого ее клали на дно гроба под покойника или закапывали в могильной яме у ног умершего. А иногда одежду, снятую с покойника, сжигали на территории усадьбы или где-нибудь в поле за пределами населенного пункта. Такие действия с нательной одеждой умершего были свойственны и другим народам. Например, русские Заонежья одежду умершего, предварительно выстирав, закапывали в землю или сжигали на огороде. На Смоленщине одежду покойника вслед за гробом выносили из дома и держали в чулане, а по истечении 40 дней сжигали на улице [36. С. 120–121].

Остальную одежду, которой пользовался покойник, оставляли дома. Однако в соответствии с народными представлениями ее также подвергали символическому очищению, т.е. стирке. Как только гроб с умершим уносили на кладбище, оставшиеся в доме женщины мыли не только пол, окна, стены (иногда до семи венцов), потолок, мебель, но и принимались за стирку одежды умершего. Одежду стирали в проточной воде, т.е. на реке. В целях предосторожности одежду и белье покойника до реки и обратно несли на деревянных палках. С помощью этих же палок производились стирка и полоскание. В некоторых селениях одежду покойника после стирки отдавали бедным или нуждающимся родственникам, знакомым, соседям, сиротам, нищим и т.д.

Однако одежда покойника не всегда воспринималась в качестве опасной составляющей, от которой следовало избавляться. Часто бывало, что одежду покойника после стирки оставляли в качестве оберега. Так, в селениях некрещеных чувашей Закамья (с. Клементейкино) и Заволжья (с. Старое Афонькино) одежда, в которой умер покойник (*чун тухнă кĕпе*), до сегодняшних дней используется как средство защиты жилища от пожара. Для этого одежду покойника после стирки и сушки собирают в узел, а затем вешают под крышей дома. Иногда этот узел привязывают к стропилам или дымоходу [29, 30].

Кроме того, одежда покойника могла использоваться в качестве амулета. Для этого ее разрезали на небольшие кусочки и пришивали их на исподнюю часть своего одеяния. Эти кусочки, по словам информаторов, защищали человека от злых сил [29]. В с. Старое Ганькино Похвистневского р-на Самарской обл. одежду покойника стирали, высушивали, а потом разрезали на маленькие кусочки и раздавали близким родственникам [31].

В качестве оберега одежда покойника часто использовалась при отправлении в дальнюю дорогу (*инçе çула тухса каймалла пулсан*) и поездке на судебное разбирательство (*суда-мĕне каймалла пулсан*). Если вдруг наступали такие обстоятельства, с собой брали фрагмент или одеяние покойника [2. С. 54]. Подобного же рода представления о защитной функции одежды умершего человека были свойственны марийцам. По исследованиям Т.Л. Молотовой, марийцы верили, что «если надеть такую одежду на суд, то якобы такого человека не могли осудить» [12. С. 49].

Приготовление одежды для покойника и ее особенности. Действия с одеждой во время похорон. По представлениям чувашей, одежда покойника не должна была быть абсолютно идентичной одежде живых людей. Это касалось ее кройки, особенностей шитья, обряжения, а также некоторых элементов и деталей.

Как правило, покойника одевали в заранее приготовленную одежду. У чувашей она называлась «*вилĕм кĕпи*» (смертная одежда, одежда на смерть). В ее состав входили белье, нательная и верхняя одежда, головной убор, обувь. Женщина такой комплект предметов одежды готовила заранее не только для себя, но и для супруга. Они завязывались в узел и хранились вместе с остальной одеждой в особой долбленой из цельного дерева укладке с лубяной крышкой (*çӳпçе*) или в сундуке. Если по каким-либо причинам заранее припасенной одежды для покойника в наличии не было, к ее приготовлению приступали родственники, но с соблюдением особых предосторожностей и запретов. Во-первых, одежду для покойника готовили спешно, т.е. в течение короткого времени [3, С. 229; 34. С. 290]. Во-вторых, полотно или ткань, из которого шили одежду, никогда не резали ножницами, а пользовались ножом или рвали руками. В-третьих, одежду, в том числе предметы погребального инвентаря (накидку, наволочку, подушку и т.д.) шили вручную с использованием широких швов и при этом не делали узелков. В процессе работы движения иголкой производили от себя, т.е. в обратном направлении [4. С. 349]. Такие же правила в приготовлении погребальной одежды – заблаговременность, поспешность, шитье вручную и от себя – имеют место в обрядах похорон других народов.

С соблюдением особых правил производилось надевание на покойника предметов одежды. Главной особенностью этой процедуры было целенаправленное совершение обратных действий. Этнолог А.К. Салмин называет их «действиями наоборот» [34. С. 292]. Во-первых, белье и нательную рубаху на покойника надевали через ноги [16]. Во-вторых, умершему сперва надевали левый рукав рубахи и только потом правый [17]. Таким же образом поступали, когда на покойника надевали портки и штаны. Справа налево также нахлестывали полы верхней одежды покойника: кафтана, поддевки, пиджака и др. У В.Я. Смелова по этому поводу говорится следующее: «Умерших запахивают (одевают) левой полой (поверх правой)»[35. С. 539]. В направлении справа налево (т.е. в противоположную сторону) ноги покойника обертывали онучами и портянками. Иногда поступали следующим образом: «онучи на левой ноге навертывались с правой стороны на левую, а на правой наоборот» [9. С. 1058]. В-третьих, все завязки или тесемки на рубахах, панталонах, штанах, лаптях завязывали не обычным, а так называемым «мертвым узлом» (*вилĕ тĕвви*, *вилĕ çыххи, вилнĕ çын тĕвви, вильтӳ*, *виль той* и т.д.). В некоторых селениях этот узел еще называли «кривым» или «левым» узлом [26. С. 33]. Главной его особенностью было то, что он завязывался «в направлении, обратном тому, в каком они завязываются у живых» [10. С. 166]. «Мертвым узлом» на покойнике также завязывались узлы пояса, кушака и женского платка. Есть сведения, что «по-другому» (т.е. не так, как на живом человеке) полагалось также заплетать косы умерших девушек и женщин. Правда, иногда делались исключения. Если умирала молодая женщина, некоторую часть узлов на одежде оставляли незавязанными. Считалось, что в противном случае оставшийся вдовцом супруг не сможет еще раз жениться. Также поступали с узлами на одежде умершего мужчины. Позже аналогичный запрет распространился на застеги-

вание пуговиц. Чтобы супруг или супруга вторично могли соединиться с кем-нибудь в браке, несколько пуговиц на одежде оставляли незастегнутыми [18, 19]. В-четвертых, с соблюдением принципа «все делать наоборот» на покойника надевали обувь. В частности, при обувании оборы лаптей не вдевали в их ушки (*йăлинчен тирмесĕр сыраççĕ*) [20] или в петельки по бокам (*пӳштĕр*) [21]. Вероятно, этим же принципом чуваши руководствовались тогда, когда нательную одежду на покойника надевали, выворачивая наизнанку. Степан Филимонов из дер. Яргунькино Аликовской волости Ядринского уезда Казанской губ. об этом оставил следующую запись: «*Кĕпе тăхăнтартнă чух кутăн тавăрса тăхăнтартнă*» (Когда надевали рубаху, ее надевали наизнанку) [22]. О надевании одежды «навыворот» на покойника писал также Н. Иванов из д. Ходяково Ядринского уезда Казанской губернии [9. С. 1058].

Совершение указанных выше обратных действий или «действий наоборот» преследовало своей целью максимальное лишение одеяния покойника деталей, свойственных одежде живых людей. Благодаря этим действиям, с одной стороны, происходило вычленение покойника из мира культуры, из социума и его «перемещение» в мир предков. С другой стороны, посредством этих действий чуваши стремились к тому, чтобы в данном доме не было новых покойников и чтобы им не пришлось вновь заняться похоронными работами. Эту мотивацию в чувашском погребальном обряде очень точно объяснил К.П. Прокопьев: «Вообще нужно заметить, всякое действие, во время похорон чуваши делают не в том виде и направлении, как в обыкновенное время, а в обратном. Это делается для того, чтобы дело не спорилось, т.е. чтобы предпринимаемого ими дела ни для кого более совершать не понадобилось» [32. С. 220]. Надо заметить, что такие действия имели место в течение всего обряда похорон. К примеру, это – набирание воды по течению реки, когда родственники шли за водой для покойника, отливание воды из ковша от себя и преимущественная работа левой рукой (вместо правой) при обмывании, выливание использованной воды из ведра или другой посуды по направлению не вниз, а вверх (*вирелле*), мытье пола, начиная от дверей, а не наоборот и т.д. На это ясно указывают также слова и пожелания, которые родственники умершего произносили на похоронах в начале любого дела. Если низовые (*анатри*) и средненизовые (*анат енчи*) чуваши говорили «*Ĕçĕ-пуçĕ кутăн пултăр*» (Пусть не будет успеха в начинании этого дела) [32. С. 220], то верховые (*вирьял*, *тури*) по-другому, например, «*Кинкĕр канкăра кайтăр*!» (Пусть отправится в преисподнюю) [27. С. 12] или «*Тĕпсĕр канкăра кайтăр*» (Пусть отправится в бездонную преисподнюю) [23]. Таким словами они давали оценку предстоящим делам по погребению умершего, и подчеркивали их никчемность и нежелательность. Так, гробовщик, прежде чем приступить к работе, несколько раз обухом топора ударял по доске и говорил «*Çак ĕç ăнса ан пултăр*!» (Пусть не будет успеха в начинании этого дела!) [24; 34. С. 293]. В Абашевском приходе Чебоксарского уезда Казанской губ. при совершении того же действия гробовщик произносил другие слова: «*Изе бозе кодынла болдыр*» (*Ĕçĕ-поçĕ котăнла полтăр*. – *И.П.*), т.е. «Пусть начало дела будет бесполезным» [10. С. 160].

По представлениям чувашей, умершие в загробном мире (*леш тĕнче*) жили той же жизнью, что и живые. Исходя из этого, в гроб с покойником старались класть «понемногу всего, что он особенно любил и чем занимался в земной жизни» [32. С. 223]. Набор погребального инвентаря практически везде был

одинаковым. Из повседневных принадлежностей в гроб клали гребень или расческу, ложку, деньги, мыло, а из орудий труда мужчинам – ножик, кочедык, колодку и лычки для плетения лаптей, топор, женщинам и девушкам – иголку с ниткой, ножницы, веретено, кусок холста, шелка, кудель и др. Иногда мужчинам в гроб клали недоплетенный лапоть с кочедыком, а женщинам – клубок ниток с иголкой и недовязанный чулок. При этом в назидание умершим произносили следующее: «*Ĕçĕрсене ан манăр!*» (Работ не забывайте!) [17]. Если мужчина был курящий, то обязательно клали трубку, огниво и кисет с табаком. Учитывалась также привязанность покойников к каким-либо занятиям в прежней жизни: «если он был музыкант – скрипач, гусляр или пузырщик, то кладут скрипку, гусли или пузырь; если плотник – то топор и т.д., женщинам кладут иглы с нитками, веретена, льну, шерсти, шелку и холста» [32. С. 223]. Если хоронили человека, занимавшегося знахарством, ворожбой, народной медициной, то в гроб клали все вещи и принадлежности, которыми он пользовался при жизни [25].

Другой особенностью погребального обряда чувашей был обычай хоронить покойников, особенно женщин в свадебном платье. Вероятно, свадебная одежда, как правило, самая лучшая и праздничная в представлениях чувашей наделялась особым сакральным смыслом и поэтому использовалась в качестве погребальной одежды. С внедрением в ритуальную практику чувашей обряда церковного бракосочетания, такой семантикой стало наделяться подвенечное платье (*венчет кĕпе*), как платье, побывавшее в Божьем храме, т.е. освященное. В то же время предпочтительность свадебной одежды (*туй кĕпи*, *пуç сыран кĕпе*) как погребального костюма облекалась другими, более глубокими смыслами и причинами. По народным поверьям, благодаря свадебной рубахе женщина на «том свете» встречалась со своим мужем, и они снова соединялись для продолжения супружеской жизни.

В свете сказанного особый интерес представляют женские погребальные рубашки чувашей бывшего Кузнецкого уезда Саратовской губ. Здесь вплоть до первой трети XX в. женщины готовили себе особые рубашки, приготовленные на смерть. Впервые в научной литературе они были описаны Т.М. Акимовой в 20–30-е гг. XX в. Они представляли собой сшитые по традиционному крою белые домотканые рубахи с нагрудными нашивками из небольших лоскутков синего и красного ситца «*чуклакай*» [1. С. 32]. Рубашки с нагрудными нашивками «*чуклакай*» на основе этнографических фондов Саратовского областного музея краеведения также исследовал Г.Н. Иванов-Орков. На изученных им экземплярах нагрудные части рубах были украшены двумя большими квадратами из кумача, а сверху и снизу к ним примыкали небольшие ромбики, косые полосы из кумача и треугольники из синего ситца. Эти рубахи саратовскими чувашками готовились исключительно в качестве ритуальной (похоронной) одежды [28. С. 230, 232].

Кроме нательной одежды на покойников надевали верхнюю одежду – кафтан (*сăхман*), поддевку (*касаккин, шупăр*), азям (*чаппан*), которые подпоясывались поясом или кушаком, пиджак (*пиншак*). На руки надевались шерстяные варежки или перчатки. В качестве головных уборов мужчинам и женщинам надевали шапки (*çĕлĕк*). Кроме шапок мужчинам надевали шляпы (*шлепке*), холщовые колпаки (*калпак*), женщинам – платки (*тутăр*, *явлăк*), полотенцеобразные головные уборы (*сурпан*). В некоторых селениях незамужним девушкам на головы повязывали платки, но рядом с ними обязательно клали женский головной убор *сурпан*. Это делалось для того, чтобы она могла использовать его «на том свете», когда она выйдет замуж.

Кроме перечисленных выше предметов женскую одежду дополняли передники (*чĕрçитти*), поясные подвески (*сарă*), головные повязки (*масмак*), т.е. основные элементы традиционного женского костюма.

Головные уборы и украшения, сделанные из серебряных монет, кораллов и бисера, на женщин обычно не надевали. Вероятно, это было обусловлено их материальной ценностью и имевшими место случаями вскрытия могил с целью наживы. Поэтому вместо полноценных головных уборов и украшений в гроб умерших женщин подкладывали 1-3-5 (обязательно нечетное число) серебряных монет. В первую очередь женщинам повязывали *сурпан* или платок, затем на лбу и висках с двух сторон, а также на рубаху или свисающий конец сурбана пришивали серебряные монетки (*кĕмĕл укçа*) или их имитации (*нухрат*). Иногда вместе с монетами пришивали раковины-ужовки (*хуртпуççи*). Серебряные монеты и раковины пришивали для того, чтобы женщины «на том свете» ходили в таких же головных уборах и украшениях, как и при жизни. Иначе говоря, эти принадлежности имитировали традиционные женские головные уборы и украшения.

В качестве обуви мужчинам и женщинам надевали новые лапти. Состоятельные крестьяне, смотря по сезону, покойников обували в сапоги или валенки. Зимние предметы костюма в погребальном комплексе чувашей (меховая шапка, кафтан, азям, шерстяные чулки, рукавицы, перчатки, валенки), вероятно, являются отголосками древних традиций. По представлениям чувашей, в стране мертвых царствовал вечный холод. Поэтому они максимально старались снабдить их теплыми вещами «на тот свет». Вероятно, этими же представлениями чуваши руководствовались тогда, когда на покойника надевали две рубахи (два платья) и две пары чулок. По мнению других исследователей, этим они снабжали покойника «запасной» одеждой, т.е. одеждой впрок.

Выраженные действия магического характера с одеждой покойника производились непосредственно перед погребением. Основным их содержанием было развязывание всех узлов, имеющихся на белье, одежде и обуви, а также расстегивание пуговиц. Если в пространстве жилого дома, усадьбы, селения все эти узлы необходимо было завязывать «мертвым узлом», то на кладбище перед опусканием гроба в могильную яму их было принято развязывать. Такие манипуляции проводились в предохранительных целях. В противном случае, как считали в народе, покойник мог увязаться за родственниками и вернуться с ними обратно. Руководствуясь этим мотивом, на покойнике развязывали все узлы, имеющиеся на одежде и обуви: «В гробу расстегивают его кафтан, воротник рубашки и все те места одежды, которые расстегиваются, чтобы тот не мог возвратиться из могилы» [11. С. 176]. То же самое читаем в сочинении К.П. Прокопьева: «Как только опустят покойника в могилу, один из мужчин спускается в могилу и развязывает все узлы, какие только имеются на одежде, обуви и белье покойника. При похоронах женщины делает это женщина еще до опущения гроба в могилу. Делается это для того, чтобы покойник не мог погнаться за родственниками, когда они поедут с кладбища» [32. С. 230]. С исчезновением завязок на одежде такие манипуляции стали проводиться с пуговицами: «пред опусканием в могилу расстегивали пуговицы на одежде покойника для того, чтобы тот не мог погнаться за провожавшими его, когда они будут возвращаться с кладбища» [8. С. 133]. Чтобы покойник не примкнул к родственникам, последние после погребения старались уйти или уехать с кладбища как можно быстрее и при этом не огляды-

ваться: «Едут с кладбища быстро и не оглядываясь, потому что, по поверью чуваш, покойник выходит из могилы и кричит вслед уезжающим родственникам: “Зачем убегаете от меня? И я поеду с вами”». Потому-то и нарочно развязывают ему пояс, веревки у лаптей, подвязки у рубахи и порток. Пока покойник завязывает снова пояс и разные подвязки, родственники его успевают зарыть могилу, наскоро помянуть умершаго и отъехать от кладбища на приличное разстояние. Отъехав от кладбища на разстояние 40 сажень, могильщики уже не боятся и не торопятся, так как на разстоянии 40 сажень не слышно голоса покойника» [32. С. 231].

Одежда покойника в обрядах поминального цикла. В обрядах поминального цикла одежда умершего в основном применялась в качестве метонимического заместителя человека. Потому что через одежду или отдельные ее предметы во время поминок осуществлялись контакт и общение с умершим. В этом контексте одежда выступала в качестве материального объекта, передающего его образ.

В соответствии с народными представлениями, на том свете умерший не сразу получал положенное ему место. До сорока дней (у крещеных) или до проведения больших поминок «*юпа*» (у некрещеных) покойник постоянно приходил к себе домой и незримо присутствовал в нем. Чтобы умилостивить его, в течение определенного периода времени чуваши поминали его и проводили обряд «*хывни*», или обряд ритуального кормления. Некрещеные чуваши умершего поминали на третий день (*виҫҫĕш*), а потом в каждую неделю в ночь с четверга на пятницу (*эрнекаҫ*) в течение 6 недель или до наступления больших поминок «*юпа*» (осенью). Крещеные согласно православным традициям поминали на третий, девятый и сороковой дни. После этого умерших поминали по ежегодным «родительским» дням: весной (*Мăнкун*), летом (*Ҫимĕк*) и осенью (*Кĕр сăри*, *Кĕрхи*, *Ваттиснен кунĕ, Ватти* и т.д.).

«Присутствие» покойника на поминках достигалось по-разному: в день поминок для него за столом отводили отдельное место (стул с подушкой), на стол клали столовые приборы, во время обряда «*хывни*» в специальную посуду с поминального стола откладывали кусочки еды, отливали питье, а потом все это выливали у подножия столба ворот.

Выраженную функцию обеспечения «присутствия» покойника на поминках выполняла одежда покойника. Наиболее отчетливо это проявлялось во время проведения больших поминок «*юпа*» у некрещеных чувашей. В этот день следовало не только достойным образом помянуть умершего, но и окончательно проводить его в мир предков. По этому случаю на его могиле устанавливали постоянный надмогильный памятник «*юпа*», изготовленный из камня или дерева. Мужчинам столбы делали из дуба, женщинам – из липы или березы. Прежде чем ехать на кладбище, деревянный столб заносили в дом и укладывали на приготовленную заранее постель. Эту постель, состоящую из перины и подушки, в прошлом готовили на широкой скамье (*кутник сакки*) у входной двери дома. Позже столб стали укладывать на кровать. После этого происходило «одевание» его в одежду умершего, суть которого заключалась в накладывании поверх столба предметов костюма. Если поминали мужчину, на столб клали рубаху, кальсоны, штаны, кафтан, на макушку столба надевали шапку или кепку. Если поминали женщину, на столб клали женскую рубаху, передник, а иногда нагрудное украшение. На верхнюю часть столба завязывали платок, головное полотенце (*сурпан*) или клали на него головной убор из серебряных

монет. На столб женщины клали *хушпу*, а на столб незамужней девушки – *тухъю* [10. С. 179–180; 32. С. 239–241; 33. С. 81–88]. Причем во время поминок, которые обычно продолжались всю ночь, присутствующие плясали, надевая на себя что-нибудь из одежды покойника: «Если поминается мущина, то мущины во время пляски надевают на себя кафтан и шапку, лежащие на чурбане, изображающем покойника. А если поминается женщина, то женщины во время пляски надевают хушпу или тухйу (головные уборы), которыя во время поминки лежат на чурбане. После пляски каждый или каждая из пляшущих оборачивается к чурбану и делает ему поклон, с произнесением обычного приветствия умершему: «Пусть будет перед тобою» [32. С. 240–241]. Не петь и не плясать на поминках считалось неуместным: «В пляске должны принимать участие все. Кто отказывается плясать, тот, следовательно, желает оскорбить память покойнаго, тот, ясно, не любил и не уважал его. Ослушник подвергается осуждению всех» [5. С. 16].

В ряде селений одежда покойника присутствовала во время сооружения моста или переправы для покойника (*вилнĕ çын кĕперри*, *вилĕ кĕперри*) [7. С. 198]. Сущность данной церемонии заключалась в том, что во время поминок «*юпа*» по пути на кладбище сопровождавшие надмогильный столб родственники около оврага или речки из обрубков дерева сооружали символический мост (*кĕпер, каçма*), через который умершему открывалась дорога в мир мертвых и по которому он мог «приходить в гости» к живым во время ежегодных общих поминок. Рядом с мостом для покойника устанавливали одноногий стол с таким же одноногим стулом. Потом на столе зажигали свечу, а на нем для покойника оставляли принесенные из дома поминальную пищу и питье. Во время проведения данного обряда в некоторых чувашских селениях наряду с пищей умершему подносили и предметы одежды: «За чурбаном на особой подводе везут нарочно сделанные для покойника столик и скамейку, поношенную белую рубаху, ведро, ковш, блюдо и ложку. Выехав за околицу, веселый поезд останавливается около заранее выбранного места» [4. С. 280]. Аналогичный обряд практиковался в дер. Изванкино Аликовского уезда Казанской губ. Во время обряда «*юпа*» родственники умершего на мост мертвых в качестве подарков вешали рубахи (*кĕпесем*), портки (*йĕмсем*), сурбаны (*сурпансем*), масмаки (*масмаксем*), онучи (*тăласем*), лапти (*çăпатасем*) [3. С. 234]. После поминок все это выбрасывалось в ближайший овраг.

В некоторых чувашских селениях одежда покойника использовалась во время летних поминок «*Çимĕк*» (в четверг перед русской Троицей). М. Васильев писал, что некрещеные чуваши в этот день «в головах могилы зарывают чистую белую рубаху» [4. С. 284]. О распространенности данного обряда среди чувашей Казанской губ. в первой половине XIX в. писала А.А. Фукс: «Обыкновенно чуваши привозят с собою на кладбище вино, пиво и другие кушанья. Половину всех припасов кладут и выливают на могилы, а другую половину сами выпивают и веселятся с плясками; даже оставляют на могилах много одежды, рубах, кафтанов и женских нарядов» [37. С. 81]. Оставляя одежду на кладбище, чуваши верили, что этим они снабжают умерших новым «комплектом» одеяния для дальнейшего использования в «потусторонней жизни». В этом проявлялись забота о покойном и стремление обеспечить его всем необходимым. Аналогичные по содержанию обряды с одеждой умерших сохранились в поминальной обрядности чувашей Южного Приуралья. Так, в с. Тятербашево (*Тетĕрпуç*) Стерлибашевского р-на РБ, где живут креще-

ные чуваши, на сороковой день, а также в дни общих поминок родственники умершего на самом видном месте избы, главным образом на шесте (*кашта*) под потолком передней комнаты развешивают предметы одеяния покойника. Иногда эти вещи расстилают на кровати. В этом же ряду стоит обычай чувашей с. Васильевка (*Йĕкенпуç*) Ишимбайского р-на РБ. На Троице (*Çимĕк*) жители села, если она совпадает с третьей годовщиной смерти покойника, на его крест надевают что-нибудь из его одежды. Если покойник мужчина, на крест надевают мужскую рубашку и кепку, если женщина – женскую рубаху и платок. После поминок они снимаются с креста и на память отдаются родственникам покойного. В этих и других обрядах с одеждой умерших явственно присутствует попытка моделирования образа покойного через его одежду с тем, чтобы обеспечить его присутствие на поминках. Такое отношение к одежде было обусловлено древнейшими представлениями, в соответствии с которыми одежда являлась продолжением человека, субстанцией, сохраняющей и передающей информацию и память о нем.

Таким образом, в похоронно-поминальных обычаях и обрядах чувашей одежда и магические обряды с ней занимают определенное место. В этих обрядах она присутствует в нескольких значениях: а) в качестве маркера или одеяния покойника со всеми отличительными особенностями; б) в качестве дара покойнику для использования в «потустороннем мире»; в) в качестве оберега; г) в качестве символического заместителя или двойника умершего. Рассмотренные выше представления наглядно демонстрируют их тесную связь с основной стратегией похоронно-поминального ритуала, которая заключалась в поэтапном сопровождении умершего из профанного пространства в сакральное. После наступления смерти умерший, являясь частью сакрального мира, представлял для членов социума определенную опасность. Поэтому задачей людей, окружающих покойника, являлось «объяснение умершему, что он находится в ином пространстве по другую сторону от живых» [6. С. 67]. Именно на это были направлены все ритуальные действия погребального обряда, в том числе и с одеждой умершего: разрывание, временная изоляция, выбрасывание, сжигание, совершение обратных действий и т.д. В этом же ряду находятся действия, направленные на максимальное лишение одеяния покойника деталей, свойственных одежде живых, и создание условий, препятствующих его возвращению. Благодаря этим манипуляциям с одеждой происходили, с одной стороны, вычленение покойника из мира культуры, из социума и его «перемещение» в мир предков. С другой стороны, связь с живых с умершим не обрывалась и периодически поддерживалась посредством проведения цикла поминальных обрядов. В этих ритуалах одежда умершего выполняла не только функцию ритуального атрибута, но и функцию символического заместителя, или двойника умершего.

Литература и источники

1. *Акимова Т.М.* Эволюция женского костюма у саратовских чуваш // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Этнографическая секция. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 5. С. 25–39.

2. *Афанасьева Л.А.* Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей (опыт сравнительно-сопоставительного и этнолингвокультурологического исследования). Стерлитамак: Стерлитамак. филиал Башк. гос. ун-та, 2017. 167 с.

3. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1930. Вып. V. 420 с.

4. *Васильев М.* Чуваши-язычники. Языческие представления чуваш о загробной жизни // Инородческое обозрение. 1913. № 5. С. 342–355.

5. *Виноградов Ф.* Следы язычества в домашнем обиходе чуваш. Симбирск: Губ. тип., 1897. 18 с.

6. *Дворников Э.П.* Мировоззренческие основы отношения к умершему по археологическим и этнографическим данным (по материалам сибирских культур) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3(41), ч. II. С. 66–68.

7. *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1875. 272 с.

8. *Иванов А.* Загробная жизнь по представлениям чуваш прежних времен и похоронные обычаи их // Православный благовестник. 1898. № 2(19). С. 129–136.

9. *Иванов Н.* Языческие поминовения умерших у чуваш деревни Ходяковой Ядринского уезда // Известия Казанской епархии. 1905. № 35. С. 1057–1059.

10. *Магнитский В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собраны в некоторых местностях Казанской губернии. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 266 с.

11. *Месарош Д.* Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Дмитриевой; ЧГИГН. Чебоксары, 2000. 360 с.

12. *Молотова Т.Л.* Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29 / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: Наука, 2004. С. 34–61.

13. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 31. Л. 52.

14. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 326. Л. 73.

15. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 22.

16. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 66–67.

17. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 247. Л. 248.

18. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 326. Л. 79–80.

19. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 358. Л. 137.

20. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 734.

21. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 514.

22. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 151. Л. 124.

23. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. Л. 108.

24. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 616.

25. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 231. Л. 357.

26. *Никанор*, архиепископ. Остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1910. 39 с.

27. *Никифоров Ф.Н.* Стюхинские чуваши. Казань: Типо-лит. ун-та, 1905. 26 с.

28. *Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П.* Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург, 2002. 400 с.

29. Полевые материалы автора (далее – ПМА). 2014. Республика Татарстан. Альметьевский р-н, с. Клементейкино, Михайлова С.С. (1927 г.р.).

30. ПМА. 2014. Самарская обл. Шенталинский р-н, с. Старое Афонькино, Етриванова О.Т. (1932 г.р.), Рыбакова О.В. (1949 г.р.).

31. ПМА. 2014. Самарская обл. Похвистневский р-н, с. Старое Ганькино, Елина В.Н. (1959 г.р.).

32. *Прокопьев К.П.* Похороны и поминки у чуваш // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1903. Т. XIX, вып. 5–6. С. 215–250.

33. *Руденко С.И.* Чувашские надгробные памятники // Материалы по этнографии России. СПб.: Гос. Рус. музей, 1910. Т. 1. С. 81–88.

34. *Салмин А.К.* Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.

35. *Смелов В.Я.* Нечто о чувашских языческих верованиях и обычаях // Известия Казанской епархии. 1880. № 20. С. 528–543.

36. *Толстая С.М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Либроком, 2010. 368 с.

37. *Фукс А.А.* Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: Казан. ун-т, 1840. 329 с.

38. Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Россия, Уфа (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8664-3004).

Igor G. PETROV

CLOTHING OF A DECEASED IN THE CONTEXT OF FUNERAL AND COMMEMORATIVE CUSTOMS AND RITUALS OF THE CHUVASH

***Key words**: the Chuvash, funeral and commemorative customs and rituals, clothing, symbolism and semantics.*

Funeral and commemorative ritualism as a set of magical and religious rituals related to the burial of a deceased, is a rich historical and ethnographic source. These rituals are rooted in the thickness of centuries and reflect the most ancient beliefs and ideas. Despite mass Christianization, funeral and commemorative customs and rituals of the Chuvash people preserved many elements of the pre-Christian (pagan) funeral cult. Household items, including clothing and individual items play an important role in the organization of substantive processing of funeral customs and rites. Being included in the ritual action, they brought in additional information about the essence of the performed actions, enhanced their sensory perception and acted as expressive markers and symbols. In this context, magical perceptions and actions with the clothing of a deceased are of particular interest. Almost at every stage of the funeral rites, the Chuvash performed a number of purposeful actions with the clothes of a deceased that were aimed to accompany step-through the deceased from the profane to the sacred space or to the world of ancestors. In the form of rudiments, they still exist at present time.

References

1. Akimova T.M. *Evolyutsiya zhenskogo kostyuma u saratovskikh chuvash* [Evolution of women 's costume at Saratov Chuvashs]. *Trudy Nizhne-Volzhskogo obl. nauch. ob-va kraevedeniya. Etnograficheskaya sektsiya* [Works of the Lower Volga Regional Scientific Society of Local History. Ethnographic section]. Saratov, 1928, vol. 35, iss. 5, pp. 25–39.

2. Afanas'eva L.A. *Terminologiya pokhoronno-pominal'noi obryadnosti chuvashei (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo i etnolingvokul'turologicheskogo issledovaniya)* [Terminology of funeral and memorial rite of Chuvash (experience of comparative and ethnolinguulurological research)]. Sterlitamak, 2017, 167 p.

3. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary, 1930, iss. V, 420 p.

4. Vasil'ev M. *Chuvashi-yazychniki. Yazycheskie predstavleniya chuvash o zagrobnoi zhizni* [Chuvashs-pagans. Pagan ideas of the Chudashs about the afterlife]. *Inorodcheskoe obozrenie* [Foreign Review], 1913, no. 5, pp. 342–355.

5. Vinogradov F. *Sledy yazychestva v domashnem obikhode Chuvash* [Traces of paganism in the household of the Chuvashs]. Simbirsk, 1897, 18 p.

6. Dvornikov E.P. *Mirovozzrencheskie osnovy otnosheniya k umershemu po arkheologicheskim i etnograficheskim dannym (po materialam sibirskikh kul'tur)* [Worldview bases of attitude towards the deceased according to archaeological and ethnographic data (according to the materials of Siberian cultures)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice], 2014, no. 3(41), part II, pp. 66–68.

7. Zolotnitskii N.I. *Kornevoi chuvashsko-russkii slovar', sravnennyi s yazykami i narechiyami raznykh narodov tyurkskogo, finskogo i drugikh plemen* [Root Chuvash-Russian dictionary, compared with languages and adverbs of different peoples of Turkic, Finnish and other tribes]. Kazan, 1875, 272 p.

8. Ivanov A. *Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyam chuvash prezhnikh vremen i pokhoronnye obychai ikh* [The afterlife is presented by the Chuvashs of former times and their funeral customs]. *Pravoslavnyi blagovestnik*, 1898, no. 2 (19), pp. 129–136.

9. Ivanov N. *Yazycheskie pominoveniya umershikh u chuvash derevni Khodyakovoi Yadrinskogo uezda* [Pagan remembrance of the dead men at the Chuvash village of Khodyakovo of Yadrin County]. *Izvestiya Kazanskoi eparkhii*, 1905, no. 35, pp. 1057–1059.

10. Magnitskii V.K. *Materialy k ob"yasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobrany v nekotorykh mestnostyakh Kazanskoi gubernii* [Materials for explanation of the old Chuvash faith: Collected in some areas of the Kazan province]. Kazan, 1881, 266 p.

11. Mesarosh D. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary, 2000, 360 p.

12. Molotova T.L. *Kontseptsiya «kartiny mira» u mariitsev (analiz traditsionnykh vzglyadov na rozhdenie i smert')* [The concept of a «picture of the world» of Mari (analysis of traditional views on birth and death)]. In: Korostelev A.D., ed. *Rasy i narody: sovremennye etnicheskie i rasovye problem* [Races and peoples: contemporary ethnic and racial problems]. Moscow, 2004, iss. 29, pp. 34–61.

13. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 31. List 52* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 31. P. 52].

14. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 326. List 73* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 326. P. 73].

15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 21. List 22* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 21. P. 22].

16. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 243. List 66–67* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 243. P. 66–67].

17. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 247. List 248* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 247. P. 248].

18. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 326. List 79–80* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 326. P. 79–80].

19. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 358. List 137* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 358. P. 137].

20. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 243. List 734* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 243. P. 734].

21. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 21. List 514* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 21. P. 514].

22. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 151. List 124* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 151. P. 124].

23. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 218. List 108* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 218. P. 108].

24. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 243. List 616* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 243. P. 616].

25. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinisa khraneniya 231. List 357* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing unite 231. P. 357].

26. Nikanor, arkhiepiskop. *Ostatki yazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u Chuvash* [Remnants of pagan rites and religious beliefs of Chuvashs]. Kazan, 1910. 39 p.

27. Nikiforov F.N. *Styukhinskie chuvashi* [Stuhinsk Chuvashs]. Kazan, 1905, 26 p.

28. Nikolaev V.V., Ivanov-Orkov G.N., Ivanov V.P. *Chuvashskii kostyum ot drevnosti do sovremennosti* [Chuvash costume from antiquity to modernity]. Moscow, Cheboksary, Orenburg, 2002, 400 p.

29. Field materials of the author. 2014. Republic of Tatarstan. Almetevskij district, Klementeikino village, Mikhailova S.S. (1927 year of birth).

30. Field materials of the author. 2014. Samara region, Shentalinskij district, Staroe Afonkino village, Etrivanova O.T. (1932 year of birth), Rybakova O.V. (1949 year of birth).

31. Field materials of the author. 2014. Samara region, Pokhvistnevskij district, Staroe Gankino village, Elina V.N. (1959 year of birth).

32. Prokop'ev K.P. *Pokhorony i pominki u chuvash* [Funeral and commemoration of the Chuvashs]. In: *Izvestiya Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom*

universitete [Proc. of the Society of archaeology, history and ethnography of the Kazan Imperial University]. Kazan, 1903, vol. XIX, iss. 5–6. pp. 215–250.

33. Rudenko S.I. *Chuvashskie nadgrobnye pamyatniki* [Chuvash tombstones]. In: *Materialy po etnografii Rossii* [Materials on ethnography of Russia]. St. Petersburg, 1910, vol. 1, pp. 81–88.

34. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashei* [The system of religion of the Chuvashs]. St. Petersburg, 2007, 654 p.

35. Smelov V.Ya. *Something about Chuvash pagan beliefs and customs* [Something about Chuvash pagan beliefs and customs]. *Izvestiya Kazanskoi eparkhii*, 1880, no. 20, pp. 528–543.

36. Tolstaya S.M. *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury. Ocherki po slavyanskoi etnolingvistike* [Semantic categories of culture language. Essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow, 2010, 368 p.

37. Fuks A.A. *Zapiski o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoi gubernii* [Notes on Chuvashs and Cheremises of Kazan province]. Kazan, 1840, 329 p.

38. *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: ethnographic handbook]. Cheboksary, 2018, 591 p.

IGOR G. PETROV – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnography Department, R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies, Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia, Ufa (ipetrov62@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8664-3004).

Формат цитирования: *Петров И.Г.* Одежда покойника в контексте похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 86–99. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-86-99.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-100-107

УДК 93/94
ББК 63.3(2)622-2

А.В. ПОХИЛЮК, Д.В. ШУВАЛОВ, М.А. ШУВАЛОВА

ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ПЕРЕОРИЕНТИРОВАНИЯ НЕВОЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ СССР НА ВЫПУСК ВОЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, предприятия и организации, техника, имущество, материальные средства.*

С первых дней боевых действий в Великой Отечественной войне вся деятельность советских войск требовала обеспечения и дальнейшего применения большого количества материальных средств: техники, оружия, боеприпасов, продовольствия и др. В условиях острой нехватки имущества для нужд обороны многие предприятия страны стали перестраиваться на выпуск продукции военного назначения, тем самым всесторонне обеспечив оборонительные мероприятия в начальный период войны, а в дальнейшем – и успешное наступление советских войск. В статье проводится исторический анализ привлечения и переориентирования невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции в годы Великой Отечественной войны. Приводятся многочисленные примеры переориентации гражданских предприятий на производство оружия, боеприпасов, техники, продуктов, медицинских препаратов. Особый акцент при этом делается на перестройке тяжелой промышленности как основного поставщика военной техники. Рассматриваются и анализируются условия, при которых была налажена эффективная организация массового поточного производства, заключающаяся в последовательном совершении операций, не требующих от работника высокой квалификации, но при этом сокращающих время производства самого изделия за счет фрагментации процессов. Подчеркивается тот факт, что переориентация советских невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции прошла в крайне сжатые сроки, что в принципе не отразилось на увеличении количества изготавливаемой продукции. Формулируется вывод о том, что организация массового производства вооружения на невоенных предприятиях страны достигалась путем модернизации оборудования, применения новых методов производства, совершенствования технологических графиков, тесного взаимодействия предприятий и другими мерами. Подчеркивается, что исторический опыт убедительно доказывает, что военное положение государства, как правило, затрагивает не только военные предприятия и организации государства, но и гражданские. Авторами акцентируется внимание на совершении героического трудового подвига гражданским населением в тяжелейшие для страны годы. Актуализируется необходимость дальнейшего изучения рассматриваемого вопроса, в том числе с целью патриотического воспитания подрастающего поколения.

Несмотря на достаточно обширное и глубокое изучение истории развития военной промышленности в годы Великой Отечественной войны, анализ привлечения и переориентирования невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции в рассматриваемый период является крайне важным аспектом в изучении составляющих Победы советского народа над немецко-фашистскими захватчиками. При этом необходимо отметить, что рассматриваемый вопрос имеет крайне важное значение не только с позиции поиска исторической истины, но и с позиции патриотического воспитания подрастающего поколения.

Изучение героического трудового подвига гражданского населения в тяжелейшие для страны годы является хорошим примером для российских граждан. Невозможно не согласиться с В.В. Путиным, утверждающим, что:

«… В характере у народов России – исполнять свой долг, не жалеть себя, если того требуют обстоятельства. Самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству – эти ценности и сегодня являются для российского общества фундаментальными, стержневыми» [5].

22 июня 1941 г. немецко-фашистские захватчики внезапно и вероломно напали на Советский Союз. Внезапность достигалась тем, что Вооружённые Силы СССР, а также военная экономика государства не в полной мере были готовы к отражению столь стремительной агрессии. Это привело к тому, что потребность в материальных средствах военного назначения, а именно в военном имуществе, продовольствии, медицинском имуществе, обмундировании и военной техники, резко возросли. Вместе с тем возможности предприятий оборонного значения, которые к 22 июня 1941 г. и так недостаточно покрывали потребности Вооружённых Сил, вследствие активного воздействия противника резко упали. Более того, объектами особого внимания противника были склады длительного хранения, на которых хранились материальные средства для нужд развёртываемой армии в случае начала боевых действий. Таким образом, в 1941 г. возникла, с одной стороны, острая нехватка в материальных средствах военного назначения для действующих войск и, с другой стороны, практически отсутствовали материальные средства для вновь формируемых воинских частей и организаций.

В подтверждение этому необходимо отметить, что, например, на 9-й день формирования укомплектованность 11-й железнодорожной бригады составляла: техническим имуществом – от 30 до 50%, автотранспортом – 30%, винтовками – 40% [7]. Сложившаяся ситуация вынудила некоторые воинские части отправлять на фронт с опозданием, не закончив формирование, с не полностью укомплектованными личным составом, материальными средствами и техникой.

Ситуация осложнялась прогрессивным наступлением врага и захватом территорий с расположенными на них предприятиями оборонного значения. В срочном порядке руководством СССР было принято решение об эвакуации всех предприятий, занимающихся выпуском продукции в интересах Вооружённых Сил, однако эта мера позволила в начальный период войны всего лишь не упасть уровню производства вооружения, военной техники, материальных средств. Естественно, со временем объём продукции, выпускаемой эвакуированными предприятиями, был доведён до требуемого. Однако существенно повысить обеспечение материальными средствами, имуществом и военной техникой позволил ряд других мер, в числе которых и переориентирование производства, переход профильных и непрофильных предприятий страны на выпуск продукции оборонного значения.

Великая Отечественная война застала советскую военную промышленность в процессе освоения новой техники. Массовый выпуск современной военной техники был организован не в полной мере. Накануне Великой Отечественной войны, когда угроза гитлеровской Германии против СССР стала ощущаться всё больше, советское правительство приняло в качестве предупредительной меры «мобилизационный план» по боеприпасам на вторую половину 1941 г. и на 1942 г., рассчитанный на военную перестройку промышленности на случай войны. Мобилизационный план устанавливал программу производства боеприпасов и определял программу перестройки промышленности, и особенно машиностроения, в случае нападения на СССР. Важно отметить, что росту военного производства способствовала коренная пере-

стройка всей промышленности Советского Союза на потребность мощного и эффективного отпора врагу. Именно изменение технологического производства способствовало эффективному становлению на предприятиях массового поточного производства оружия, боевой техники, боеприпасов.

Первостепенным условием эффективной организации массового поточного производства явилась успешная фрагментация технологического процесса, заключающаяся в последовательном совершении операций, не требующих от работника высокой квалификации, но при этом сокращающих время производства самого изделия. Сложность вышеописанной фрагментации всего процесса заключалась в уже сложившейся на каждом отдельном предприятии планировке цехов, соотношении основных и дополнительных производств, имеющих вспомогательное значение, и, наконец, в системе размещения производственного оборудования [6].

Кардинальное изменение ассортимента производимой продукции являлось основой для перевода промышленности СССР на военные рельсы. Можно смело утверждать, что за время Великой Отечественной войны советская промышленность перетерпела очень серьезные изменения. Так, произошел существенных рост доли тяжелой промышленности с 36% в 1940 г. до 57% в 1942 г. В свою очередь, доля пищевой и легкой промышленности за тот же период уменьшилась с 34% до 20% [2].

Как уже утверждалось выше, тяжелая промышленность, так необходимая в военное время, практически полностью была перестроена на военное производство. Особенно данная тенденция коснулась такой отрасли тяжелой промышленности, как черная металлургия. В кратчайшие сроки был освоен выпуск трудоемкой и высоколегированной стали для производства инновационной для того времени военной техники.

Важно отметить, что переориентация машиностроения на военное производство происходила за счет существенного лимитированного производства гражданских машин. Например, сталелитейное и чугунолитейное производство было полностью переориентировано на производство корпусов мин и снарядов; производство тракторов переориентировано на выпуск танков, производство мотоциклов полностью перестроено на изготовление стрелкового оружия. Также была полностью переориентирована специализация заводов и других производственных коопераций предприятий по линии поставки необходимых полуфабрикатов, литья, металлических заготовок для изготовления как стандартных прокатов, так и деталей механизмов.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что производство военной техники оказало существенное влияние на последующее развитие послевоенной промышленной техники. Ярким примером является появление абсолютно новой отрасли в электромашиностроении – радиолокации, которая позволила с помощью радиоволн обнаруживать и измерять координаты, определять различные объекты на больших расстояниях. Впервые радиолокация нашла свое применение в авиационной промышленности. Создание новейшей для рассматриваемого периода реактивной техники, которая была рассчитана на огромную силу взрыва и гиперскорость, началось с наращивания темпов по производству вооружения и боеприпасов. Активное и объемное по своим масштабам производство танков способствовало совершенствованию литейного дела и металлургии в целом.

Раскрывая аналогичные факты в начале Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что, например, Уральский завод тяжёлого машино-

строения с 15 июля 1933 г. специализировался на выпуске экскаваторов, дробилок, доменного и сталеплавильного оборудования, блюмингов, прокатных станов, гидравлических прессов и другой продукции. С началом агрессии немецко-фашистских захватчиков предприятие было перенацелено на выпуск продукции оборонного назначения. Таким образом, за весь период войны на этом заводе было произведено более 19 тыс. бронекорпусов, 30 тыс. орудий, около 6 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок.

В 1946 г. Уральским заводом тяжёлого машиностроения была выпущена последняя самоходная артиллерийская установка, именно эта боевая машина 8 июля 1946 г. на территории завода была установлена на постамент в честь трудового подвига работников завода в годы Великой Отечественной войны. Важно подчеркнуть, что после окончания войны Уралмаш прекратил выпуск военной продукции и в 1947 г. перешёл к серийному производству карьерных экскаваторов, положившему начало созданию тяжелого экскаваторостроения в нашей стране [4].

Не вызывает сомнения тот факт, что благодаря эффективной организации производства и продвижению научно-технических достижений была оперативно создана серийная военная промышленность. Переориентация гражданской промышленности являлась вынужденной. В рассматриваемый период 37 предприятий черной металлургии полностью были переведены на военные рельсы. Именно благодаря этому номенклатура элементов производимых боеприпасов увеличилась более чем в три раза и состояла из 112 наименований выпускаемой продукции [1]. Переориентация производства сопровождалась многочисленными проблемами, в том числе организационными и техническими. Некоторые производственные площадки требовалось строить буквально с нуля, а оборудование забирать из ремонтно-механических цехов в ущерб сервису металлургических агрегатов. Кроме того, без особых промедлений удавалось совершенствовать и ускорять многие технологические процессы, иногда за счет упрощения чертежей изделий. Была организована эффективная поточная система производства, способствующая существенному уменьшению временных затрат на обработку элементов боеприпасов.

Ещё одним примером перехода на выпуск продукции военного назначения в годы Великой Отечественной войны является функционирование Волгоградского тракторного завода. До 1941 г. завод занимался выпуском гусеничных тракторов АСХТЗ-НАТИ (СТЗ-3), а также транспортного трактора СТЗ-5-НАТИ. В годы войны завод был переориентирован на выпуск и ремонт танков Т-34-76, а также танковых двигателей и артиллерийских тягачей СТЗ-5-НАТИ. При этом Волгоградский тракторный завод оставался одним из основных поставщиков военной техники на фронт в условиях отсутствия взаимодействия с другими предприятиями и поставщиками. Ввиду этого на заводе был освоен самостоятельный выпуск всех комплектующих для выпускаемой продукции. После окончания войны, так же как и на Уральском заводе тяжёлого машиностроения, на Волгоградском тракторном заводе был осуществлён переход на выпуск продукции мирного назначения, а именно – трактора ДТ-54.

Актуальным в данном контексте является пример перестройки Владимирского грамзавода, на котором был организован серийный выпуск патефонов марки ПТ-3 и иголок к ним. С 1940 г. на вышеупомянутом заводе, который с 1939 г. назывался Государственным союзным заводом № 260, вся производственная мощь была переориентирована на военные нужды, а именно на производство взрывателей для авиабомб, артиллерийских и реактивных

снарядов, мин. Вплоть до окончания Великой Отечественной войны на этом заводе велось массовое производство вышеупомянутых боеприпасов. Примечательно, что в настоящее время завод входит в состав Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» [3].

Необходимо отметить, что в начале Великой Отечественной войны возникла нехватка не только в танках, автомобилях, самолётах. Потребность в продуктах фронту также была высока. Так, например, на фабрике «Красный Октябрь» уже спустя месяц после начала войны карамельный цех перешёл на выпуск продовольствия для войск. Московский хлебозавод № 11 освоил выпуск макаронных изделий, различного вида сухарей и пряников.

Московский ликероводочный завод (ныне «Кристалл») был переориентирован на выпуск бутылок с горючей смесью. На фабрике имени Бабаева уже осенью 1941 г. был налажен выпуск пищевых концентратов в брикетах с различными видами каш (пшенной, гречневой, рисовой).

На мощностях Московского завода № 37 имени Орджоникидзе уже к зиме 1941 г. был организован ремонт автомобилей, а позже – и ремонт танков. Одновременно на заводе производился ремонт дизельных двигателей, а также выпускались запчасти к военной технике.

Таким образом, уже в начальный период войны предприятия невоенных отраслей и гражданские учреждения стали перестраиваться на военный лад. Комбинат «Трехгорная мануфактура», фабрика «Красная роза» и другие предприятия Москвы стали выпускать ткани различного назначения для фронта, а швейные предприятия города шили обмундирование. Заказы на армейскую обувь получили фабрика «Парижская Коммуна» и другие предприятия.

Прежде чем в подтверждение этому привести несколько примеров, необходимо привести любопытный факт. Михаил Поморцев, считающийся изобретателем кирзы, с началом Первой мировой войны предложил безвозмездно использовать свои изобретения, а именно заменители кожи для изготовления армейской обуви. Важно отметить, что именно в этот период в войсках ощущалась острая нехватка сапог. В связи с этим поставки в войска обуви были не регулярны, а поставляемая обувь представляла собой образцы, изготовленные из самого различного материала, включая лапти! Предложение М.М. Поморцева уже в то время явился ярким примером возможности переориентирования потенциала гражданской промышленности в интересах нужд Вооружённых Сил с началом боевых действий.

Важно подчеркнуть, что только производством боеприпасов в СССР было занято 279 предприятий. Этими предприятиями выпускалось более 200 наименований элементов боеприпасов. В производстве были задействованы местная промышленность, промысловая кооперация, коммунальное хозяйство, министерство просвещения, министерство социального обеспечения.

Таким образом, необходимо отметить, что принятые в 1941 г. руководством СССР меры по переориентированию невоенных организаций на выпуск продукции оборонного значения оказались достаточно эффективными. Важно подчеркнуть, что выпуск продукции военного назначения предприятиями СССР вёлся для оснащения и обеспечения не только сил, непосредственно принимающих участие в боевых действиях. Например, в 1945 г. по сравнению с началом 1942 г. оснащение железнодорожных частей различными механизмами увеличилось: по кранам – в 7 раз, по копрам – в 8, передвижным электростанциям – в 11, лесорамам – в 5, компрессорам – в 4 раза, что отражено на рисунке.

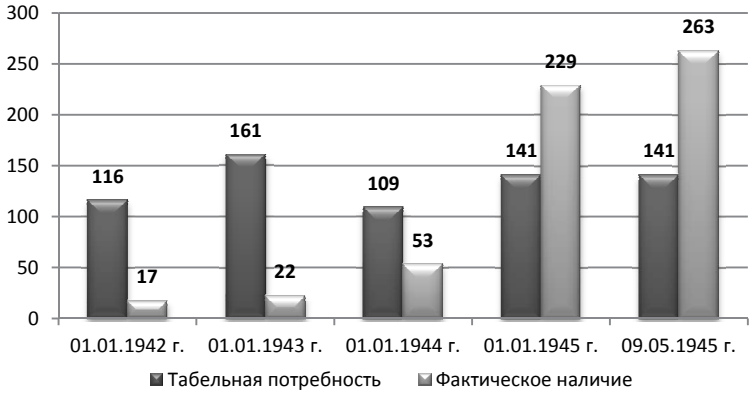

Диаграмма роста технической вооружённости Железнодорожных войск
за годы Великой Отечественной войны (на примере лесорам и шпалорезок, шт.)

При этом важно, что рост технической вооружённости Железнодорожных войск был достигнут и, в том числе, за счёт собственного производства ими машин и механизмов.

В целом организация массового производства вооружения на невоенных предприятиях страны достигалась путем модернизации оборудования, применения новых методов производства, совершенствования технологических графиков, тесного взаимодействия предприятий и другими мерами. Стоит отметить, что, несмотря на чрезвычайные трудности, с которыми столкнулись советские специалисты в годы Великой Отечественной войны, были достигнуты существенные успехи не только в области технических решений, рационализаторской деятельности, о чем уже упоминалось выше, но и в области импортозамещения.

Кроме того, важно отметить, что переориентация советских невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции прошла в крайне сжатые сроки. Так, уже к ноябрю 1942 г. удалось устранить вражеское преимущество в базовых видах вооружения и военной техники. Безусловно, героизм тружеников тыла, в том числе тружеников военной промышленности, сыграл наиважнейшую роль в победе над гитлеровскими войсками. Благодаря этому в кратчайшие сроки удалось освоить серийный выпуск необходимой боевой техники, оружия и имущества для отпора вражеской агрессии.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее.

1. Исторический опыт убедительно доказывает, что военное положение государства, как правило, затрагивает не только военные предприятия и организации государства, но и гражданские.

2. Уроки, выводы, а также опыт прошедших войн необходимо постоянно и полноценно анализировать, изучать и учитывать во всех аспектах деятельности государства, а не только в военном.

3. Полноценно и наиболее эффективно мероприятия оборонительного характера государства возможно планировать и проводить только с учётом возможностей невоенных организаций по переориентированию их на выпуск продукции для нужд Вооружённых Сил.

4. Организация совместного производства продукции для Вооружённых Сил военных организаций и предприятий и невоенных организаций и пред-

приятий с началом Великой Отечественной войны позволила добиться особенного, синергетического эффекта, т.е. в сжатые сроки достигнуть требуемого уровня выпускаемой продукции.

5. Проведённый исторический анализ привлечения и переориентирования невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции в годы Великой Отечественной войны позволяет по-новому взглянуть на возможности организаций и предприятий Российской Федерации различных форм собственности, их взаимодействие по выпуску продукции для нужд Вооружённых Сил с началом боевых действий.

Литература

1. *Быстрова И.В.* Перестройка промышленности в СССР в 1941–1945 гг.: опыт военной мобилизации // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 1(10). С. 78–95.

2. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. 192 с.

3. История АО «Владимирского производственного объединения «Точмаш» [Электронный ресурс] // АО «Владимирское производственное объединение «Точмаш»: сайт. URL: http://www.vpotochmash.ru/about/history.

4. История Уралмашзавода [Электронный ресурс] // Уральский завод тяжёлого машиностроения: сайт. URL: https://uralmash-kartex.ru/uralmashzavod.

5. *Путин В.В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Рос. газ. Фед. выпуск. 2020. № 133(8187), 19 июня.

6. *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М.: РОССПЭН, 1996. 333 с.

7. Центральный архив Министерства обороны. Ф. Упр. Ж.-д. войск, Оп. 552593с. Д. 153. Л. 1–31.

ПОХИЛЮК АНАТОЛИЙ ВИКТОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин (viktorovich_1948@mail.ru).

ШУВАЛОВ ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ – подполковник, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры Железнодорожных войск, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Россия, Санкт-Петербург (deonis.aphinsky@yandex.ru).

ШУВАЛОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный институт (Железнодорожных войск и военных сообщений) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, Россия, Санкт-Петербург, Петергоф (masgribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8890-1070).

Anatoly V. POKHILYUK, Denis V. SHUVALOV, Maria A. SHUVALOVA

HISTORICAL ANALYSIS OF ATTRACTING AND REORIENTING NON-MILITARY ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS OF THE USSR TO PRODUCE MILITARY PRODUCTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Key words*: the Great Patriotic war, enterprises and organizations, equipment, property, material resources.*

From the first days of military actions in the Great Patriotic war, all the activities of the Soviet troops required providing and further use of a large number of material resources: equipment, weapons, ammunition, food, etc. In conditions of an acute shortage of property for the defense purposes, many enterprises began to adjust to produce military products, thereby providing comprehensively the defensive measures in the initial period of the war, and later – successful advance of the Soviet troops. The article carries out the historical

analysis of attracting and reorienting non-military enterprises and organizations of the USSR to produce military products during the Great Patriotic war. It gives numerous examples of civilian enterprises reorientation to produce weapons, ammunition, equipment, products, and medicines. Special emphasis is placed on restructuring the heavy industry as the main supplier of military equipment. The article reviews and analyzes the conditions under which efficient mass production was organized, which consists of a sequential performing operations that do not require a high qualification from the workers, but at this reduce the time for the production of an article due to fragmentation of processes. It is emphasized that reorientation of Soviet non-military enterprises and organizations of the USSR to produce military products took place in a very short time, which in principle did not affect the increase in the number of manufactured products. It is concluded that organization of large-scale weapons production at non-military enterprises of the country was achieved by upgrading the equipment, applying new production methods, improving technological schedules, close interaction of enterprises, and other measures. It is emphasized that historical experience convincingly proves that the military situation in a state, as a rule, affects not only military enterprises and organizations of the state, but civil ones as well. The authors put emphasis upon the heroic labor feat performed by the civilian population in the most difficult years for the country. The need for further study of the issue under consideration is actualized, including for the purpose of patriotic education of the younger generation.

References

1. Bystrova I.V. *Perestroika promyshlennosti v SSSR v 1941–1945 gg.: opyt voennoi mobilizatsii* [Perestroika of industry in the USSR in 1941–1945: experience of military mobilization]. *Novye istoricheskie perspektivy: ot Baltiki do Tikhogo okeana*, 2018, no. 1(10), pp. 78–95.

2. Voznesenskii N.A. *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoi voiny* [Military economy of the USSR during the Patriotic war]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947, 192 p.

3. *Istoriya AO «Vladimirskogo proizvodstvennogo ob"edineniya «Tochmash»* [History of the Vladimir production Association «Tochmash»]. Available at: http://www.vpotochmash.ru/about/history.

4. *Istoriya Uralmashzavoda* [History of Uralmashzavod]. Available at: https://uralmash-kartex.ru/uralmashzavod.

5. Putin V.V. *75 let Velikoi Pobedy: obshchaya otvetstvennost' pered istoriei i budushchim* [75 years of the great Victory: shared responsibility to history and the future]. *Rossiiskaya gazeta,* 2020, no. 133(8187), June 19.

6. Simonov N.S. *Voenno-promyshlennyi kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [The military-industrial complex of the USSR in the 1920s – 1950s: the pace of economic growth, structure, organization of production and management]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 333 p.

7. *Tsentral'nyi arkhiv Ministerstva oborony. Fond Upravleniya Zheleznodorozhnykh voisk. Opis' 552593s. Dokument 153. List 1–31* [Central archive of the Ministry of defense. Fund of the railway troops Administration Inventory 552593c. Document 153].

ANATOLY V. POKHILYUK – Doctor of Historical Sciences, Professor of the History Department, Pushkin Leningrad State University, Russia, St. Petersburg, Pushkin (viktorovich_1948@mail.ru).

DENIS V. SHUVALOV – Lieutenant Colonel, Candidate of Technical Sciences, Senior Lecturer, Department of Railway Troops, Military Academy of Logistics Named after General of the army A.V. Khrulev, Russia, St. Petersburg (deonis.aphinsky@yandex.ru).

MARIA A. SHUVALOVA – Senior Lecturer, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Military Institute (Railway Troops and military Communications) Military Academy of Material and Technical Support named after General of the army A.V. Khrulev, Russia, St. Petersburg, Peterhof (masgribanova@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8890-1070).

Формат цитирования: *Похилюк А.В., Шувалов Д.В., Шувалова М.А.* Исторический анализ привлечения и переориентирования невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции в годы Великой Отечественной войны // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 100–107. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-100-107.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-108-125

УДК 39:006.95(=512.111)
ББК Т521(2)(=635.1)-712.1

В.Г. РОДИОНОВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЧУВАШСКОГО КАЛЕНДАРЯ И ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА *КАЛĂМ*

***Ключевые слова**: народный календарь, обрядовый комплекс, культ солнца, духи предков, прототюрки, хронотоп, булгарский именник, христианизация, трансформация.*

Процесс массовой христианизации и использование в канцеляриях местных властей официального языка и юлианского календаря сильно повлияли на традиционный календарь чувашей. Семантической трансформации в первую очередь подвергались те названия, которые обозначали месяцы переходного периода, а также название главного обряда чувашей при весеннем равноденствии – калăм. До массовой христианизации чувашей их календарный год начинался с месяца норăс/нурăс. Данный термин одновременно с понятием о 5-дневной неделе был заимствован из соседнего иранского языка не позднее IV–VIII вв. н.э. До этого периода предки оногуро-булгар первым месяцем года могли назвать со значением «головной месяц [года]», а также иметь, как и все пратюрки, 3-дневную неделю. Последняя хорошо отражена в правилах деления отдельных частей фаз Луны оногуро-булгарского календаря, а также в 9-дневном делении фаз Луны в календарях чувашского, тувинского и некоторых других тюркских народов. Число 9 выражает главную идею гармонического единства трех сил мироздания: Неба (Солнца), Человека из срединного мира и Земли, в которой находятся останки его предков. Хронотоп обрядового комплекса калăм отражает универсальную идею «умирающей» и «воскрешающей» природы. Комплекс сложился на основе древнего культа Солнца у прототюрков, которые связывали год (в значении «теплый сезон») лишь с летним солнцем. С развитием скотоводства и возникновением понятия о двухсезонном (лето и зима) календарном годе изменилось и представление о его начале. Чуваши, как и другие тюркские народы, распределяли месяцы на две группы: летние и зимние. В дальнейшем древние тюрки стали означать переходные периоды от одного сезона к другому. Лето и зиму древние тюрки представляли как время «рождения и смерти» тепла и мороза. Обряд сĕрен, который первоначально символизировал угощение и проводы духов предков, постепенно преобразился в земледельческий праздник акатуй (сĕрен) и сабантуй «свадьба плуга».

Чтобы глубже понять и целостнее представить систему сезонных обрядов, необходимо изучить народный календарь и историю возникновения и эволюции ее главных обрядовых комплексов. Из всех четырех сезонов календарного года наиболее значимой следует считать весну, которая у многих народов мира одновременно считалось началом не только нового (теплого) сезона, но и активизации производственно-хозяйственной деятельности скотовода и земледельца, наступлением времени подготовки к очередному суровому холодному сезону. Целью данной статьи является выявление основных исторических этапов эволюции и трансформации оногуро-булгаро-чувашского календаря, а также реконструкция обрядового комплекса периода весеннего равноденствия, совпадающего с наступлением теплого сезона.

Основной материал по вышеизложенной проблеме собран в XVIII–XIX вв., когда в условиях целенаправленного выживания из сакрального быта обрядовых комплексов старой религии и воздействия официально принятого юлианского календаря система представлений о чувашском народном календаре окончательно разрушилась, частично синтезировалась с православным календарем. Все эти трансформационные процессы отразились в первую очередь в сознании информаторов, а потом и в сообщаемых ими вербальных текстах. По этой причине для реконструкции чувашских обрядовых комплек-

сов до Нового времени исследователю приходится критически оценивать каждое сообщение информатора и определять степень его трансформации в условиях новой действительности. В отличие от археологического факта вербальная информация всегда преломляется в сознании этнофора, по этой причине методы стратификации археолога и этнографа совершенно разные.

Времяисчисление и календарь относятся к сакральной части народной духовной культуры, поэтому их тайны чувашские жрецы не раскрывали не только чужестранцу, но и простому соплеменнику. По этой причине в очерке «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов» профессор истории Академии наук Г.Ф. Миллер вынужден был писать следующие строки (материал собран в 1733 г.): «Трудно сказать, такой народ, который бы не имел какого-нибудь годового счисления; но сии народы не знают ничего, когда год начинается, кроме того лету и зиму считая вместе годом называют. Равным же образом не имеют они никакого понятия о месяцах <…>» [25. С. 108].

Сообщение о начале нового календарного года и перечисление чувашских названий месяцев имеются в ответах на анкету, составленную Академией наук в 1737 г. Следует заметить, что в качестве информаторов Симбирская провинциальная контора использовала чувашских должностных лиц (сотников), которые на расспросы начальства об особенностях их религии и культуры отвечали весьма уклончиво и осторожно. Именно по этой причине они заявили, что чуваши, как официально принято в России в эпоху Петра I (1700), началом года считают первое января. В такой же анкете, заполненной уже в Самарском уезде, сказано, что «чуваша году счисления имеют более от весны до предбудущей весны». В.Д. Димитриев считал, что ответы на вопросы более объективны в последней анкете, чем в первой [4. С. 273].

В симбирской анкете ряд месяцев открывает, как и следовало ожидать, январь (орфография оригинала): «1. *раштав* – генварь, 2. *кирлач* – февраль, 3. *норс* – март, 4. *пош* – апрель, 5. *ага ойх* – май, 6. *сю ойх* – июнь, 7. *сюм ой(х)* – июль, 8. *уда ойх* – август, 9. *сюрла ойх* – сентябрь, 10. *авын ойх* – октябрь, 11. *юба ойх* – ноябрь, 12. *чюк ойх* – декабрь» [4. С. 280].

Хотя в 30-е гг. XVIII в. христианизация чувашей еще не набрала обороты (она массово проходила в следующем десятилетии), в перечисленных выше наименованиях два из них имеют явно русские основы: *раштав* (< рождество) и *авăн* (< овин). Первое название «втиснулось» в начало списка, скорее всего, как результат внедрения в эпоху Петра I гражданского юлианского календаря, а второе – как использование новой формы сушки хлеба [25. С. 203]. Семантика дохристианских названий месяцев в те годы еще не подверглась серьезному смещению, как оно происходило в последующем XIX в. Но сообщение П.С. Палласа, сделанное на основе собранного им в 1768 г. материала (среди закамских чувашей), уже не совпадает с данными 1730-х гг. У него *чугуих* (*чӳк уйăхĕ*) расположен «почти в сентябре месяце», «по окончании жатвы, перед озимым севом», только за ним следует *юпа уйăхĕ* (ноябрь). Восьмого ноября «не токмо приносят у могилы жертву, но в головах у покойного ставят деревянные столбы» [25. С. 160]. *Юпа* «намогильные столбы» ставили, как известно, лишь в период смены сезонов: весной (в *çу уйăхĕ*) и осенью (в *юпа уйăхĕ*) [17. С. 166].

Записи И.И. Лепехина, внесенные в дневник среди тех же закамских чувашей и почти в том же году (1768, 1769), несколько поправляют сообщение П.С. Палласа. «Сие их общее богомолье бывает во время недорода хлеба прошением, также в изобильные годы в знак благодарности, – пишет ученый, – когда уберутся хлебом в ноябре месяце (который они *цюгуй* называют), во время

засухи, мокроты и поветрия» [25. С. 213]. Следовательно, *чӳк уйăхĕ* «месяц жертвоприношения в честь нового урожая» проводился не «почти в сентябре месяце», а, как утверждает И.И. Лепехин, в ноябре, когда наступал настоящий холодный сезон. До этого сезона (на убывающей луне), по представлению чувашей, открывалось вертикальное пространство (*тĕнче хуппи* «врата миров») для общения с умершими предками в пограничном пространстве (на кладбище, у речки вблизи погоста). Именно так описал данный обряд чувашский просветитель Е.И. Рожанский в своем очерке «О чувашах» (1785): «В осеннее время, а именно в ноябре, который чуваша называют *чӳк ойăх* – жертвенный месяц, ходят в разные лесные овраги и там всяк по своей силе закалывает быка или барана, и, сварив со своим семейством, [чуваш] ест и пьет пиво, в знак поминания прежде умерших родственников, и при том пиршестве напоминает всяк из них о жизни, поведениях, нравах, обхождениях и прочих качествах умершего, какие кто вспомнить может» [16. С. 127]. Материал собран среди верховых чувашей.

И.И. Георги собирал свой материал о народах Поволжья в 1773 г., по пути путешествия из Астрахани в Казань (в основном среди низовых чувашей). О чувашском календаре он сделал следующее заключение: «Зима да лето составляет их год, начинающийся с нашим ноябрем месяцем. Годов они по порядку не числят, а месяцы (*ойх*) считают. *Чӳк ойх*, жертвенный месяц, есть наш ноябрь и проч.» [25. С. 173]. Далее он называет две даты поминовения умерших: «В октябре же всяк закалывает у могилы своих родственников овцу, корову, бычка, а иногда и лошадь, и сварив там же, едят так, что невеликие бывают остатки, кои кладут на могилу, и ставят при том небольшую меру пива. В четверг на страстной неделе выносит всякий хозяин для каждого из рода своего покойника на двор по небольшому количеству пищи, и для каждого ставит восковую свечу. Собаки, вместо умерших, питаются сим приношением» [25. С. 176]. Первый поминальный обряд – это *юпа ирттерни* «проведение обряда *юпа*», а второй напоминает *çурта кунĕ* «день угощения духов предков» или «день свечи» на *калăм*, в XVIII в. привязанный к православной пасхе. Через одну страницу ученый добавляет: «*Мункун* (великий день) есть среда на страстной неделе. В сей день приносит всякий у себя в доме жертву, состоящую в птицах и пирогах, причем один другого посещает и проч[ее]» [25. С. 177–178]. Сведениями И.И. Георги о чувашском календаре в 1783 г. пользовался К. Милькович в своем замечательном очерке «Быт и верования чувашей Симбирской губернии», местами даже прямо списал [11. С. 38–39, 41]. У обоих вместо *калăм* встречается калькированное с русского языка *мункун* «великодень», т.е. пасха (об этом подробнее написано ниже).

Итак, обзор этнографической литературы XVIII в. о чувашских календарных обрядах позволяет нам сделать некоторые обобщения. *Во-первых*, Миллер был не прав, когда утверждал, что чуваши не имеют никакого понятия о месяцах и летосчислении. В XVIII в. во всех этнографических группах были зафиксированы одни и те же названия месяцев. *Во-вторых*, процесс массовой христианизации и использование в волостной, уездной и губернской канцеляриях только русского языка и юлианского календаря сильно повлияли на традиционный календарь чувашей. Семантической трансформации в первую очередь подвергались те названия, которые обозначали месяцы переходного периода (*юпа, чӳк, нурăс, пушă*), а также название главного обряда чувашей при весеннем равноденствии – *калăм* (появился равнозначный ему новый термин: *чăваш мункунĕ*). При синхронизации календарей к путанице приводил прежде всего год с дополнительным месяцем, который постоянно чере-

довался с двумя 12-месячными годами [5. С. 6–8]. *В-третьих*, в литературе обозначен два начала года: весной (*нурăс*) и осенью (*чӳк*), а также две даты встречи с усопшими предками на границе миров живых и умерших (*юпа* и *çу / çăв* ↦ *çимĕк* [17. С. 215–216]). При этом второй обрядовый комплекс в результате христианизации быта неофитов был привязан к троице (*çимĕк*). Его, как и *калăм*, проводили раньше вышеназванных православных обрядов. Данный факт указывает на их былые даты проведения: весеннее равноденствие и летнее солнцестояние. *В-четвертых*, до массовой христианизации чувашей их календарный год действительно начинался с весны, с «месяца оттепели», который более или менее лучше сохранился, в чем убеждает фактический материал XIX в., среди верховых чувашей. И еще. Данный месяц март первоначально во всех диалектах имел название *норăс/нурăс.*

В начале 1830-х гг. В.П. Вишневский зафиксировал следующие месяцы чувашского календаря (названия месяцев составителем словаря распределены по буквам, «ʻ» – ударения слов, выделенные автором): *мунъ-кырлаʻчь* (генварь), *кизинь-кырлаʻчь* «февраль», *ноʻрусъ-оинхъ* (в название пробралась корректурная ошибка) «март», *поʻжа-оʻихъ* (*поʻжа* «простый, незанятый») «апрель», *аггаʻ-оʻихъ* «май, месяц сеяния», *сю-оʻихъ* «июль» (пробралась корректурная ошибка, следует читать «июнь»), *хиʻрь-оʻихъ* и *уда-оʻихъ* (очевидно, варианты) «июль», *сіорла-оʻихъ* «август», *аʻвынъ-оʻихъ* «октябрь – месяц молотьбы», *іобаʻ-оʻихъ* «ноябрь – месяц поминовения» (ср.: *іобаʻ-тувaʻсъ* «поминать усопших»), чукъ-оʻихъ «декабрь месяц» [3. С. 73–156]. В словарь не включен месяц сентябрь, который, скорее всего, имел название, как и у А.А. Фукс, *ьидинъ-оих* (*йĕтĕн ойăх* «месяц льна»). Материал В.П. Вишневского собран главным образом среди верховых чувашей (ученый родился и вырос в с. Сугут-Торбиково, которое ныне входит в Вурнарский район ЧР).

А.А. Фукс и В.А. Сбоев собирали исследовательский материал среди средненизовых чувашей в 30–40-е гг. XIX в. Они сообщали, что чуваши новый год начинают с наступления зимы и разделяют на следующие 13 месяцев: 1) *йопа ойăх* «месяц поминовения», ноябрь; 2) *чӳк ойăх* «месяц жертвы», декабрь; 3) *мăн кăрлач ойăх* «большой крутой месяц» (сильно морозная часть декабря и января); 4) *кĕçĕн кăрлач ойăх* «менее крутой месяц», часть января и февраля; 5) *норăс ойăх* «месяц оттепели», февраль и часть марта; 6) *пошă ойăх «*порожний месяц» (от тяжелой работы), март; 7) *ака ойăх* «месяц пашни (для ярового хлеба)», апрель, часть мая; 8) *çу ойăх* «месяц лета», июнь; 9) *хĕр ойăх* «месяц свадеб», июнь и часть июля; 10) *утă ойăх* «месяц сенокоса», июль; 11) *çорла ойăх* «месяц серпа», июль и часть августа; 12) *йĕтĕн ойăх* «месяц льна», сентябрь; 13) *авăн ойăх* «месяц молотьбы», октябрь [1. С. 179]. В.А. Сбоев уточнил сообщение А.А. Фукс: год чувашский начинался с 15 ноября с месяца *йопа ойăх*, а слово *норăс* является древнеперсидским заимствованием и означает новый год, который начинался 9 марта (по новому стилю 22 марта). При этом он заметил, что *хĕр ойăх* является лишь одним из вариантов (*утă ойăх*) названия июля [18. С. 38].

Н.И. Золотницкий тоже пользовался материалом, собранным среди средненизовых чувашей. Ученый начинал чувашский календарь с марта (*норăс ойăх*), а в рамки конца июня и всего июля разместил целых три месяца (*çĕртме ойăх* «паровой месяц», *хĕр ойăх* «месяц невест, свадеб» и *утă ойăх* «месяц сенокоса»), что, несомненно, являются вариантами названий. В составе осенних месяцев он привел другой вариант месяца *йĕтĕн* (*итем ойăх* «месяц молотьбы»), а зимние месяцы начинал с рождественского месяца (*раштав*

ойăх). «*Раштав ойăх* “рождественский месяц” – от русского слова *Рождество* – заключает в себе половину декабря и часть января, – дает происхождение нового названия месяца и завершает статью такими примечаниями: – Но в иных местностях *хĕр ойăх* и *утă ойăх* считаются за один, или *итем ойăх* пропускается, или же зимние начинаются с *чӳк ойăх*, а последующие три сливаются в два – *аслă раштав* и *кĕçĕн раштав*» [7. С. 233–234]. Данный измененный чувашский календарь Н.И. Золотницкий наложил на православный 12-месяцный год, начиная его с 1 января (*мăн кăрлач*). И.Я. Яковлев убрал слова *мăн* и *кĕçĕн* и вместо двух месяцев оставил лишь один *кăрлач* со значением «январь», в результате *нурăс* (у него мишарский вариант: *нарăс*) передвинулся с марта на февраль. В итоге многие месяцы потеряли свои первоначальные значения. Такой ненаучный подход к чувашскому календарю до настоящего времени создает ряд трудностей практического порядка.

Итак, А.А. Фукс и В.А. Сбоев начинали чувашский календарный новый год с ноября месяца, а Н.И. Золотницкий, как и в анкете Самарского уезда, считал первым месяцем чувашского календаря месяц *нурăс* «март». В дальнейшем последняя гипотеза была поддержана многими учеными [5. С. 11–13].

О причине возникновения начала календарного года осенью можно выдвинуть две версии. Первая объясняется просто: новый год средненизовых чувашей переместился на осень под воздействием допетровского гражданского календаря (в России до XVIII в. новый год начинали с сентября месяца). Вторая, наиболее правдоподобная версия, уводит нас в глубокую древность. Анализ терминов календаря тюркских народов показывает, что у прототюрков первоначально бытовало бинарное выделение двух сезонов астрономического года − лета и зимы (об этом подробнее см.: [5. С. 107–109]). Тюркские слова, означающие такие понятия, как «лето», «тепло», «зелень», «молодость», в своих основах имеют праоснову *ja* (<*n’a*) «солнце», «тепло», а слова противоположного понятия («зима», «снег», «старость» и т.п.) – корень *q’a* – холод. В позднепрототюркский период у прабулгарских племен утверждается понятие астрономического года. Оно сложилось в условиях интенсивного диалога с китайской культурой, через огуро-булгар проникло к остальным тюркским племенам. Такое предположение частично подтверждается как фонетическими особенностями общетюркского *йыл* «год» (от прабулгарского **йал* вместо стандартно-тюркского **йаш*), так и ранними историческими сообщениями. Главным доказательством такого предположения является факт реального существования 60-ричного календаря оногуро-булгар, который они впервые привнесли на Балканы к концу первого тысячелетия нашей эры [14. С. 89–106]. Календарь с 12-ричным животным циклом в прошлом бытовал и у чувашей [5]. (Об этих двух тюркских календарях подробнее написано несколько ниже.)

Первоначально ранние прототюрки связывали год (в значении «теплый сезон»), скорее всего, лишь с летним солнцем (*n’a*). С развитием скотоводства и возникновением понятия о двухсезонном (лето и зима) астрономическом годе, вероятно, изменилось и представление о начале года. Оно было тесно связано с хозяйственной деятельностью человека: изменение его характера, типа хозяйства, несомненно, способствовало изменению понятия о начале года. Чувашские и общетюркские термины времен года позволяют полагать, что весна входила в состав теплого сезона, а осень – холодного. Не случайно чуваши, как и другие тюркские народы, распределяли месяцы на две группы: летние и зимние. В дальнейшем древние тюрки стали означать переходные периоды от одного сезона к другому (*йаз, çур* «весна» и *кӳз, кĕр*

«осень»). Началом года первоначально считалось, скорее всего, наступление теплого сезона (лета), хотя, по представлению древних людей, смерть человека и природы была лишь формой продолжения жизни. В связи с этим они считали похороны или наступление зимы началом другой, измененной формой жизни предков и природы. Зиму древние тюрки представляли как время «рождения и смерти» мороза. Если это действительно так, то А.А. Фукс и В.А. Сбоев лишь подтвердили предположение ряда ученых XVIII в. о том, что чувашский год (холодный сезон) начинается с ноября [25. С. 173].

Начало теплого сезона у тюрков-скотоводов совпадал, как правило, с периодом появления весенней травы и пастбищ, а начало холодного сезона – с выпадением снега и возвращением домашнего скота в зимние стойбища. Такое деление года у сибирских тюрков сохранилось вплоть XX в. [26. С. 154–165]. Следует полагать, что представление о начале летнего скотоводческого сезона у чувашей сохранилось в весенне-летнем обрядовом комплексе *çимĕк* (<*çу/çăв*), другой вариант названия: *çăвăлçă*, *çулçă уявĕ* «праздник [зеленых] листьев»). Как известно, в период наступления зимы, т.е. поздней осенью, некрещеные (настоящие) чуваши (*çăв-чăваш*) проводили обряд *юпа*: ставили на могилы усопших столбы (камни), символизирующие вертикальное пространство (место вертикального перемещения души умершего). Подобные намогильные столбы (или камни) устанавливались и в *çимĕк*, но только в том случае, если человек умирал после осеннего поминального обряда *юпа*. В связи с этим особый интерес представляет сообщение ал-Гарнати (XII в.) о волжских булгарах: «Усиливается там мороз до того, что когда умрет у кого-нибудь кто-то, то они не могут его похоронить шесть месяцев, потому что земля становится как железо и невозможно в ней копать могилу» [24. С. 264]. Далее арабский путешественник пишет, что его сын скончался в конце зимы и его не хоронили целых три месяца. Очевидно, похороны сына ал-Гарнати состоялись в период перехода от весны к лету. Такая древняя кочевническая традиция сохранилась у ранних волжских булгар, очевидно, как анахронизм, она использовалась, следует полагать, лишь применительно к чужеземцам. Сами они хоронили умерших соотечественников, скорее всего, в тот же день (так было у чувашей до их массового крещения), но большие поминки устраивали, следуя древней традиции: только в период смены сезонов, т.е. перед началом летнего (в месяце *çу*) или же зимнего (в месяце *юпа)* сезонов.

Похороны умерших неестественной, внезапной смертью в день семик были широко распространены и в Древней Руси. Для мертвецов строили специальные дома, называемые «убогими». Такой обычай существовал, как сообщают об этом китайские источники, еще у хуннов-тюрков: «Умерших весною и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет опадать; умершего осенью или зимой хоронят тогда, когда цветы начинают развертываться», т.е. на границе зимы и лета [2. С. 230]. Трупы хранились в особых хранилищах, до окончательного погребения тела умерших сжигали вместе с конем и вещами [21. С. 47].

Итак, у древних тюрков теплый сезон начинался весной, т.е. в переходный период от холодного сезона к теплому. Именно здесь должно быть расположено начало нового хозяйственного года скотоводов. Они не только реально синхронизировали свою деятельность с природными ритмами (смена дня и ночи, теплого и холодного сезонов), но и подкрепляли такое согласование обрядовыми действиями. Для членения времени использовались изменения фаз Луны [21. С. 50].

Далее следует дать краткий экскурс в проблематику оногуро-булгарского календаря. Об использовании чувашами календаря с 12-летним животным циклом впервые писал В.Д. Димитриев, который в 1962 г. обнаружил подобный календарь в чувашском с. Шланлы Аургазинского района Башкирской АССР. Он велся с 1852 г. (года Мыши – *Кушак кайăк*) и использовался как оракул [5. С. 9–10]. О булгарском календаре с животным циклом писали многие ученые, в том числе Н.И. Ашмарин и М.Р. Федотов. Пропуская обзор историографии проблемы, который имеется в учебном пособии В.Д. Димитриева [5. С. 6–12], читателя следует более подробно ознакомить с совершенно новой работой, посвященной данной проблеме. В статье «Заметки о языке и культуре дунайских булгар» О.А. Мудрак реконструирует календарь древних булгар (до VII–VIII вв.) и приходит к определенным культурно-историческим выводам [14], некоторые из них необходимо изложить для выявления основных принципов организации чувашского календаря.

Как известно, древние тюрки Восточного тюркского и Уйгурского каганатов пользовались календарем упрощенного, 12-ричного цикла. В именнике дунайских булгар при обозначении годов использован, как доказывает исследователь, полный 60-ричный цикл по древнекитайскому образцу. (В китайском календаре использовались календарные 10-ричные и календарные 12-ричные знаки, из комбинаций которых составлялось четкое обозначение года в 60-ричном цикле.) У среднеазиатских тюрков обнаруживается система названий календарных числительных, связанных с фазами Луны, которая позже перенесена на названия календарных месяцев в «перепутанном порядке», отражающем временную смену фаз Луны, не совпадающую с порядковым номером, присвоенным тюрками [14. С. 99–100].

В булгарском именнике, согласно «с синтаксической конструкцией с обычными атрибутивными Nom + Num. Ord. / Adj. (сравните русские конструкция типа “пять минут шестого”)» [14. С. 101], фактически получается несколько иная система: 1 (2-го) – 2 (3-го), 3 (4-го) – 4 (5-го), 5 (6-го) – 6 (7-го), 7 – 8, 9 – 10 (1-го).

В отличие от среднеазиатского календаря, здесь новолуние и полнолуние разбивают знаки для серпов перед/после новолуния и перед/после полнолуния ровно по середине и занимают 5- и 6-е места. Традиционный восточный календарь при образовании 60-ричного цикла оперирует, как известно, не 10, а 5 знаками. Они обозначают не цифры, а стихии (дерево – огонь – земля – металл – вода) или цвета (синий – красный – желтый – белый – черный). Вода обычно олицетворяет север (зиму, черный цвет), огонь – юг (лето, красный цвет), дерево – восток (весна, синий цвет), металл – запад (осень, белый цвет), земля – центр (все времена года, желтый цвет) [14. С. 102–104]. Так было, как полагает О.А. Мудрак, и в календаре оногуро-булгар, который они впервые привнесли на Балканы в конце первого тысячелетия нашей эры.

Таким календарем (скорее всего, с 60-ричным животным циклом) пользовались, по косвенным упоминаниям Ахмеда Ибн Фадлана, и волжские булгары. «Я видел, – писал побывавший в Волжской Булгарии в 922 г. арабский дипломат, – что они считают очень хорошим предзнаменованием для себя завывание собак, радуются ему и говорят о годе изобилия, благословения и благополучия» [24. С. 170]. В чувашских приметах, гаданиях и предзнаменованиях встречаются почти все животные, по которым определяли особенности будущего года. Подобные тексты хорошо сохранены в фольклоре татарского и башкирского народов [13. С. 12–14]. Но они пользовались, очевид-

но, среднеазиатским календарем с 12-ричным животным циклом, широко распространенным в тюрко-мусульманском мире.

Принцип деления отдельных частей фаз Луны по трем суткам, сохраненный в оногуро-булгарском календаре, хорошо согласуется с самой древней 3-дневной неделей пратюрков. В чувашских названиях фаз Луны имеются как 9-дневное (*малалла уйăх тăххăрĕш* «первая треть прибывающей Луны», *каялла уйăх тăххăрĕш* «последняя треть убывающей луны») и 7-дневное деление (*уйăх çиччĕшĕ* «первая четверть», *уйăх тулни* «вторая четверть», *уйăх катăлни* «третья четверть» и *уйăх каçăхни* «последняя четверть»). Три 3-дневные недели составляли первую и последнюю трети месяца. При этом первую треть считали с начала новолуния (первые 9 дней), а последнюю – с конца месяца (последние 9 дней).

В связи с этим уместно привести фенологический календарь тувинцев, родственного с чувашами тюркского народа [21. С. 52]. В их календаре отсчет ведется с зимнего солнцестояния, после которого начинает прибавляться день. Зимние холодные *девять 9-дневок* – это время «рождения» и «умирания» мороза (с 23 декабря до 13 марта). Летнее время (с 23 июня по 14 сентября) – это время «рождения» и «умирания» жары. Весенний период (14 марта – 22 июня) характеризуется «взрослением» листьев и пением кукушек. Осень (15 сентября – 22 декабря) – это время желтых листьев и «время солнца пожилых людей», которые греются на солнце и прощаются с ним. Таким образом, в тувинском календаре счет ведется девятками дней, которые сгруппированы в четыре температурных цикла, совпадающих с четырьмя сезонами года.

Вышеописанный календарь тувинцев сохранился, следует полагать, с древнейших времен и, быть может, является несколько измененным вариантом календаря древних тюрков и монголов. (Например, связки девяти 9-дневок в древности могли называться по-иному.) 9-дневные фазы Луны чувашского календаря тоже являются наиболее древним способом деления календарного времени. А 7-дневная неделя, как и *уйăх çиччĕшĕ*, утвердилась в чувашской культуре только в последние века. Как известно, *шăматкун* («суббота») и *вырăс эрни кунĕ* («день русской недели», т.е. «воскресенье») имеют русское происхождение [25. С. 227].

До заимствования 7-дневной недели у чувашей была, как доказывает Н.И. Егоров, 5-дневная неделя, которая заимствована из «какого-то неизвестного восточноиранского языка» не позднее IV–VIII вв. н.э. [25. С. 226], но она не смогла проникнуть в имеющий древние корни чувашский народный календарь, основанный на 9-дневных (трех 3-дневных) фазах Луны. Число 9 в основном фигурирует в обрядах жертвоприношения (девять жертвенных котлов, девять ковшей, периодичность проведения больших жертвоприношений через девять лет) и символизирует связь людей с космосом, т.е. вертикальное пространство. Н.И. Егоров считает, что «Значение числа “9” складывается из суммы трех чисел “три”: три яруса среднего мира, три яруса верхнего мира и три яруса нижнего мира» [6. С. 94]. Здесь следует уточнить: число «9» символизировало, как и в китайском календаре, идею гармонического единства трех сил мироздания (Неба, Земли и Человека) [8. С. 31]. Иными словами: сюжет ритуального взаимосоответствия трех миров (богов, живых людей и их умерших предков, как части живой природы) развертывался в подвижном равновесии, а сам процесс такого развертывания символизировал три стадии хозяйственного цикла и три возраста жизни: юность, зрелость и старость [8. С. 27].

Идеей гармонического единства продиктованы и названия чувашского народного календаря: Небу (богам) посвящен отдельный месяц *чӳк* как благодарение за новый урожай; контакты людей с миром их предков отражены в названии месяца *юпа*, а идея сообразности с природой – в названии месяца *çу*; хозяйственная деятельность людей показана в названиях многих месяцев, начиная с *ака уйăхĕ* до *йĕтем (авăн) уйăхĕ*. Чувашский календарь, как и традиционный китайский, «выявлял и вместе с тем обосновывал взаимное соответствие процессов земных, небесных и человеческой деятельности» [8. С. 31], изображал образ вселенской гармонии *çут тĕнче çураçăвĕ* (о чувашской философии *çураçтару* см.: [17. С. 247–264]).

Основные исторические этапы эволюции и трансформации оногуро-булгаро-чувашского календаря наглядно отражены в названиях первого месяца года. О месяце *раштав* мы уже писали: в чувашском календаре он возник не ранее XVIII в. Месяц *нурăс* стал во главе чувашских месяцев, как подсказывает фонетический облик термина, не позднее XIII–XIV вв. (так считает и Н.И. Егоров [6. С. 178]). Слово *нурăс*, этимологически означающее день весеннего нового года, в чувашском языке мог появиться значительно раньше – до VIII в. н.э., когда савиры (гунны) проживали на Северном Кавказе по соседству с ираноязычными племенами, прежде всего с аланами. В «Истории страны Алуанк» М. Каланкатуаци показывает савир как огнепоклонников, почитавших молнию как бога по имени *Куар* (чув. *кăвар* «жар, горячие угли»), а богу Тангри-хану (> чув. *Торă / Турă*) они приносили в жертву коней на священных кострах [24. С. 233, 236]. В своем сообщении о волжских булгарах Ибн Фадлан сообщает о гневе Всевышнего (в чувашской мифологии *Турă* и *Аçа* «гром» – те же близкие, но не слившиеся персонажи), очевидно, о боге молнии: «Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, какой он есть. И они говорят: “Это дом тех, на которых лежит гнев”» [24. С. 172].

Появление в чувашском календаре месяца *кăрлач* («стужа», «студеный») Н.И. Егоров объясняет тоже как татарское заимствование в эпоху возвышения Казанского ханства, а исконно чувашским названием января считает *Мăн сивĕ уйăх* «Старший холодный месяц», что вполне правдоподобно. Февраль как тринадцатый дополнительный месяц (вставлялся через два года) назывался *Кĕçĕн сивĕ уйăх* «Младший холодный месяц». Быть может, еще до Золотой Орды предки чувашей, как и тувинцы, зимние месяца (холодные девять 9-дневок) считали как время «рождения» и «умирания» мороза, расположенное между зимним солнцеворотом и весенним равноденствием. Не случайно же чуваши говорили, что зимних месяцев – шесть месяцев, летних месяцев – семь месяцев (с учетом переходных месяцев от холодного сезона к теплому и, наоборот, от теплого к холодному). Последнюю проблему в данной статье приходится оставить открытой, так как она требует отдельного рассмотрения.

Г.Т. Тимофеев, как отличный знаток чувашских календарных обрядов, в начале чувашских месяцев первым ставил *пушă уйăх* «март», а месяц *нурăс уйăхĕ* «февраль» разместил на самом конце списка [20, с. 68]. Верховые чуваши (с. Хочашево Ядринского р-на ЧР), наоборот, *пошă ойăх* ставили в конце года, а его начинали после *монкон* в месяце *ака*. «По счеты наших чувашей, – писал в 1909 г. составитель местного чувашского календаря А.Н. Могонин, – *Монкон* (Пасха) всегда приходит в конце месяца *пошă*, за 4 дня до его завершения» [15. Д. 176. Л. 236]. Такая путаница происходила из-за того, что чувашские месяцы традиционно всегда начинались с новолуния, а православную пасху справляли, как известно, в полнолуние после весеннего рав-

ноденствия. Тем более юлианский календарь значительно отставал от григорианского (в начале XX в. всего на 13 суток).

Для исследователей чувашского календаря именно семантика названия *пошă уйăх* (*пош ойăх*) стала спорной и многовариантной [5. С. 13–14]. Данное название Н.И. Егоров опять включает в состав заимствованных слов из татарского языка, аргументируя свою версию якобы отсутствием его в лексике верховых чувашей. Но словари Е.И. Рожанского и В.П. Вишневского, составленные на основе лексики верховых чувашей, говорят об обратном: *пожададап* «испражняю» (Е.И. Рожанский); *пожа-оих* «апрель», *пожа* (*пошă*) «простый, незанятый», *пожадас* «опрастывать», *пожанас* «ослабевать», «опрастываться» (В.П. Вишневский). В вышеуказанной статье О.А. Мудрак относит чувашское слово *пош(ж)ă* к пратюркскому наследию, а не к татарским заимствованиям. Название *пошă ойăх* вполне может быть древним и оно действительно образовано на основе исконно чувашского *пош(ж)ă / пуш(ж)ă* «пустой, порожний»; «праздный»; «свободный»; «впустую»; «без результата, понапрасну». Он во всех источниках стоит перед *ака уйăхĕ* «месяц сева» и, скорее всего, семантически связан с этим земледельческим трудом. Объяснение, что *пушă уйăх* – это «месяц поста» [6. С. 185], на наш взгляд, не выдерживает серьезной критики по следующим причинам: название месяца зафиксировано до христианизации чувашей; у чувашей не было традиции поститься, за что их всегда упрекали миссионеры, в том числе В.П. Вишневский, Н.И. Золотницкий и др.; в словарях вышеназванных ученых слова «пост» и «поститься» переведены как *ти'бе-кон*, *тибе тиргени*, *ураза тытни.* И постную еду до настоящего времени определяют не прилагательным *пушă*, а тем же *типĕ* «сухой», «постный»: *типĕ çу* «растительное масло»; *типĕ апат*, *тип çимĕç* «постный обед». Заговенье по-чувашски называется *типпе кĕнĕ кун*, разговенье – *типĕрен тухнă (ўте кĕнĕ) кун*.

В.Д. Димитриев полагал, что «в древнейшем чувашском календаре, до включения в него месяца *нарс*, *пуш* являлся начальным месяцем (как утверждают некоторые наши источники), а название это равнозначно слову *пуç* “голова” (*ç* и *ш* в чувашском языке чередуются)» [5. С. 14]. Действительно, вполне логично, что первый месяц года назвали «головным», т.е. первым, начальным. Но здесь выделялось, скорее всего, начало не всего календарного года, а лишь теплого сезона, т.е. переходный период к лету (время от весеннего равноденствия до летнего солнцестояния содержит, по лунному календарю, примерно десять 9-дневок). Холодный сезон «рождался» и «умирал», как представляли тувинцы и, очевидно, древние тюрки, в течение девяти 9-дневных циклов (фаз Луны), переходный период к теплому сезону тоже имел, очевидно, подобные же циклы. В любом случае, название *пушă уйăх* имеет древнее происхождение и данный месяц был в начале переходного периода от зимы к лету. В пространстве переходного периода от холодного сезона к теплому чуваши проводили два обрядового комплекса, которые в XVIII в. были привязаны к православной пасхе и троице. В отличие от крещеных, чуваши-огнепоклонники отмечали эти праздники за несколько дней раньше, чем православные, но уже не в день весеннего равноденствия или летнего солнцеворота.

Обрядовый комплекс калăм. Как показывает языковой материал, некоторые отрасли земледелия у тюрков были развиты еще в пратюркский период, когда у них ведущим хозяйством было кочевое скотоводство (ср.: чув. *пăрça,* общетюрк. *борчак, пырчак, буршак* «горох», чув. *вир,* др.-тюрк. *ойур* «просо», чув. *ак,* др.-тюрк. *ек* «сеять» и т.д.) В результате активных контактов с север-

ными китайцами тюркские племена в разной степени ознакомились с их оригинальной культурой, в том числе музыкальной (пентатоника) и книжно-письменной (китайское слово *küjnig* «свиток» через дунайских булгар и старославянский язык распространилось в Восточной Европе в значении «книга» [10]). Первым этапом оседания савиро-булгарских племен можно считать время их проживания на Северном Кавказе (IV–VIII вв. н.э.) Именно к этому периоду следует отнести чувашско-кавказские этнокультурные параллели, которые отсутствуют у других тюркоязычних народов. В земледельческих терминах таким образцом является слово *тулă* «пшеница», имеющее параллель в грузинском языке *(доли* «чистая пшеница»). В.Г. Егоров считал это грузинское слово булгарским заимствованием периода их соседства на Кавказе. В тот период сформировалась булгаро-аланская (салтово-маяцкая) культура, вобравшая в себя традиции как тюркоязычных булгар, так и ираноязычных алан. В этот же период савиро-булгары заимствовали алано-осетинское слово, означающее косу (чув. *çава*). Очевидно, именно на Кавказе предки чувашей перешли от сезонных перекочевок к стойловому скотоводству (летом косили траву аланской косой и запасались сеном), занимались садоводством (в венгерском языке сохранились булгаро-чувашские слова, имеющие значения «ягоды», «виноград» и др.). В своем письме (X в.) хазарский царь Иосиф писал: «С месяца Нисана мы выходим из города каждый к своему винограднику и своему полю и к своей полевой работе. <…> в конце месяца Кислева, во дни праздника Ханукки, мы приходим в наш город» [24. С. 204]. Еврейский месяц библейского года Нисан связан с весной, приблизительно соответствует марту-апрелю григорианского календаря. Сельскохозяйственный год начинался в Волжской Булгарии, расположенной значительно севернее от Хазарии, естественно, на несколько дней или даже недель позже.

Вышеприведенные факты позволяют считать, что земледельческий год у предков чувашей окончательно утвердился в период их массового оседания и активного диалога прежде всего с ираноязычными племенами. Новый год у древних земледельцев Средней Азии начинался, как известно, с весеннего равноденствия. После введения календарного летоисчисления началом года в странах, подвластных ахаменидскому Ирану, странах Ближнего Востока, Закавказья и Албании стал март. Основные обрядовые действия в этот период смены сезонов были связаны с мотивом появления солнца и оплодотворения земли – кормилицы земледельцев. Поэтому в обрядах данного комплекса большую функциональную роль выполняло яйцо – главный символ плодородия и размножения.

Чувашский обрядовый комплекс *калăм* в XVIII–XIX вв. проводился на страстной неделе православной пасхи, но раньше, до христианизации, он проходил, скорее всего, в период весеннего равноденствия (21–22 марта). Данный термин впервые встречается в словаре В.П. Вишневского: «*Каʻлым-кон* трехдневный праздник у чуваш[ей]: в Лазареву Субботу, в великий Понедельник и Среду» [3. С. 90] В «Поучениях о тщете чувашских суеверий» (1846) миссионер уточняет свое сообщение: «<…> вы предаетесь сильному пьянству, кто с среды, кто с четверга, кто с пятна, а все вообще с субботы страстной недели» [3. С. 257]. Понедельник – это уже день пасхальной недели, в который местами (например, в Малых Кошелеях современного Комсомольского района ЧР) молодежь проводила обряд *ака туй* (пускала лошадей в перегонки), а потом с прутиком ходила по дворам (*сĕрен çÿрени*) [15. Д. 619. Л. 149–150].

В.П. Вишневский отделял *мункун* от *калăм кунĕ* и не считал его чувашским праздником: «*Мун-кон* Св[ятая] Пасха» [3. С. 102]. Со среды до пятницы страстной недели он называл *калăм конĕ*, субботу – «*Вирим-кась* навечерние пасхи. Празднование по случаю усопших» [3. С. 80]. Словосочетание *мункун* этимолог М.Р. Федотов интерпретировал как кальку с русского *великодень* «светлое Христианское Воскресение» [23. С. 349]. Слово *вирĕм* тоже является поздним термином русского происхождения: *вирĕм* < *вирми* < *верба* «освященные в церкви ветки вербы, способные изгонять дьявола». Верба воспринималась как священный предмет, смысл обряда заключался в прикосновениях вербой к людям и домашним предметам. Здесь мы видим пример слияния русского обычая освящения вербы с чувашским обрядом *сĕрен*, прежде всего среди верховых чувашей.

В 1903 г. приверженец старой чувашской веры Туктий Исаев писал, что чувашский *мункун* (*калăм*) проводится всего пять дней: в первый день (среда страстной недели) они ходят по домам своих родственников и едят кашу (*калăм пăтти*); во второй день (четверг) поминают умерших родственников (*çурта кунĕ* «день угощения духов предков» или «день свечи»); в третий и четвертый дни (пятница и суббота) по очереди угощаются в домах соседей по улице (*кассипе*); в пятый день (воскресенье) проводят *сĕрем/сĕрен* [15. Д. 6. Л. 619]. Очевидно, при 5-дневной неделе данный обряд действительно проходил целых пять дней (среда, четверг, пятница, понедельник, вторник), а еще раньше – три дня (среда, понедельник, вторник).

О первом дне *калăм* (*калăм кунĕ*) К. Милькович в 1783 г. писал следующее: «Солнцевой матери бывают жертвоприношения двоякие: 1, так, как выше сказано, пивом с кашею; а 2, нижеследующим образом: в первый день Пасхи, встав при восхождении зари, чувашенин перед дверьми своего дома разводит огонь и стережет восхождение солнца; при первом блеске его лучей кладет на огонь разные хлебные приготовления и яйца; кланяясь огню, поминает своих умерших родственников» [11. С. 58]. Так как поминкам предков специально посвящен, как сообщает Милькович, четверг на страстной неделе [11. С. 47], основной мотив в первый день *калăм* изначально был построен, скорее всего, на идее «рождения» солнца в день весеннего равноденствия. Цитированный Мильковичем фрагмент текста относится к молитвословию в честь *Турă,* произносимому в первый день *калăм* [15. Д. 619. Л. 115–119]. В нем выражено коллективное желание участников получить от Всевышнего благополучия в семейной жизни и хозяйстве, умножения домашней живности и изобилия будущего урожая.

Самой главной частью обряда в *калăм кунĕ* было моление богу, для чего варили *калăм пăтти* «кашу *калăм*». Не успевшие принести богу жертву в честь нового урожая в день *калăм* проводили обряд *чӳклеме* (до *калăм кунĕ* хлеб еще считался новым, после он уже назывался старым). Некоторые ограничивались молением главы семьи во дворе. Для этого варили просяную кашу и, вынося ее во двор, ставили у *чӳк йывăççи* «священное дерево для жертвоприношения». При этом глава семьи произносил *кĕлĕ сăмахĕсем* «молитвенные слова», после чего он и остальные участники церемонии пробовали жертвенную кашу (*калăм пăтти*). Затем каша уносилась в избу, где совершался настоящий праздничный обед.

В мифологии многих народов Евразии мотив «смерти» и «рождения» (солнца > эпического героя) на весеннем равноденствии занимал центральное место. По преданиям, чуваши начали отмечать *калăм кунĕ* в честь якобы жив-

шего когда-то на земле крайне добродетельного человека (сына бога?). Человек тот при жизни постоянно нанимался в работники к самым бедным людям, и те богатели. За это богачи возненавидели его и убили. Данное предание перекликается с мотивом убийства сына бога людьми. В другом предании в этот же день скончалась жена исполина *Улăп*. Сохранилось интересное предание (записал мордвин, владеющий чувашским языком), в котором описаны причины и время смерти чувашского мифологического (в данном случае и эпического) героя: «Смерть Улыпа – среда. *Çав вилнĕ кунĕнче тӳпе[не] пĕлĕт шавласа кайнă тет* ["В этот день смерти облако поднялось к небу, говорят, с шумом"]. В этот день смерти солнце, говорят, померкло. Чуваши долго оплакивали смерть Улыпа. Канун середы, вторник, вечер чуваши зовут *вилнĕ каç* "вечер кануна смерти". Чуваши среду зовут *вилнĕ кун*, *юн кун* – день смерти и день крови. Посему у чуваш[ей] этот день считают самым тяжелым – днем утраты для них Улыпа. <...>, в память смерти Улыпа чувашами-язычниками установлен главный праздник <…> – *Калым кун*» [12. С. 405–407].

Мотив смерти великана широко распространен у ираноязычных народов. Например, автор X в. Мухаммед, сын Джафара Наршахи, писал, что эпический герой иранского эпоса Сиявуш похоронен у одних из множества ворот Бухары и бухарские маги по этой причине относятся к этому месту с большим уважением. Далее он сообщает, что в день Новруза каждый зороастриец по обычаю закалывает здесь в память Сиявуша одного петуха. В тот день жители Бухары оплакивали смерть эпического героя [9. С. 146]. В легенде, приводимой Махмудом Кашгари (XI в.), на месте убийства мужа дочери Афрасиаба (персидский вариант имени тюркского эпического героя Алп-Эр-Тонга), Сиявуша, зороастрийцы один раз в году (в последнюю среду весеннего равноденствия) собираются, приносят жертву и оплакивают смерть героя, его могилу окрашивают кровью жертв. Тогда же разводят костры и прыгают через них [9. С. 94, 97].

Очевидно, именно на основе данной легенды с мотивом смерти арабский путешественник ал-Гарнати в своем очерке (XII в.) развернул сюжет о булгарском воине, который свою кольчугу «возил с собой на войну на повозке» (фольклорный образ эпического героя) [24. С. 263]. Булгарин из потомков адитов по имени *Данки* (< Алп-Эр-*Тонга*) имел себе подобную сестру (прототип дочери Афрасиаба), которая, прижав своего мужа к груди, сломала его ребра, и муж (прототип Сиявуша) сразу умер [24. С. 265; 17. С. 189–192].

Таковы истоки возникновения и сложения обряда *калăм кунĕ*, а также предшествующего этому времени *вилнĕ каç* «вечер смерти», в пространстве которых свернута универсальная идея об «умирающей» и «воскрешающей» природе. Со временем первый день *калăм* стал для чувашей днем «угощения» Всевышнего и умерших предков с целью их расположения к оказанию помощи в новом хозяйственном году, которые обеспечили бы благополучие в семейной жизни и хозяйстве, умножение домашней живности и изобилие будущего урожая. Поэтому день *калăм* у чувашей стал одновременно днем различных предсказаний на будущий год, примет и гаданий. Не случайно этимологию названия обрядового комплекса ученые (В.И. Сергеев, Н.И. Егоров) связывают с латинским календарным термином *calendae* «первый день месяца», который в древнебулгарский язык попал, по мнению второго ученого, еще в VI–VII вв. н. э. [6. С. 180].

Поминовение предков петухом или курицей у чувашей проходило на следующий день после *калăм кунĕ* – в четверг и назывался этот день, как правило, *çурта кунĕ*. Он начинался еще в среду вечером. Как известно, чуваши

исчисляли сутки с вечера до вечера. В связи с этим началом нового *талăк* «сутки» считался период захода солнца и наступления ночи. Именно в среду вечером у чувашей проводился *йыхрав* «приглашение», который отражал древнюю форму приглашения духов предков к живым потомкам. Для поминок обычно выбирали *тĕп кил* «главный дом рода», в котором хранилась поминальная посуда, а раньше и *тĕп хуран* «родовой котел». Перед закатом солнца там начинали готовиться к поминкам. В первую очередь стол ставили к двери и готовили поминальную трапезу. При этом к столбу *виçе* (*улçа*) ставили ведро с пивом, на стол – пустую тарелку, а под стол – пустое ведро. После всего этого *кил пуçĕ* «глава семьи» свечу прикреплял к столбу и к воткнутой в стену у порога лучине. Упоминая имя покойного, хозяин дома отламывал кусочки кушаний поминаемому и клал в пустую тарелку, а пиво отливал в пустое ведро. Завершив подобное кропление, он произносил, повернувшись к двери, слова следующего содержания: «Эти яства сегодня приготовлены для вас, пусть они будут перед вами, довольствуйтесь ими. Храните наше семейство и скот наш в здравии до следующего нового года! Пусть перед вами будет Молочное озеро» [17. С. 125]. После угощения духов предков в главном доме участники обряда обходили остальные дома своего рода [17. С. 124–126].

Сĕрен «проводы духов предков». Обзор литературы о *сĕрен* позволяет утверждать, что данный обряд в его наиболее архаичном варианте всегда состоял из двух частей: 1) обход деревни участниками *сĕрен*; 2) спортивные состязания вблизи кладбища. В четверг перед Пасхой, а местами на другой день после Пасхи, молодежь и часть взрослого населения собирались у околицы деревни с утра, объезжали дворы на лошадях (в более позднее время ходили пешком). После обхода дворов участники *сĕрен* шли к кладбищу. Здесь они ели собранные продукты, а остатки оставляли собакам. Там же разводили костер и сжигали свои прутья, а перед возвращением домой каждый перепрыгивал через огонь, веря, что духи покойников не смогут пройти через него. До восхода солнца *сĕренçĕсем* должны были возвратиться с кладбища, чем и завершалась последняя часть *сĕрен* – *вилнисене ăсатни* «проводы умерших». Первоначально обряд *сĕрен* был связан с умилостивлением и проводами духов предков, которые, по древнему представлению чувашей, приходили к живым потомкам в период перехода от одного сезона года к другому.

Во второй части обряда *сĕрен* преобладали спортивные состязания: *ут яни* «конные скачки», *çурран чупни* «состязания бегунов», *кĕрешӳ* «состязание борцов» и т.д. Конные скачки начинались сразу после завершения обхода дворов. Затем *сĕренçĕсем* отправлялись к кладбищу и угощались собранными продуктами, состязались друг с другом в беге, борьбе и т.п. Во многих местах эти состязания входили в обряд *акатуй* (*сĕрен*) и проходили перед *çимĕк* или перед весенним севом. *Акатуй* является земледельческим праздником. Можно полагать, что этот обряд оформился на основе древнего ритуала – подтягивания отстающих духов предков в период их пребывания у живых потомков. Данный вывод напрашивается после сравнительного изучения *сĕрен* с подобными обрядам других тюркских народов, в частности киргизов [19. С. 80].

Общий корень слов *сӳрööн* (кирг.) и *сĕрен* (чув.) показывает, что в основе обряда было «подтягивание» отстающих духов предков, находившихся вне кладбища. Данное предположение подтверждается и поминальными ритуалами киргизов. Характерной чертой этих поминок были угощение ритуальной пи-

щей, а также устройство конных состязаний. Самые первые из них назывались *кӧр байге* или *мурзо байге* (букв. «скачки у могилы»). Их устраивали в день похорон, не уходя с кладбища, перед принятием поминальной пищи *кара аш*. Особый интерес представляет то, что финиш располагался у самой могилы. Как считает исследователь Г.Н. Симаков, эти поминальные скачки изображали борьбу живых с могущественной силой духа умершего предка. Впоследствии обряд *сӗрен* стал проводиться и в период смены скотоводческого сезона, когда у древних тюрков проходили большие родоплеменные поминки.

Подобный обряд был и у казанских татар, который подтверждает существующее предположение, что обход дворов участниками *сӗрен* и спортивные состязания были составными частями одного большого обряда. Исследователь Р.К. Уразманова включает *сөрән* в цикл сабантуя и выделяет следующие его части: приготовление каши для детей из собранных у населения продуктов; сбор детьми крашеных яиц; сбор яиц юношами верхом на лошадях и угощение после него; сбор ряжеными (мужчинами) яиц; сбор подарков для сабантуя; *мәйдан* – состязания; вечерние молодежные игрища. В других вариантах сабантуя некоторые из названных частей отсутствовали [22. С. 98–99]. Можно утверждать, что обряд *сӗрен*, который первоначально символизировал угощение и проводы духов предков, постепенно преобразился в земледельческий праздник *акатуй (сӗрен)* и *сабантуй* «свадьба плуга».

Выводы. Обзор этнографической литературы XVIII в. показывает, что в процессе массовой христианизации и использования в гражданских документах юлианского календаря и канцелярского языка чувашский народный календарь в том веке испытал определенную трансформацию. По времени проведения обрядовый комплекс *калăм* был привязан к православной пасхе, а *çу / çăв* – к троице. Семантические сдвиги испытали в первую очередь те названия, которые обозначали месяцы переходного периода, а также название главного обряда чувашей при весеннем равноденствии – *калăм* (< *calendae*). Крещеные пасху стали называть *мун кун* («великодень»), а праздник своих соплеменников-огнепоклонников они именовали *чăваш мункунĕ* «чувашский великодень».

До массовой христианизации чувашей их календарный год начинался с месяца *норăс / нурăс*. Данный термин, скорее всего, одновременно с понятием о 5-дневной неделе (чув. *эрне* < иран. *адинэ* «пятница»), был заимствован из соседнего иранского языка не позднее IV–VIII вв. н.э. До этого периода предки оногуро-булгар первым месяцем года вполне могли назвать со значением «головной месяц [года]» (или «свободный [от сева] месяц»), а также иметь, как и все пратюрки, 3-дневную неделю. Последняя хорошо отражена в правилах деления отдельных частей фаз Луны оногуро-булгарского календаря, а также в 9-дневном делении фаз Луны в календарях чувашского, тувинского и некоторых других тюркских народов. Число 9 в основном фигурирует в обрядах жертвоприношения, оно не столько символизирует вертикальное пространство, сколько выражает главную *идею гармонического единства трех сил мироздания*: Неба (Солнца), Человека из срединного мира и Земли, в которой находятся останки его предков. Хронотоп обрядового комплекса *калăм* построен и на основе универсальной *идеи об «умирающей» и «воскрешающей» природе.*

Список сокращений названий языков

др.-тюрк. – древнетюркский; кирг. – киргизский; иран. – иранский; чув. – чувашский.

Литература

1. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чуваш. книга, 1929. Т. 3. 364 с.
2. *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии. М.; Л.: Наука, 1950. Т. 1. 380 с.
3. *Вишневский В.П.* Письменная культура раннего просветительства / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 608 с.
4. *Димитриев В.Д.* Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Вопросы археологии и истории Чувашии: Учен. зап. НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. 19. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 270–302.
5. *Димитриев В.Д.* Чувашский календарь и метрология. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1982. 36 с.
6. *Егоров Н.И.* Избранные труды: в 2 т. Чебоксары: Новое время, 2009. Т. 2. 840 с.
7. *Золотницкий Н.И.* Изб. труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 528 с.
8. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М.: Наука, Главная ред. вост. л-ры, 1989. 360 с.: ил.
9. *Короглы Х.Г.* Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. М.: Наука, 1983. 336 с.
10. *Львов А.С.* Иноязычные влияния в лексике памятников старославянской письменности (тюркизмы) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Варшава. Август 1973 г. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1973. С. 211–228.
11. *Милькович К.* Быт и верования чуваш[ей] Симбирской губернии // Известия ОАИЭ при Казан. ун-те. Т. 22. Вып 1. Казань: Типо-литография ун-та, 1914. С. 38–60.
12. *Михайлов В.И.* Быт и нравы чуваш[ей] и их обряды, обычаи, загадки, пословицы, поговорки, прибаутки, сны, приметы, речи и проч[ие] // ОР НБ Приволжского (Казанского) федерального ун-та. Шифр 2376. 567 с.
13. Мөхәммәтҗанов Р.М. Башкортстан Ык буе татарларының йола иҗаты (Календарь поэзия. Уфа: Башкорт дәүләт ун-ты, 1982. 72 б.
14. Мудрак О.А. Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Аспекты компаративистики. М.: РГГУ, 2005. С. 83–106. URL: http://starling.rinet.ru/Text/bulgar.pdf (дата обращения: 05.05.2017).
15. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Ф. I.
16. *Родионов В.Г.* Ермей Рожанский: жизнь и творчество / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 150 с.
17. *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов // Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово: сб. науч. ст. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 106–182.
18. *Сбоев В.А.* Заметки о чувашах. Исследования об инородцах Казанской губернии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 142 с.
19. *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских общественных развлечений в конце XIX – начале XX века. Л.: Наука, 1984. 230 с.
20. *Тимофеев Г.Т.* Тăхăрьял (Сёве тăршшěнчи чăвашсем). Этнографи очеркěсемпе халăх сăмахлăхě. Шупашкар: Чăваш кěн. изд-ви, 1972. 492 с.
21. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 225 с.
22. *Уразманова Р.К.* Годовой цикл традиционных обрядов и праздников татар // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1982. С. 95-104.
23. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 1. 470 с.
24. *Хамидуллин Б.Л.* Хазары и их вассалы глазами современников. Казань: Слово, 2014. 280 с.
25. Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период / сост. Н.И. Егоров, М.Г. Данилова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 225 с.
26. *Эргис Г.У.* Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0143-7952).

Vitaliy G. RODIONOV

RECONSTRUCTION OF THE CHUVASH CALENDAR AND THE RITUAL COMPLEX *KALAM*

***Key words**: folk calendar, ritual complex, sun cult, ancestral spirits, proto-Turks, chronotope, Bulgarian namesake, Christianization, transformation.*

The process of mass Christianization and the use of the official language and the Julian calendar in the administrative offices of local authorities influenced heavily the traditional

calendar of the Chuvash people. First of all, the names that denoted the months of the transition period, as well as the name of the main Chuvash rite at the vernal equinox – Kalam, were subjected to semantic transformation. Prior to mass Christianization of the Chuvash people, their calendar year began with the month of norăs / nurăs. This term, along with the concept of a 5-day week, was borrowed from the neighboring Iranian language no later than the 4th–8th centuries AD. Before this period the ancestors of the Onoğurs-Bulgar could name the first month of the year as having the meaning "head month [of the year]" and have, like all Proto-Turkic, a 3-day week. The latter is well reflected in the rules for dividing individual parts of moon phases in the Onoğuro-Bulgar calendar, as well as in a 9-day division of moon phases in the calendars of the Chuvash, the Tuvinians and some other Turkic peoples. Number 9 expresses the main idea of the harmonious unity of the three forces of the universe: the Sky (the Sun), the Man from the middle world and the Earth, where the remnants of his ancestors are. The chronotope of Kalam ritual complex reflects the universal idea of "dying "and "resurrecting" nature. The complex was formed on the basis of the ancient cult of the Sun among the proto-Turks, who associated the year (in the meaning of a "warm season") only with the summer sun. With the development of cattle breeding and the emergence of the concept of a two-season (summer and winter) calendar year, the idea of its beginning also changed. The Chuvash, like other Turkic peoples, divided the months into two groups: summer months and winter ones. Later on, the ancient Turks began to mark transition periods from one season to another. The ancient Turks understood summer and winter as the time of heat and frost "birth and death". Sĕren rite, which originally symbolized treating and seeing off the ancestral spirits, gradually transformed into the agricultural festivals Akatui (sĕren) and Sabantui "plow wedding".

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Chuvash language. 17 vols]. Cheboksary, Chuvash kniga Publ., 1929, vol. 3, 364 p.

2. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1950, vol. 1, 380 p.

3. Vishnevskii V.P. *Pis'mennaya kul'tura rannego prosvetitel'stva* [Written culture of early enlightenment]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2004, 608 p.

4. Dimitriev V.D. *Dva opisaniya chuvashei i chuvashskie slovari vtoroi chetverti XVIII veka* [Two descriptions of the Chuvash and Chuvash dictionaries of the second quarter of the XVIII century] *Voprosy arkheologii i istorii Chuvashii. Vyp. 19* [Questions of archeology and history of Chuvashia. Issue 19]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1960, pp. 270–302.

5. Dimitriev V.D. *Chuvashskii kalendar' i metrologiya: ucheb. posobie* [Chuvash calendar and Metrology: Textbook]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 1982, 36 p.

6. Egorov N.I. *Izbrannye trudy: v 2 t.* [Selected works. 2 vols.]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2009, vol. 2, 840 p.

7. Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy: stat'i, lingvisticheskie issledovaniya, slovari, pis'ma, otchety, raznye dokumenty* [Selected works: articles, linguistic research, dictionaries, letters, reports, various documents]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2007, 528 p.

8. *Kalendarnye obychai i obryady narodov Vostochnoi Azii. Godovoi tsikl* [Calendar customs and rituals of the peoples of East Asia. Annual cycle]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 360 p.

9. Korogly Kh.G. *Vzaimosvyazi eposa narodov Srednei Azii, Irana i Azerbaidzhana* [Interrelations of the epos of the peoples of Central Asia, Iran and Azerbaijan]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 336 p.

10. L'vov A.S. *Inoyazychnye vliyaniya v leksike pamyatnikov staroslavyanskoi pis'mennosti (tyurkizmy)* [Foreign language influences in the vocabulary of monuments of old Slavonic writing (turkisms)] *Slavyanskoe yazykoznanie. VII Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov. Varshava. Avgust, 1973 g. Doklady sovetskoi delegatsii* [Slavic linguistics. VII international Congress of Slavists. Warsaw. August 1973. Reports of the Soviet delegation]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 211–228.

11. Mil'kovich K. *Byt i verovaniya chuvash[ei] Simbirskoi gubernii* [Life and beliefs of the Chuvash people of the Simbirsk province] *Izvestiya OAIE pri Kazan. un-te. T. 22. Vyp 1* [Proceedings of the Society of archeology, history and Ethnography at Kazan University. Vol. 22, Issue 1]. Kazan, Kazan University Publ. House, 1914, pp. 38–60.

12. Mikhailov V.I. *Byt i nravy chuvash[ei] i ikh obryady, obychai, zagadki, poslovitsy, pogovorki, pribautki, sny, primety, rechi i proch[ie* [Life and customs of the Chuvash people and their rites, customs, riddles, proverbs, sayings, jokes, dreams, signs, speeches and so on]. Kazan, Kazan University Scientific Library, Code 2376, 567 p.

13. Mokhemmetzhanov R.M. *Bashkortstan Yk bue tatarlarynyn iola izhaty (Kalendar' poeziya*) [The ritual creativity of the Bashkir Tatars (calendar poetry)]. Ufa, Bashkort un-ty Publ., 1982, 72 p.

14. Mudrak O.A. *Zametki o yazyke i kul'ture dunaiskikh bulgar* [Notes on the language and culture of the Danube Bulgars] *Aspekty komparativistiki* [Aspects of comparative studies]. Moscow, RGGU Publ. House, 2005, pp. 83–106. URL: http://starling.rinet.ru/Text/bulgar.pdf.

15. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Fond I.* [Scientific Archives of the Chuvash State Institute of Humanities. Archive I].

16. Rodionov V.G. *Ermei Rozhanskii: zhizn' i tvorchestvo* [Ermey Rozhansky: Life and Work]. Cheboksary, ChGIGN Publ., 2012, 150 p.

17. Rodionov V.G. *O sisteme chuvashskikh yazycheskikh obryadov* [On the system of Chuvash pagan rites] *Etnos. Kul'tura. Slovo* [Ethnos. Culture. Word]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2006, pp. 106–182.

18. Sboev V.A. *Zametki o chuvashakh. Issledovaniya ob inorodtsakh Kazanskoi gubernii* [Notes on the Chuvash people. Research on foreigners of the Kazan province]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2004, 142 p.

19. Simakov G.N. *Obshchestvennye funktsii kirgizskikh obshchestvennykh razvlechenii v kontse XIX – nachale XX veka* [Public functions of Kyrgyz public entertainment in the late 19th – early 20th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 230 p.

20. Timofeev G.T. *Takhar'yal (Seve tarahenchi chavashsem). Etnografi ocherkesempe khalakh samakhlakhe* [Nine villages. Sviyazhsk Chuvash. Ethnographic essays and Volksdichtung]. Cheboksary, Chavash Publ. House, 1972, 492 p.

21. Lvova E.L., Oktyabrskaya I.V., Sagalaev A.M., Usmanova M.S., comp. *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyi mir* [Traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. Material world]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 225 p.

22. Urazmanova R.K. *Godovoi tsikl traditsionnykh obryadov i prazdnikov tatar* [Annual cycle of traditional rites and holidays of the Tatar] *Novoe v arkheologii i etnografii Tatarii* [New in the archeology and Ethnography of Tatary]. Kazan, IYaLI Publ., 1982, pp. 95–104.

23. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka, v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols]. Cheboksary, 1996, vol. 1, 470 p.

24. Khamidullin B.L. *Khazary i ikh vassaly glazami sovremennikov* [Khazars and their vassals through the eyes of contemporaries]. Kazan, Slovo Publ., 2014, 280 p.

25. Egorov N.I., Danilova M.G., comp. *Khrestomatiya po kul'ture Chuvashskogo kraya: dorevolyutsionnyi period* [Readings in the culture of the Chuvash region: the pre-revolutionary period]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 2001, 225 p.

27. Ergis G.U. *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on Yakut folklore]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 402 p.

VITALIY G. RODIONOV – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-0143-7952).

Формат цитирования: *Родионов В.Г.* Реконструкция чувашского календаря и обрядового комплекса *калăм* // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 108–125. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-108-125.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-126-138

УДК 811.111'367/37
ББК 123.34

А.Н. РУХЛИН

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СИМБИРСКИХ И САМАРСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ЖУРНАЛАХ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Ключевые слова: *«Симбирские епархиальные ведомости», «Самарские епархиальные ведомости», Первая мировая война, Русская православная церковь.*

В статье рассматривается издательская деятельность провинциальных журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» во время мировой войны 1914–1917 гг. В своих периодических изданиях церковные редакторы и журналисты пытались поддерживать чувство патриотизма в обществе и обосновать роль и миссию России в войне с «тевтонскими полчищами». Также к 1916 г. в журналах прослеживаются социальные проблемы и идеологический упадок российской монархии. Автором был реализован подробный научный анализ ранее сформировавшегося знания и научного подхода в целях выявления знаний о редакционно-издательской политике Русской православной церкви в годы войны. В своем научном исследовании автор руководствовался историческим методом или, как его еще формулируют, принципом историзма. При проведении данного научного исследования автор опирался в первую очередь на специально-исторические и общеисторические методы. Достоверность исследования обусловлена использованием реальных архивных периодических изданий, опубликованных в 1914–1917 гг. Статья актуальна тем, что автор показывает на конкретных примерах информационные возможности церковной периодической печати в условиях войны.

Ведущую роль в формировании общественного мнения сегодня играют средства массовой информации. СМИ во всем мире превратились в подавляющую силу воздействия на сознание и представления людей. Это наиболее эффективное средство манипулирования человеческими эмоциями, способное убеждать общество наилучшим образом, особенно в условиях нарастания кризиса. Средствами массовой информации используются определенные структуры образов и поведения, воздействующие на современное общество и коллективы.

В начале XX в. печатные издания стали самым распространённым видом передачи информации. Как писал Н.А. Энгельгардт, на пороге XX в. при глубоком духовном упадке «пульс жизни, если и бьется, то в газетах» [26. С. 22]. В 1890 г. в Российской империи существовало 796 различных периодических изданий. За период 1891–1900 гг. возникло еще 794 новых журнала и газеты. В 1900 г. в стране выходило около 1000 периодических изданий, а в период 1901–1916 гг. вышло более 14 тыс. средств массовой информации, на долю Петербурга и Москвы приходилось свыше 6 тыс. [6. С. 7].

В годы Первой мировой войны периодическая печать оказалась главным источником силы, формирующим мировоззрение общества в целом и также отдельных его представителей в частности. Прекрасно осознавая это, российское правительство на протяжении всей войны пристально следило за печатными изданиями, пытаясь направить их содержание в правильное, с точки зрения власти, русло, сформировать в российском обществе патриотические чувства и настроения. Как высказался в письме к самарскому губернатору гофмейстер Булганин, народ имеет «излишнее доверие к корреспондентам» [29].

Серьезную поддержку правительству в распространении «ура-патриотизма» оказывала Русская православная церковь (РПЦ). Церковь выражала

себя как часть государственного института и как наследница древних патриотических традиций. В XIX в. православное духовенство уже обладало собственными периодическими изданиями, что делало этот слой социально значимым в нашей стране. Во время войны в своих провинциальных епархиальных журналах православная церковь призывала российское общество к терпению и борьбе за свое нелегкое «правое дело».

Епархиальные ведомости печатались в 63 епархиях РПЦ. В данных журналах содержалась информация о духовной жизни губернии с новостями епархии. В XIX в. в них почти не поднимались политические вопросы, события рассматривались односторонне и отношение к ним было однозначное, не допускающее обсуждения. Число изданий было невелико, их сферы влияний, задачи и темы не пересекаются друг с другом, споры и дискуссии, характерные для центральной печати, отсутствуют. Политизация журналов начинается в поворотные моменты российской истории начала – первой четверти XX в. (русско-японская война, первая русская революция, первая мировая война). Появляются образы противников России (например, монголы-язычники в качестве японцев и варвары-тевтонцы в качестве немцев), освещаются военные события, осуждаются революционеры.

Церковные редакции сохраняли особый статус, так как в отличие от местных периодических изданий, контролируемых губернатором и цензурным комитетом, местные епархиальные ведомости содержали своего личного цензора, чаще всего из городских клириков [28]. В бюджет епархиальных ведомостей входили расходы на работу цензора и выплаты гонораров авторам статей. Не оплачивались лишь, как правило, выходившие за пределы программы издания статьи и различные злободневные полемические заметки.

События данной тематики и периода истории нашей страны нашли подробное освещение в работах таких отечественных исследователей, как Р.А. Савастенко [7], Г.В. Жирков [3], Е.Ю. Семенова [8], А.О. Буранок [1] и др. Названные труды историков, исследовавших российскую периодическую печать, являются важным вкладом в анализ политического процесса данного исторического периода.

Статья актуальна тем, что, во-первых, автор показывает на конкретных примерах возможности средств массовой информации в ту эпоху, когда не было ни телевидения, ни радио (в общепринятом понимании этого слова), ни компьютеров, ни Интернета. На примере журналов «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» можно рассмотреть политическую, духовную и социальную деятельность церковного руководства, духовенства на фронте и в тылу. Также редакторы журналов пытались отразить основные события Первой мировой войны.

Во-вторых, даже тогда газеты и журналы как основные средства массовой информации сыграли значительную роль в проведении в массы проправительственной политики и, несмотря на тяжелейшее социально-экономическое положение большей части обывателей, помогли удержать стабильное положение в провинциях до февраля 1917 г., когда в столице начались события, переместившиеся позднее уже в регионы.

В-третьих, Русская православная церковь как монопольная религиозная организация в России, воспользовавшись войной, пыталась решить свои конфессиональные проблемы на страницах своих епархиальных журналов: полемизировала и критиковала немецких лютеран и баптистов.

В-четвертых, мы видим, что дореволюционная периодика играла огромную роль в информированности населения губерний, охвате аудитории и, конечно же, значительно отличалась от современной церковной печати по объему страниц и широте тематики.

В поволжских городах Симбирск и Самара епархиальные ведомости были старейшими журналами, начавшими выходить во второй половине XIX в. Ведомости отражали интересы простого населения, можно сказать, были «гласом верующих», интеллигенции и всех, кто был предан православной церкви и монархии.

В Симбирской губернии с 1 января 1876 г. выходил журнал местной епархии Русской православной церкви «Симбирские епархиальные ведомости». К ведомостям прилагалось бесплатное приложение «Листок для народа», издание Симбирского епархиального духовно-просветительского Свято-Троицкого Братства. В приложении простым языком излагались просветительные статьи, добрые советы и даже стихи. С началом военных действий журнал выступил в защиту «Отечества и Престола». Данный печатный орган отстаивал монархическую позицию и сотрудничал с почетным симбирским дворянином, инициатором Симбирского отделения Союза русского народа Н.И. Поливановым, финансировавшего правую газету «Симбирянин». Другим церковным изданием был журнал «Симбирская церковная старина», выходивший во время войны 1914–1917 гг. Он освещал только вопросы церковно-религиозной жизни Симбирского края и памятники церковной старины. Политические события он не затрагивал.

В Самаре во время войны аналогичным изданием можно назвать «Самарские епархиальные ведомости». Исследователь А.Б. Зубова называет справедливо «Самарские епархиальные ведомости» «зеркалом провинциальной жизни» [4. С. 58]. Этот официальный печатный орган Самарской и Ставропольской епархии издавался с 1867 г. В Самаре епархиальные ведомости издавались при епархиальном братстве св. Алексия два раза в месяц.

Все епархиальные ведомости выходили два раза в месяц, т.е. 24 раза в год, выпускались книжками в 4 доли листа. Как и аналогичные журналы других епархий, Самарские и Симбирские епархиальные ведомости состояли из официальной части, где публиковались правительственные материалы, постановления и разъяснения Синода, распоряжения правящего архиерея, и неофициальной, где печатались проповеди, речи, статьи по истории и о текущей жизни епархии, культуре, этнографии и народонаселении края, воспоминания, богословские суждения, полемические письма, рекламные объявления торговых фирм и частных лиц. Сегодня епархиальные ведомости представляют очень богатый исторический материал для изучения материальной и духовной жизни населения Симбирского и Самарского краев в конце XIX – начале XX в. В Симбирске журнал был закрыт в 1917 г., в Самаре – через год, в 1918 г.

Русская православная церковь пользовалась особым покровительством властей и имела различные привилегии, которых были лишены другие – «инославные» и «иностранные» конфессии и исповедания. Священнослужители ставились в привилегированное положение, на них возлагался ряд важнейших государственных функций, одной из самых важных была идеологическая поддержка самодержавия. В годы мировой войны Русская православная церковь активно содействовала властям в укреплении моральных и нрав-

ственных устоев российского общества. Она поддерживала в своей пастве *«воодушевление, спокойствие и единодушие»* [9. С. 555], проводила социальную политику в отношении семей воинов и сбор средств раненым, а также организовывала иные формы поддержки.

Поволжье за счет своего географического положения и удаленности от непосредственных боевых действий стало тыловым регионом во время войны, экономика Симбирской и Самарской губерний была направлена на обеспечение фронтовых нужд русской армии. В губерниях происходило активное строительство храмов. К 1917 г. в Симбирске было более полусотни православных богослужебных сооружений: 2 монастыря, 3 собора, 21 приходская и 25 домовых церквей, около десятка часовен [5. С. 78]. К 1916 г. в Самарской епархии было свыше 1000 храмов, в которых служило 2366 человек: 48 протоиереев, 1069 священников, 335 диаконов и 914 псаломщиков. Из священников большинство – 773 человека – окончили духовные семинарии. Духовные академии закончили 16 человек. Действовали 1073 церковно-приходские школы, в них учились 64 877 человек. В епархии насчитывалось 967 церковных библиотек с общим книжным фондом в 142 532 тома. При церквах Самарской епархии находилось 7 богаделен, в которых проживало 186 человек. Содержались они на средства частных благотворителей [27]. На личные средства самарского купца В.М. Сурошникова в 1915 г. была построена последняя самарская дореволюционная церковь, освящённая во имя Архангела Михаила. Епископ Вениамин Симбирский и Сызранский и владыка Самарский и Ставропольский Михаил призвали всех верующих и служителей церкви жертвовать на нужды армии и фронта во имя скорейшей победы в «Великой войне». Вениамин и Михаил приложили много усилий в поддержку больных и раненых, устроения многочисленных беженцев, хлынувших с оккупированных территорий в Симбирскую и Самарскую губернии.

В «Самарских епархиальных ведомостях» по случаю начала войны было опубликовано воззвание *«Братья и сестры великой России! Идет колоссальная кровавая борьба народов, какой еще не видел мир»* [10. С. 335]. В 1914 г. происходили демонстрации по всей стране в поддержку правительства, журнал «Симбирские епархиальные ведомости» на первых страницах сообщает: *«Настроение, переживаемое русским обществом в нынешнюю войну»,* равносильно настроению, *«которое испытывала Россия в Отечественную войну 1812 г.»* [20. С. 880]. Народ пел гимн «Боже, царя храни» и шествовал с российскими флагами и возгласами *«Ура», «Да здравствует Сербия, Англия, Франция, Черногория»* [2. С. 6]. В симбирских и самарских епархиальных ведомостях была напечатана торжественная речь императора Николая II, в которой он заявил, что *«не заключит мира, пока последний неприятельский воин не уйдет с родной земли»* [13. С. 661].

Архипастырь Вениамин перед совершением молебна 12 августа 1914 г. в здании Симбирского дворянского собрания сказал пламенную речь, о скорейшей победе, дарованной Господом над нечестивыми германцами Всероссийскому «христолюбивому воинству»: *«Вы, благородные сыны земли Симбирской, собрались в наш богоспасаемый град для того, чтобы едиными устами и единым сердцем принести горячую молитву к Господу о Благочестивейшем нашем Самодержце и Его победоносных вождях и воинах, подвизающихся в настоящее время на поле брани в борьбе с многочисленными врагами-тевтонами»* [14. С. 700].

Сразу после начала боевых действий епархиальные ведомости занялись обоснованием участия России в мировой войне. Справедливым доказательством «правого дела» служило то, что на *«угнетенный, единоверный и единокровный, многострадальный сербский народ»* вероломно напали «враги-тевтоны» в лице Австро-Венгрии. Несомненно, важным фактором стало то, что именно Германия, «извечный враг Святой Руси», стала главным агрессором в конфликте, что резко легитимизировало войну в глазах общественного мнения страны и положительно сыграло на руку церковным журналистам. Журналисты в своих статьях и заметках приписывали России «мессианскую роль», так как она выступала в защиту всего славянского и православного мира. В своих епархиальных журналах авторы статей представляли немцев как давних врагов славянского народа еще со времен святого князя Александра Невского или готского короля Германариха, *«воюющих со Славянами с незапамятных времен, соперничающих с ними даже в мирное время»* [16. С. 760]. Церковное руководство пыталось объяснить значение войны с немцами и роль в ней России. В Самаре активную позицию занимало Братство св. Алексия во главе с протоиереем А.А. Рождественским, который вместе с лекторами С.О. Богородицким и П.П. Расцветовым проводили просветительские чтения и беседы для народа по поводу *«настоящей войны»* [10. С. 234].

Церковная печать воспринимала и интерпретировала конфликт с Германией и Австро-Венгрией как борьбу немецкой и славянской цивилизаций, противостояние «ложного» западного христианства и «истинного» православия, что, с точки зрения епархиальных редакций, оправдывало вступление России в войну. В «Симбирских епархиальных ведомостях» анонимный автор в статье «Из светской жизни» говорит, что нельзя смотреть на нынешнюю войну просто как на борьбу между отдельными державами из-за политического, экономического, территориального или иного противоречия, эта всеобщая война таит в себе *«высший смысл, некоторое религиозное значение»*. Автор подчеркивает, что «великая русская армия» доблестно сражается на фронтах мировой войны не просто за геополитические интересы «своего Отечества», а за нечто более сокровенное и вечное, за «христианскую истину и правду», так как якобы германский мир уже давно пытался *«ослабить могущество православной России»* [13. С. 661]. В статье высказал схожую позицию автор М. Меньшиков, придав мировому конфликту также особый характер, он пишет: *«Эта война для нас святая, священная, как крестовый поход».* Автор подчеркнул, что не геополитические амбиции или низкое своекорыстие заставили Россию обнажить свой меч, а *«защита униженных и томящихся под немецким игом братьев»* [20. С. 881].

На страницах епархиальных ведомостей симбиряне читали статьи и заметки о жертвенных и героических подвигах своих соотечественников. Добровольный уход на фронт многократно описывается в журнале «Симбирские епархиальные ведомости». Один из таких примеров мы находим в статье «В исправительном детском приюте» протоиерея М.А. Тихомирова, в ней речь идет о «сердечных проводах» на войну с австрийцами воспитателя исправительного приюта Дмитрия Миртова. Храброго воина-добровольца провожали воспитанники и сослуживцы. Автор статьи выступает с призывом самопожертвования и самоотверженной любви во имя *«православной веры, царя и Отечества»* [20. С. 892].

В епархиальных ведомостях выходили статьи, связанные с военными событиями и историями, повествующие об ужасах, чинившихся австро-венгер-

ской армией на оккупированных территориях. Примером служит статья «На Холмско-Галицкой границе» сельского священника, очевидца данных событий. Он рассказывает о прибытии в деревню венгерских гусар, которые, обыскав и ограбив местное население, начали *«издеваться и зверствовать»*. После убийства крестьянина Василия Арбузова венгерские солдаты изнасиловали шестнадцатилетнюю крестьянскую девушку. Хотели казнить заступившегося священника, но, как подчеркивает сам автор рассказа, спасен он был человеком славянской крови, чешским унтер-офицером, служившим в австро-венгерской армии [16. С. 855].

События на самом фронте в епархиальных журналах отражались слабо из-за более религиозной направленности церковной печати. Все же ведомости печатали победные шествия русской армии после победы на Юго-Западном фронте в 1914 и 1916 гг., большее значение уделялось также «положительному влиянию» православных «батюшек» на солдат и офицеров в тылу и особенно на передовой. В статье «Первая всенощная на фронте» священник А. Березин описывает проведенную литургию на передовой во время выстрелов и грохота пушек. После прочтения Евангелия все солдаты подошли и приложились, *«сумрачные лица серых героев как будто обмякли»* [22. С. 14].

Так как епархиальные ведомости, по сути своей, журналы религиозные, большое значение во время войны уделялось иноверцам и еретикам, в которых видели, прежде всего, немцев (хотя французы-католики, англичане-протестанты и другие союзники как еретики почти не упоминались). В некоторых статьях немецкий народ представляется даже «антихристским». В «Симбирских епархиальных ведомостях» в заметке «В зеркале жизни» автор Р.Ч. пишет, что якобы христианская Германия показала всему миру, как она легко может «обходиться без Христа», уничтожая христианские храмы в Европе [19. С. 1059]. В своих богословских статьях авторы А.А. Кычигин, О. Россейкин, В. Дмитриев, А. Введенский, И. Сергиевский и другие просвещают православный народ, ведут борьбу за веру с еретиками и спорят с сектантами-рационалистами. Интересно то, что мусульмане вообще не упоминаются, скорее всего, из-за большого процента исповедующих ислам в Российской империи, значительного количества мусульман-солдат в российской армии и поддержки царя исламским духовенством.

В епархиальных журналах можно найти строки о «злых немцах», которые, как оказывается, уже давно пытались «одолеть» русскую православную веру и часто посылали якобы *«своих благовестников, а на самом деле – злых и жалких еретиков»* [16. С. 794]. Борьба с немцами-еретиками, переходящая в агонию, особенно развернулась на страницах епархиальных периодических изданий в период 1914–1915 гг. Реакционная церковная интеллигенция, воспользовавшись дискредитацией немцев вследствие войны, пыталась выставить инославные конфессии и откровенных сектантов как угрозу не только православной веры, но и государства. В статье (автор С.М.И.) «Нечто из жизни сектантов адвентистов седьмого дня» говорится, что сектантская проповедь и литература – это немецкая пропаганда для русского населения [21. С. 119]. Такая антинемецкая и антипротестантская позиция вызвана еще тем, что германская пропаганда называла русских – *«инфузориями, которые способны только жить в Сибирских тундрах»*, их союзников немецкие газеты называли *«дикарями, которых следует истреблять»* [15. С. 700]. В симбирских и самарских православных журналах упоминаются

также «исследователи Библии», «иеговисты», «книгоноши», «баптисты», «духовные христиане» и многие другие [10. С. 664]. Старообрядцы также представлены как «неправильно верующие» [16. С. 838].

Интересное мнение высказал Феодосий епископ Смоленский в своей статье «Какое отношение настоящая война имеет к Церкви Божьей?». Он пишет про конфликт с Германией, что он есть – *«натиск вражеских сил против нашего св. Православия»* [16. С. 794], т.е. тотальная война за «Веру, за Церковь Божию». В статье Феодосия немцы выступают еретиками (лютеране, штундеры, баптисты), которые смущают русский народ *«лютеровой ересью…»,* и она как *«сорная трава, проросла уже между чистою пшеницею Православия»* [16. С. 796]. Автор подметил еще то, что центральные державы, воюющие с православной Россией, свысока и пренебрежительно относятся к *«нашей истинной вере»*, в общем, как к *«религии какой-то низкой пробы»*.

Популярной темой православных журналов являлась деятельность сектантов-еретиков, авторы пытались выставить их взгляды на веру ошибочными, неправильными. В № 21 «Симбирских епархиальных ведомостей» была опубликована статья «Угодны ли Богу иные веры?» из дневника архиепископа Никона, которая начинается со слов *«истинная вера только одна. Это вера православная»* [17. С. 909]. Популярным автором на данную тематику, который часто публиковался в епархиальных журналах, был талантливый духовный писатель и священник Александр Введенский. В статье «Противосектантские и противоправославные листки» он пишет о жалобах миссионеров, которые говорят, что крестьяне отдают предпочтение сектантской литературе, *«читают больше сектантские листки…».* Сам Введенский аргументирует это тем, что, проводя параллель между своими и чужими листовками, сразу видишь, *«сектантские листки гораздо интереснее, доступнее, жизненнее…»* [14. С. 705].

Протоиерей А.П. Введенский публикует не менее интересную статью «Сторонники и защитники сектантов» о религиозном учении штундизме. С позиций автора, немцы-штундисты вредны России и российскому народу не только в смысле отступления от «святого православия», но и нелояльности царю и политической системе в целом. Суть учения заключается в том, чтобы вселить в умах невежественных и малограмотных крестьян и мещан евангельские слова о том, что *«все люди – братья и равны пред Богом»*, и, следовательно, *«земля должна быть разделена поровну»*, вести войны и убивать неприятеля нельзя, так как *«противно Евангельскому учению, а потому надо стараться избегать военной службы»*. Введенский считает немецких штундистов достаточно революционными, так как еретики открыто вербовали своих последователей и проповедовали, что царская власти и помещики в своих интересах *«забрали в свои руки большую часть земель и богатства в ущерб простому народу»* [20. С. 875].

Сторонниками и последователями сектантов оказываются чиновники, редакторы, интеллигенция, писатели и разного рода российские «прогрессисты» и даже *«наиболее просвещенные и культурные служители и прихожане православной Церкви»,* которые все чаще стали поддерживать ее врагов, идеализируют их, *«а по временам и субсидируют»*, негативно воздействуют и непосредственно влияют на русскую общественность. «Симбирские епархиальные ведомости» 1 октября 1914 г. в №19 сообщают о *«массовом и постоянном»* переходе из православной церкви в секту передовых и культур-

ных слоев российского общества, *«в последнее время приобретшем самые широкие размеры»* [16. С. 833]. Даже такая крупная политическая фигура, как бывший товарищ министра финансов, крупный российский чиновник Г. Тернер, который *«не только защищал и оправдывал сектантов, но сам был сектантом, занимался пропагандой их вероучения»* [16. С. 836]. Симпатизируют сектантам и светские журналы. В статье «Сторонники и защитники сектантов» сообщается, что «*“Русская старина”, “Русское богатство”, “Вестник Европы”, “Журнал для всех”, “Русская мысль”, “Вестник права”, “Исторический вестник”, “Новое слово” и многие другие – открыто стоят за сектантов»* [16. С. 837]. Талантливый сотрудник московской газеты «Русское слово» А.С. Панкратов в своей книге «Ищущие Бога» защищает сектантов, он пишет, что русские сектанты, идеальные во всех отношениях люди*, «и понапрасну их гонят и преследуют, напрасно на них нападают. Вместо такого неподобающего к ним отношения, лучше бы их благословлять...»* [12. С. 702].

В период Первой мировой войны православная церковь вела активную социальную работу по сбору пожертвований на нужды фронта, по призрению детей воинов, чтобы *«облегчить страдания и осушить слезы сирот»*. Так, тема «жертвы для фронта» стала центральной в епархиальных журналах. В церковной печати Самары публикуются «призывы» – «Пожертвуйте одну копейку!» или «Призыв к пожертвованиям на дело…», «Жертвуйте на нужды пострадавших от войны…» [11. С. 504].

В разделе «Епархиальная летопись» была опубликована статья о благотворительной деятельности православной церкви, работе Скобелевского комитета [9. С. 402], открытии госпиталей, санаториев, различных собраниях, заседаниях и мероприятиях. 7 августа 1914 г. в зале Симбирского епархиального училища собрались духовенство, церковные старосты, представители административных и учебных учреждений Симбирской епархии. На собрании было решено организовать помощь больным и раненым воинам, сиротам и семействам, потерявшим на войне трудоспособных. Церковные средства шли в распоряжение попечительных советов, учреждаемых при храмах [15. С. 772]. «Симбирские епархиальные ведомости» сообщают об определённом количестве материальных средств, собранных по итогам собрания: *«около 400 руб.; кроме того, Его Преосвященством было пожертвовано 300 руб., из коих 200 р. на вдов и сирот, а 100 руб. на устройство кровати при Красном Кресте и монашествующей братией Симбирского Архиерейского Дома – также 300 рублей с таким же разделением и назначением»* [13. С. 702].

В «Самарском епархиальном журнале» опубликована информация о деятельности Российского Общества Красного Креста под покровительством императрицы Марии Федоровны, призывавшего к формированию врачебных отрядов, лазаретов, питательных пунктов и ряда других вспомогательных учреждений в целях облегчения участи страждущих воинов, являющихся жертвой служения отечеству. Расход по формированию всех этих учреждений в настоящее время выразился в большой сумме и достигает около 5 000 000 руб. [11. С. 415].

По благословению Святейшего Синода по всей России производился повсеместный сбор пожертвований для оказания помощи раненым и больным воинам Сербии и Черногории. Духовная Консистория дает повеление, чтобы духовенство Симбирской и Самарской епархии точно и неуклонно исполняли его. Священники жертвовали в пользу местных комитетов по сбору пожерт-

вований для голодающих православных и униатов Галиции и Буковины. В епархиальных ведомостях публиковались благодарности за совершение материальных пожертвований.

В январском выпуске «Симбирских епархиальных ведомостей» за 1915 г. опубликован отчет о пожертвованиях: «Чрез священника с. Баевки, Сенг. у., Иоанна Невского: рубах – 48, чулок и носок шерстян. – 30, кальсон – 52, полотенцев – 14, перчаток – 40, бинтов – 55, портянок – 30 п., курток – 14, кисетов с табаком и бумагой – 33. Чрез попечительный Совет при Вознесенском Соборе было собрано: носок шерстян. – 15 п., носок бельевых – 6 п., варег шерстян. – 10 п., платков носовых – 12. От монастыря Жадовская пустынь: холста – 100 ар., полотенцев – 12… и т.д.» [19. С. 6]. Правление Симбирского духовного училища сообщило о пожертвовании Почетным блюстителем училища по хозяйственной части Н.П. Пастуховым материалов на сумму 54 руб. 69 коп. на оборудование лазарета при училище для раненых воинов.

Одним из ведущих направлений епархиальных журналов была антиалкогольная кампания. С началом войны в августе 1914 г. был введен «сухой закон» на весь период Великой войны. Он со временем распространялся не только на крепкие напитки – коньяк и водку, но и на более легкие – вино и пиво. Такая законодательная мера, предложенная царем, встретила сопротивление в обществе. Это вызвало реакцию и начало активного развития самогоноварения и тайной торговли спиртным напитками. На страницах «Симбирских епархиальных ведомостей» сообщается, что св. Синодом решено осуществить ряд чисто практических мероприятий «предупредительного характера» через церковные училища с целью *«борьбы с народным пьянством».* Протоиерей Матвея Ксанфа в статье «Праздник трезвости на Руси» пишет о пьянстве как о пагубном грехе, имеющем тяжелые последствия. Автор предлагает возносить молитвы *«о русском народе и об исцелении его от пагубного недуга – пьянства»* [11. С. 967].

Другой автор статьи «Пьянство и трезвость» священник Стефан Иванов предложил свои интересные рекомендации борьбы с «народной болезнью», нужно бороться не устройством увеселения и развлечений, не поднятием образования и условий жизни, а *«учеными беседами и убеждениями о пагубном вреде вина»* [18. С. 866]. Иванов считает, что за появление пьяного человека на улице нужно в «принудительном порядке» положить его в лечебницу.

Церковь предлагала проводить антиалкогольную кампанию с помощью «народного просвещения»: воспитания в людях духа трезвости, осуждения алкогольного опьянения. В статье «С чего мне надо начать борьбу с недугом пьянства?» (автор И.Б.Т.) предлагается начать борьбу с молитвы, веры и «хождения во храм» [25. С. 3]. Чтобы воспитать в людях дух трезвости, предлагалось организовывать специальные лекции и чтения на тему *«О трезвости, о способах борьбы с алкоголизмом»* на педагогических курсах. Также организовывались выставки и посещения в музеи.

Протоиерей В. Садовский в статье «Библиографическая заметка» рекомендует прочтение новоизданной книги «В борьбе за трезвость» архимандрита Григория, в которой содержатся 30 поучительных бесед. Поучения краткие, но «глубоко содержательны и общедоступно по изложению». Книга предоставлена для православного русского воина на фронте или лазарете [24. С. 41].

В «Листке для народа» (приложение к «Симбирским епархиальным ведомостям») священник Иоанн Сергиевский в статье «Добрый совет» пишет о положи-

тельном влиянии антиалкогольной кампании, называя русских с гордостью – *«трезвый народ…»*. Сотни тысяч русских людей сделались невольными трезвенниками, и результат налицо: *«почти прекратилось в городах и селах хулиганство, уменьшилось количество преступлений и судебных дел, связанных с употреблением водки…»*. Данный автор отмечает, что по сравнению с предыдущим 1915 г. денежные сбережения в 1916 г. увеличились [21. С. 4].

В начале 1917 г. православная печать Симбирска и Самары отражает растерянность и усталость населения. Интересна статья А. Палицкого под названием «Пир во время чумы», повествующая о праздности жителей столицы во время страшной и губительной мировой войны. Автор взывает к покаянию: *«Русские люди! Образумьтесь, опомнитесь, оглянитесь и уже поймите! Но кто поймет?..»*. Автор пишет о *«наших верных и мужественных союзниках»*, которые с ужасом смотрят на *«наше русское легкомыслие»* и готовность продать свою Родину [23. С. 6].

Социально-экономический кризис, вызванный войной, сильно ударил по материальной стороне православной церкви. В «Симбирских епархиальных ведомостях» священник Александр Боголюбов опубликовал статью «Экстренный епархиальный Съезд», где говорит о продовольственном кризисе снабжения населения, который коснулся и «святой церкви». Боголюбов указывает на то, что возникли серьезные затруднения в пшеничной муке для выпечки просфор [23. С. 14]. К 1916 г. в епархиальной печати прослеживается тематика, связанная с трудностями, лишениями, страданиями на фронте, которая особенно усиленно стала звучать после летнего масштабного поражения русской армии под Барановичами, вызвавшего настоящий шок по всей стране и давшего самую благоприятную почву для революционной пропаганды в войсках.

Отступления на фронте русской армии, ухудшение уровня жизни населения, гибель тысяч соотечественников и усталость от войны порождали пессимизм в обществе, сопровождавшийся социальными выступлениями и в феврале 1917 г. вылившийся в революцию. Николай II подписал отречение от престола. Потеряв связь с монархией, Симбирская и Самарская епархии признали новое Временное правительство. В это время еще выпускалась церковная периодическая печать (например, «Церковная правда: Свободный голос клира и мирян о церковных делах» с приложением «Известий по Симбирской епархии»). С приходом к власти большевиков журналы «Симбирские епархиальные ведомости» и «Самарские епархиальные ведомости» были закрыты и запрещены, началось время гонений на православную церковь в России.

В результате научного исследования автору удалось сформулировать научные положения и выводы, которые представляют для исторической науки несомненную научную новизну.

Установлено, во-первых, что церковные структуры во время войны на примере двух российских губерний определяли политику православной периодической печати, рекомендуя редакциям те или иные проблемы. Русская православная церковь выступала с проправительственных позиций, единым фронтом в поддержку действующей царской власти.

Во-вторых, тональность публикаций начинает изменяться по мере ухудшения социально-экономического положения местного населения, вызванного ростом цен на продукты первой необходимости, появлением продовольственного дефицита. Если на начальном периоде войны печатались патриотические тексты о победе русского оружия подо Львовом и Галичем [12. С. 574],

то к 1917 г. статьи сопровождаются пессимизмом и равнодушием, переросшими в критику власти [21. С. 6].

В-третьих, данные журналы пытались отразить «священный характер» войны с Германией и ее союзниками. Немцы выступили в качестве агрессоров, это резко повышало легитимность войны в глазах церковных иерархов, что отражалось на страницах Симбирских и Самарских епархиальных ведомостей. Целью епархиальных СМИ были сплочение российского общества и создание предпосылок для формирования массового сознания, в результате чего каждый человек должен был бы чувствовать свою сопричастность к великому и трагическому событию 1914–1917 гг., объединившему все население Российской империи.

В-четвертых, как бы ни была сильна патриотическая пропаганда православной церкви через периодическую печать, несмотря на ее активное, непосредственное участие на фронте и в тылу, а также организацию материального и духовного обеспечения (раненых солдат, детей войны, жен добровольцев и т.д.), удержать центробежные и деструктивные силы в феврале 1917 г. не получилось.

В-пятых, анализ направленности материалов, публикуемых в церковной православной печати, свидетельствует о том, что помимо решения «патриотических» задач по мобилизации на «священную войну до победного конца» своей паствы, священники Русской православной церкви решали и свои чисто конфессиональные, внутрицерковные задачи, стремясь оградить своих верующих от сектантов и «лютеранской ереси».

Литература

1. *Буранок А.О.* Русско-японская война на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» // Война и мир. 2007. № 4. С. 79–86.

2. *Ефимов Ю.Д.* Симбирск в годы Первой мировой войны: 1914–1918 / Ульян. обл. краевед. музей имени И.А. Гончарова. Ульяновск: Артишок, 2006. 368 с.

3. *Жирков Г.В.* Золотой век журналистики России. История русской журналистики 1900–1914 гг. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. 291 с.

4. *Зубова А.Б.* «Самарские епархиальные ведомости» как явление провинциальной культуры // Пятые Иоанновские чтения. Самара: Асгард, 2001. 63 с.

5. *Косых И.Н., Ястребов В.В.* Бог есть любовь. Из истории архиерейского служения в Симбирской (Ульяновской) епархии 1832–2016 гг. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2016. 203 с.

6. Русская периодическая печать (1895 – октябрь 1917). М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. 352 с.

7. *Савастенко Р.А.* Российская периодика в начале XX века и ее участие в общественно-политической жизни страны // Вестник РУДН. 2013. № 4. С. 112–121.

8. *Семенова Е.Ю.* Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 1. С. 71–85.

9. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 17, 1 сен.

10. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 21, 1 нояб.

11. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 22, 15 нояб.

12. Самарские епархиальные ведомости 1914. № 23, 1 дек.

13. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 15, 1 авг.

14. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 16, 15 авг.

15. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 17, 1 сен.

16. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 19, 1 окт.

17. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 21, 1 нояб.

18. Симбирские епархиальные ведомости 1914. № 22, 15 нояб.

19. Симбирские епархиальные ведомости 1915. № 1, 1 янв.

20. Симбирские епархиальные ведомости 1915. № 22, 15 нояб.

21. Симбирские епархиальные ведомости 1916. № 5, 1 мар.
22. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 1, 1 янв.
23. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 2, 15 янв.
24. Симбирские епархиальные ведомости 1917. № 3, 1 фев.
25. Симбирские епархиальные ведомости (Листок для народа). 1917 г. № 3, 1 фев.
26. *Энгельгардт Н.А.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. 1703–1903. СПб.: Библиополис, 2016. 447 с.
27. *Якунин В.Н.* Церковная жизнь и православная культура в Самарском крае в XVI–XX вв. // Балтийский гуманитарный журнал. 2015. № 1(10). С. 92–101.
28. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 1. Ед.хр. 1071. Канцелярия Симбирской губернии.
29. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 1. Оп. 55. Д. 8. Циркуляры по делам о цензуре и печати, для сведения и руководства.

РУХЛИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ – аспирант кафедры истории, Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова; преподаватель, Ульяновский социально-педагогический колледж, Россия, Ульяновск (Ruhlenko15@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9874-2461).

Alexey N. RUKHLIN

WORLD WAR I AND ITS REFLECTION IN SIMBIRSK AND SAMARA EPARCHIAL JOURNALS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

***Key words**: "Simbirsk diocesan Bulletin", "Samara Eparchial Bulletin", the First world war, the Russian Orthodox Church.*

The article examines the publishing activities of the provincial journals "Simbirsk Eparchial Bulletin and "Samara Eparchial Bulletin" during the world war of 1914–1917. In their periodicals, Church editors and journalists tried to support the sense of patriotism in the society and to justify Russia's role and mission in the war against the "Teutonic hordes". Also by 1916, social problems and ideological decline of the Russian monarchy are traced the journals. The author has implemented a detailed scientific analysis of previously formed knowledge and scientific approach in order to identify knowledge about the editorial and publishing policy of the Russian Orthodox Church during the war. In his scientific research, the author was guided by the historical method or, as it is formulated in another way, the principle of historicism. When conducting this research, the author relied primarily on special historical and general historical methods. The reliability of the research is conditioned by the use of real archival periodicals published in 1914–1917. The article is highly topical because using specific examples the author shows the information capabilities of the Church periodical press in war conditions.

References

1. Buranok A.O. *Russko-yaponskaya voina na stranitsakh Samarskikh eparkhial'nykh vedomo-stei* [Russian-Japanese war at the pages of Samara Diocesan Journal]. *Voina i mir*, 2007, no. 4, pp. 79–86.
2. Efimov Yu.D. *Simbirsk v gody Pervoi mirovoi voiny: 1914–1918* [Simbirsk during the First World War: 1914–1918]. Ul'yanovsk, Artishok Publ., 2006, 368 p.
3. Zhirkov G.V. *Zolotoi vek zhurnalistiki Rossii. Istoriya russkoi zhurnalistiki 1900–1914 gg.* [The Golden Age of Russian Journalism. The history of Russian journalism 1900-1914 years]. St. Petersburg, St. Peterburg University Publ., 2011, 291 p.
4. Zubova A.B. *Samarskie eparkhial'nye vedomosti kak yavlenie provintsial'noi kul'tury. Pyatye Ioannovskie chteniya* [Samara Diocesan Journal as a phenomenon of provincial culture. The 5th Ioannovsky's readings]. Samara, Asgard Publ., 2001, pp. 59–63.
5. Kosykh I.N., Yastrebov V.V. *Bog est' lyubov'. Iz istorii arkhiereiskogo sluzheniya v Simbirskoi (Ul'yanovskoi) eparkhii 1832–2016 gg.* [The God is love. From the history of the bishop's service in the diocese of Simbirsk (Ulyanovsk) in 1832–2016]. Ul'yanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya Publ., 2016. 203 p.
6. *Russkaya periodicheskaya pechat' (1895 – oktyabr' 1917)* [Russian periodicals (1895 – October 1917)]. Moscow, 1957, 352 p.
7. Savastenko R.A. *Rossiiskaya periodika v nachale XX veka i ee uchastie v obshchestvenno-politicheskoi zhizni strany* [Russian periodicals at the beginning of the XX century and its participation in social and political life of the country]. *Vestnik RUDN*, 2013, no. 4, pp. 110–121.

8. Semenova E.Yu. *Periodicheskaya pechat' i tsenzura v gody Pervoi mirovoi voiny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiiskogo obshchestva (po materialam Povolzhskikh gubernii)* [The periodical press and censorship in the years of the First World War as a factor of formation of the mindset of Russian society]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2008, no. 1, pp. 75–85.

9. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 17, Sept. 1.

10. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 21, Nov. 1.

11. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 22, Nov. 15.

12. *Samarskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 23, Dec. 1.

13. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 15, Aug. 1.

14. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 16, Aug. 15.

15. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 17, Sept. 1.

16. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 19, Oct. 1.

17. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 21, Nov. 1.

18. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1914, no. 22, Nov. 15.

19. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1915, no. 1, Jan. 1.

20. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1915, no. 22, Nov. 15.

21. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1916, no. 5, March 1.

22. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 1, Jan. 1.

23. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 2, Jan. 15.

24. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti*, 1917, no. 3, Feb. 1.

25. *Simbirskie Eparkhial'nye vedomosti (Listok dlya naroda*), 1917, no. 3, Feb. 1.

26. Engel'gardt N.A. *Ocherk istorii russkoi tsenzury v svyazi s razvitiem pechati. 1703–1903* [Essay on the history of Russian censorship in connection with the development of the press. 1703–1903]. St. Peterburg, Bibliopolis Publ., 2016, 447 p.

27. Yakunin V.N. *Tserkovnaya zhizn' i pravoslavnaya kul'tura v Samarskom krae v XVI – XX vv.* [Church life and Orthodox culture in the Samara region in the 16th–20th centuries]. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2015, no. 1(10), p. 92–101.

28. *Gosudarstvennyi arkhiv Ul'yanovskoi oblasti. F. 76. Op. 1. Ed.khr. 1071. Kantselyariya Simbirskoi gubernii* [State Archives of the Ulyanovsk Region. Archive 76. Anagraph 1. Storing Unite 1071. Chancellery of the Simbirsk province].

29. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Samarskoi oblasti. F. 1. Op. 55. D. 8. Tsirkulyary po delam o tsenzure i pechati, dlya svedeniya i rukovodstva* [Central State Archives of the Samara Region. Archive 1. Anagraph 55. Document 8. Circulars on cases of censorship and the press, for information and guidance].

ALEXEY N. RUKHLIN – Post-Graduate Student, Ulyanovsk State Pedagogical University; Teacher, Ulyanovsk Social and Pedagogical College, Russia, Ulyanovsk (Ruhlenko15@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9874-2461).

Формат цитирования: *Рухлин А.Н.* Первая мировая война и ее отражение в симбирских и самарских епархиальных журналах Русской православной церкви // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 126–138. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-126-138.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-139-146

УДК 394
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧУВАШЕЙ*

Ключевые слова: *идентичность, самооценка, история, народ, этноним, этногенез.*

В статье рассматриваются некоторые вопросы самосохранения народа в пространственно-временных координатах истории. Уделяется внимание тем значительным вехам, когда народу и его предводителям и руководителям приходилось принимать судьбоносные решения. Автор исходит из положений, что понятия «историческая идентичность» и «этническая идентичность» находятся в тесной связи с терминами «этничность» и «этническое самосознание». По мнению автора, этническая идентичность предполагает связь своего «Я» и «МЫ» со своей историей, традициями и языком. В статье предпринят краткий анализ с целью выяснения связей между историей народа и его идентичностью. Подчеркивается, что человеку свойственно желание знать историю своей семьи, малой родины, своего народа, ему интересны особенности того народа, частью которого он себя считает. Он хочет получить ответ на вопросы: кто были историческими соседями, какие произошли трансформации за последние 20 веков в истории его предков, кем они были исконно, поддаются ли реконструкции все эти компоненты. Например, в статье указывается на несовместимость этнонима «булгар» с этнонимом «савары – сапиры – савиры – сувары – суваш – чуваш» с этимологической точки зрения. К тому же ни булгары, ни савиры никогда не обитали в азиатской части Евразии. Первое упоминание саваров зафиксировал Клавдий Птолемей на Кавказе во II в. По меньшей мере идентифицировать чувашей как исторических наследников булгар у нас нет ни фактов, ни других оснований историко-филологического плана. В работе высоко оценены историческая роль и «женская сила» савирской правительницы Боа(рикс), а также подсчитана численность савирского племени по состоянию на VI в. Савиры были исключительно грамотными в техническом отношении при осаде и разрушении крепостей. Их таранные орудия пользовались популярностью как у персов, так и у византийцев. Новизна исследования заключается в сжатом, но системном анализе исторической идентичности чувашей с древности по сегодняшний день.

«Этнографическая идентичность…
вытекает из одинаковости природных условий,
хозяйства, социального и культурного развития»
[5. С. 159].

Этноним и история. Важно учесть, что самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание являются решающими демаркаторами этноса [1. С. 9]. Другими словами, этноним является основным идентификатором народа. Если такое название (в данном случае – *чăваш/чуваш*) существует и оно признается как самим народом, так и всеми соседями, значит, существует такая этническая общность.

Этноним *чуваш* прошел трансформацию в виде *савир* (*сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваш* (*сăваш*) → *чăваш* (*ťšăvaš*) [11, 19]. Вопреки распространенному мнению, что этноним не может быть самодостаточным источником в исследованиях по этногенезу, он вбирает действительную историю, а также отражает хронологическую последовательность важнейших событий.

* Исследование выполнено по плану НИР Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН «Слагаемые этнокультурной идентичности».

Конечно, в дискуссиях по происхождению и значению этнонима *савиры* и в определении его идентичности по отношению к какому-либо конкретному народу имеются разногласия. Например, исследователи одновременно относят его к поволжским суварам и восточнославянским северянам. При этом северян одни локализуют на Левобережье Днепра, другие идентифицируют их как носителей именьковской археологической культуры [9. С. 50–51], т.е. как обитателей Среднего Поволжья.

Свое мнение об этимологии названия «чуваш» (*Tschuwasch*) оставил и Август Альквист. При этом он исходил из этимологий *мордва* и *удмурт*, где *mort* или *murt* значит «человек», *wa* – «вода». Поэтому в слове чуваш он видел составные *шу* (*šu*) «вода» + словообразовательное окончание *-аш* (*-aš*). Кроме того, перед вокальным окончанием вставляется *в* (*w*). «Исходя из этого, название *чуваш* (*Čuwaš*) означает “житель на воде или реке” (водные люди, речные люди)... Единственной трудностью при этом является переход от *ç* (*ś*) к *ч* (*ć*). Но такие и еще большие изменения часто встречаются в названиях народов» [14. С. 159–160].

Если две предыдущие этимологии можно принять как примеры идентичности и частных предположений, то в литературе встречаются и априорные объяснения. Из множества таких несвязных толкований приведу лишь одно. Так, Т.Н. Евграфова согласна с тем, что «этноним *чăваш* восходит к названию сувар/суваз» [8. С. 60]. Но далее она называет исходной родиной чувашей Центральную Азию, а древнейшими предками чувашей считает болгар и суваров. Казалось бы, все верно. Тем более, что таких взглядов большинство. Но в Центральной Азии не были зафиксированы *сувары/суваз*ы. Кроме того, чуваши не могут быть одновременно субстратными наследниками и суваров, и булгар. Как бы близки ни были их история, генетические показатели и язык, сувары и булгары – два разных этноса.

Из истории чувашей. Савиров первым зафиксировал Птолемей. Согласно его описанию, в 20-х гг. II в. это племя обитало на Кавказе южнее местоположения аорсов и пагиритов [18. С. 171]. Начиная с V в. сабиров/савиров (Σάβειροι) историки активно фиксировали как участников персидско-византийских столкновений [16. С. 158; 17. С. 74, 292, 294]. Новейшие исследования не оставляют сомнений в том, что савары идентифицируются с поволжскими суварами.

С 453 г., после смерти предводителя гуннов Аттилы, образуется конфедерация, возглавляемая савирами. Туда же входили оставшиеся в Восточной Европе гунны и основная часть булгар. По состоянию на вторую половину V в. савиры обитали вдоль Каспийского моря в районе р. Кума.

Осенью 503 г. гунно-савиры предпринимают несколько походов на южные регионы Кавказа, оказавшиеся подконтрольными персам. Так, пройдя Дербентские ворота, они пересекают Албанию, доходят до Евфрата, а в 515–517 гг. приходят в Закавказье и разоряют византийские владения в Армении, Каппадокии и Месопотамии [3. С. 421].

В литературе, в том числе и в публикациях автора этих строк, анализировались исторические факты, показывающие количественную и военную мощь савирского племени.

Особую роль в истории савиров сыграла Боарикс, правившая после смерти мужа Валаха. В ее ведении находилось 100 000 воинов, говорится в источниках. В целях объединения разрозненных сил ей в 527–528 гг. при-

шлось временно стать союзницей Юстиниана и уничтожить командиров двух савирских же отрядов, перешедших на сторону персидского царя Кавада. Болгарский историк Цветелин Степанов высоко оценивает Боарикс. Ее «женская сила» трансформировалась в реальную силу, пишет он [20. С. 88].

Общая численность савиров (воины, их жены, родители и дети), по подсчетам историков, в VI в. могла составлять 1 000 000 человек. Все эти факты позволяют констатировать, что савирские племена в то время были основной силой на Кавказе и идентифицировали себя как многочисленная, самостоятельная и реальная военная мощь. Поэтому было выгодно иметь их в союзниках как византийцам, так и персам. Савиров источники идентифицируют как великолепных мастеров по изготовлению и применению легких таранов для разрушения обороняющихся крепостей. Так, их умение оказалось к месту при взятии подконтрольной византийцам Петры. С исторической точки зрения, наследники савиров (т.е. чуваши) могут говорить о своей принадлежности к кавказской идентичности [11].

В 895 г. в южнорусских степях активизируются агрессивные печенеги. Из-за этого происходит миграция населения салтово-маяцкой археологической культуры. В 896 г. венгры вынуждены покинуть насиженные места и уйти в Карпаты [21. С. 157–159]. Почти одновременно с мадьярами сувары берут курс на север. Желая сохранить свое этническое лицо, они двигаются вдоль Волги, а в самом конце IX в. оказываются у южных земель Булгарии.

Следует заметить, что савиры в своей истории не имели поражений в боевых действиях. В самых сложных ситуациях они или избегали конфликтов, или меняли место обитания. Иначе говоря, сохранение численности населения и своей идентичности всегда были их высшей ценностью.

Наиболее трагичными для суваров и булгар оказались конец XIV – первая треть XV в. Монголо-татарские войска во главе с Едигеем и его преемниками в теплые месяцы года подходили к южным окраинам Волжской Булгарии и систематически разоряли и уничтожали их. По подсчетам историка В.Д. Димитриева, не стало 32 городов и около 2000 населенных пунктов. Жители южных районов переселялись в северные районы. Произошел невиданный геноцид. Так образовалось Дикое поле. К тому же в 1366 г. в Булгарском улусе, как и во всей Орде, разразился голод из-за бесснежных морозных зим и летних засух. Затем случился мор. В одной и той же могиле хоронили по 5–20 человек. За три века население Волжской Булгарии сократилось на 75%. В том числе не стало светской и духовной элиты [7. С. 124, 142]. Это все вместе сильно ударило по идентичности всего населения Волжской Булгарии.

Из современной истории. В XXI в. об истории народа и его идентичности издается литература в большом количестве. Особенно усилились старания краеведов, журналистов и других любителей старины, тиражи таких изданий вызывают зависть. Основным опорным материалом для них являются научные и околонаучные публикации научных и вузовских работников. «Мало ли что издается», – могут возразить мне. Однако считаю, что значение этих книг в науке весьма сомнительно. Назову первые попавшиеся: Абайдаров Акпарс. Авалхи чăваш патшалăхĕсем (Древние чувашские государства). Чебоксары, 1994. 152 с.; Александров (Садур) Василий. Волжские булгары и чуваши: Гипотезы, исследования, теории. Чебоксары, 2016. 240 с.; Семенов А.С. Тайны старины глубокой: Записки любителя-этимолога. Чебоксары. 2005. 100 с. «Скромный и трудолюбивый инженер, краевед», – это про Васи-

лия Александрова. Впрочем, книга данного автора более чем выдержанная по содержанию по сравнению с другими. Например, его тезис – «Если же они и принимали ислам: то в дальнейшем окончательно теряли свои языковые и этнические особенности» – в принципе верный. В своей работе он разбирает топонимы, ойконимы, этнонимы, антропонимы, этимологии. Подробно останавливается на истории гуннов. Затем строит какие-то домыслы типа: «Итак, “Сибирь” означает первый запад от хуннов (т.е. от Алтая) до Уральских гор. Об этом можно найти в трудах Н.Я. Бичурина. Он пишет, что территория до Урала называлась “первый запад”. А потом это название перешло на весь регион. В чувашском языке “Сибирь” пишется “Çĕпĕр”… И здесь “пĕр” – первый, а “Си” и “Çĕ” схожи по звучанию, вероятно, и по значению. В современном чувашском языке нет самостоятельного слова “Çĕ”». Потом идет пространное изложение истории древних тюрков и ее связи с историей Китая. Но все это никак не относится к истории предков чувашей. Как верно замечает В.А. Шнирельман, такие «этноцентристские мифы всегда грозят расколоть полиэтничное общество, если оно не выработало никакого объединительного мифа» [13. С. 13]. Самое обидное то, что профессиональные исследователи почти ничего не делают для исправления ситуации в освещении этногенеза чувашского народа. Более того, и в их изысканиях не прослеживается фундаментальный подход. Одни называют исходной родиной предков чувашей Центральную Азию, другие – южный Кавказ, третьи – Месопотамию и Индию. Чувашей называли финнами, тюрками, зороастрийцами, суварами, булгарами и даже булгарами-суварами. Кроме печатной продукции создаются квазискульптуры, квазифильмы и квазироманы. Главное в них – задеть душу и психику народа. Авторы всех этих «шедевров» ищут и находят «героическое прошлое народа»: чем славнее их предки, тем лучше. Не имеет значения, что ими могут быть шумеры, хунны-гунны, древние тюрки, кыпчаки, персы, яфетиды… С ростом этнического самосознания и желания знать свое историческое прошлое в XXI в. возрастает и желание получить ответ на вопрос «Кто я есть?» Создается такое впечатление, будто профессионалы следуют за любителями. В такой обстановке нет никаких шансов выявить историческую и этническую идентичность чувашей.

Тем временем исследования исторической идентичности чувашей можно считать изобретениями исторического времени и пространства. Свое мнение на этот счет я уже излагал: «Если исходить из взглядов авторов публикаций, то материнскими лонами исторических предков чувашей являются соответственно Сибирь, Индия и Месопотамия. К первому направлению относим работы Н.И. Ашмарина, В.Ф. Каховского, С.Р. Малютина, Н.И. Егорова, В.П. Иванова. Хронологический диапазон обсуждаемых материалов – с древнейших времен до начала новой эры. Второе направление представлено фрагментарными высказываниями искусствоведа А.А. Трофимова, ссылающегося на труды Мегасфена, Арриана, Плиния Старшего, охватывает период с древнейших времен и завершается описанием ирано-индийских походов Александра Македонского. Третье направление (назовем его условно шумерским) представлено публикациями Н.Я. Марра, А.А. Трофимова, Г.П. Егорова и Д.Ф. Мадурова. Что касается книг, изданных В.В. Николаевым, то в них размыты все три направления. Таким образом, в предлагаемых гипотезах имеются хронологические провалы, так как они не в состоянии довести свои доводы к началу новой эры. Теоретически все три предположения должны быть доведены до логического конца:

доказаны или отвергнуты» [10. С. 13]. Несмотря на разнонаправленность и квазинаучность взглядов большинства перечисленных авторов, «в целом, чувашская история была придумана и представлена чувашской интеллигенцией как эффективный инструмент укрепления и развития национальной идентичности» [15. С. 137]. По мнению М.В. Кирчанова, если Г.И. Комиссаров и В.Ф. Смолин «писали историю Чувашии как национальную чувашскую историю», то у И.Д. Кузнецова и В.Д. Димитриева «сложились глубоко пророссийские формы истории». Следует признать, что во многих случаях чувашские историки ориентировались на взгляды ведущих российских исследователей, которые не вникали в детали и нюансы древней истории чувашского народа.

Как показывают исследования по идентичности в широком смысле, споры, дискуссии и заглядывание как в историческое прошлое, так и в будущее никогда не будут иметь конца. Допустим, что люди, сообщества и страны сумели договориться о демократических ценностях и как бы пришли к согласию. Однако нерешенные проблемы остаются.

Как показывают исследования социологов, самооценка и самоидентичность основываются и на таких стратах, как уровень благосостояния и разница текущих доходов [12. С. 8, 11].

Видимо, эти и другие жизненно важные проблемы обретут новый виток, а история будет продолжена, хотя на другом уровне. «Конец и начало истории» проявляется и на уровне субъекта Российской Федерации. Так, в ходе всенародных выборов в 1993 г. был избран первый президент Чувашской Республики. Им стал юрист Н.В. Фёдоров. Как считает сам Николай Васильевич, он многое сделал для укрепления демократического устройства, экономики и культуры республики. Казалось, что достигнуто равновесие в этом субъекте РФ, а народ и республика как бы пришли в состояние благосостояния. Н.В. Фёдоров принимал подарки в виде национальной одежды, но никогда не надевал. Редко говорил по-чувашски. Население республики, где подавляющее большинство (почти 68%) составляют чуваши, называл «народ Чувашии». В 2010 г. его сменил министр сельского хозяйства М.В. Игнатьев. Михаил Васильевич на праздники надевал одежду с чувашской вышивкой, часто говорил на чувашском. А покинув пост, в своем фейсбуке написал строки из стихотворения народного поэта Чувашии П.П. Хузангая: *Эпир пулнăˇ, пур, пулатпăр!* «Были мы, и есть, и будем!» Каждый из двух руководителей республики вписал свою историю, свое понимание. Каждый из них считал, что именно он идентичен народу, республике и исторической правде. В 2020 г. республику возглавил депутат Госдумы О.А. Николаев. У него также имеется своя версия истории народа, идентичная общероссийской и с рядом специфик. История продолжается на новом витке. Меняются ценности, меняются люди, пишутся новые страницы истории республики. Так конец одной истории порождает начало новой истории, ибо «каждая этноистория – бесконечная череда перерождений, каждое поколение заново воссоздает свою этничность, и всякий раз в чем-то по-новому… Дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию. Этничность сродни иммунной системе, которая активируется при кризисах и вирусах, а в здоровом теле неприметна, будто дремлет» [6. С. 46].

Более того, в процессе движений в области социальной истории могут появиться новые народы. Как известно, в XVIII в. действия властей по обустройству региона привели к тому, что в Уфимской провинции обосновались

казаки, состоящие в основном из крещеных татар. Их административным центром стала Нагайбакская крепость. От названия крепости новое сообщество получило этническое название нагайбаки. Наряду с татарами в него вошли также местные чуваши, марийцы и удмурты. «Вступление в 1736 г. этих групп в казачье сословие и положило начало собственно нагайбакской истории» [2. С. 134]. Говоря о «сложении» нового народа, С.Ю. Белоруссова отмечает, что «мы имеем исторические свидетельства, которые переводят этноисторию в русло конструктивизма, поскольку открывают реальную ситуацию и действующих лиц этого “сложения”» [4. С. 104]. Уход в православие или ислам, а также прямое вливание в образование новой народности приводят к потере своей идентичности. На самом деле это уже не только отказ от своей идентичности, но и конец своей истории.

Автор статьи надеется, что исследование позволило презентовать самую сжатую историю идентичности чувашского народа. Удалось обозначить основные вехи сложной и многогранной судьбы чувашей длиною в два тысячелетия во временном и от Кавказа до Волги в пространственном отношении. Некоторые положения автора могут показаться дискуссионными. Тем не менее они опираются на богатый опыт предшественников и на собственные монографические исследования. Можно предположить, что изложенные тезисы найдут отклик и продолжение в последующих публикациях коллег – этнографов, историков, генетиков, антропологов, религиоведов, языковедов, философов и фольклористов. А это уже – научный диалог.

Литература

1. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. 250 с.

2. *Атнагулов И.Р.* Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. 2015. № 2. С. 133–143.

3. *Ахмадов Я.З.* Нахоязычные народы Кавказа в источниках раннесредневекового времени (конец IV–VI вв.) // История нахов Передней Азии, Кавказа и Чечни. М.: Литера, 2019. С. 378–426.

4. *Белоруссова С.Ю.* Нагайбаки: динамика этничности. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 424 с.

5. *Бесолова Е.Б.* О «Словаре лексических общностей этнокультурного ареала Анатолия – Кавказ – Иран» // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2019. № 33. С. 146–167.

6. *Головнёв А.В.* Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. 2009. № 4. С. 46–55.

7. *Димитриев В.Д.* Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 190 с.

8. *Евграфова Т.Н.* К вопросу об этнокультурной идентификации чувашского народа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 2. С. 59–65.

9. *Жих М.И.* Ранние славяне в Среднем Поволжье по письменным и археологическим данным // Исторический формат. 2019. № 1. С. 41–59.

10. *Салмин А.К.* История чувашского народа: анализ основных версий. СПб.: Нестор-История, 2017. 464 с.

11. *Салмин А.К.* Савиры, булгары и тюрко-монголы в истории чувашей. СПб.: Нестор-История, 2019. 296 с.

12. *Тихонова Н.Е.* Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России: Социология. Этнология. 2020. № 1. С. 6–30.

13. *Шнирельман В.А.* Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 3–14.

14. *Ahlquist Aug.* Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856). Bulletin de la classe des Sciences historiqes, philologiqes et politiques de l’ Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg, 1857. XIV. S. 145-160.

15. *Kyrchanoff M.W.* Imaging Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. 2017. № 4(2). С. 134–155.

16. Prisci Historica. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C.F.P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori,

Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829, pp. 156–229.

17. *Procopii Caesariensis*. Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I-IV. Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. LXIV, 552 p.

18. *Ptolemaei Claudii*. Geographia. T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. XXIV, 284 p.

19. *Salmin A*. Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken, 2014. 147 p.

20. *Stepanov Ts*. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others. Leiden; Boston: Brill, 2010. XIII, 154 p., ill.

21. *Zimonyi I*. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. Bucureşt: Brăila, 2014. 399 p.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1072-9933).

Anton K. SALMIN

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC IDENTITY OF THE CHUVASH

Key words: *identity, self-esteem, history, people, ethnonym, ethnogenesis.*

The article deals with some issues of the ethnicity's self-preservation in the space-time coordinates of history. Attention is paid to those significant milestones when an ethnic group and its leaders had to make fateful decisions. The author assumes that the concepts of "historical identity" and "ethnic identity" are closely related to the terms "ethnicity" and "ethnic self-awareness". According to the author, ethnic identity implies the connection of one's "Ego" and "WE" with one's history, traditions and language. The article provides a brief analysis to clarify the connection between the history of an ethnic group and its identity. It is emphasized that a person is prone to know the history of his family, birthplace, his nationality, and he is interested in the features of the ethnic group of which he considers himself a part. He wants to get an answer to the questions: who were the historical neighbors, what transformations took place over the past 20 centuries in the history of his ancestors, who they were originally, whether all these components can be reconstructed. For example, the article points out incompatibility of the ethnonym "Bulgar" with the ethnonym "the Sabirs – the Sapirs – the Savirs – the Suvars – the Suvash – the Chuvash" from the etymological point of view. In addition, neither the Bulgars nor the Savirs ever lived in the Asian part of Eurasia. The Sabirs were first mentioned and recorded by Claudius Ptolemy in the Caucasus in the second century. At the very least, we have no facts or other historical and philological grounds to identify the Chuvash as the historical heirs of the Bulgars. The article highly evaluates the historical role and the "female power" of the Savir ruler Boa (rix), as well as calculates the number of the Savir tribe as of the VI century. The Savirs were extremely competent in technical terms when besieging and destroying fortresses. Their ramming tools were popular with both the Persians and the Byzantines. The novelty of the research consists in a concise but systematic analysis of the historical identity of the Chuvash people from ancient times to the present day.

References

1. Arutyunov S.A. *Narody i kul'tury: razvitiye i vzaimodeistviye* [Peoples ad cultures: development and interaction]. Moscow, Nauka Publ., 1989.

2. Atnagulov I.R. Struktura nagaibakskikh identichnostei: istoriya i faktory formirovaniya [Structure of Nagaibak's identities: history and factors of formation]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2015, no. 2, pp. 133–143.

3. Akhmadov Ya.Z. *Nakhoyazychnyye narody Kavkaza v istochnikakh rannesrednevekovogo vremeni (konets IV–VI vv.)* [Nakh-speaking peoples of Caucasus in the sources of the early-medieval time (the end of 4th – 6th centuries)]. In *Istoriya nakhov Perednei Azii, Kavkaza i Chechni* [History of the Nakhs of Front Asia, the Caucasus and Chechnya]. Moscow, Litera Publ., 2019, pp. 378–426.

4. Belorussova S.Yu. *Nagiabaki: dinamika etnichnosti* [Nagaibaks: dynamics of identities]. St. Petersburg, 2019.

5. Besolova Ye.B. *O "Slovare leksicheskikh obshchnostei etnokul'turnogo areala Anatoliya – Kavkaz – Iran"* [About "The Dictionary of Lexical Communities of the Ethnocultural Area of Anatolia-

Caucasus-Iran"]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnykh i sotsial'nykh issledovanii*, 2019, no. 33, pp. 146–167.

6. Golovnev A.V. Dreif etnichnosti [The drift of ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2009, no. 4, pp. 46–55.

7. Dimitriyev V.D. *Chuvashskii narod v sostave Kazanskogo khanstva: Predystoriya i istoriya* [The Chuvash people within Kazan khanate: prehistory and history]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2014.

8. Evgrafova T.N. K voprosu ob etnokul'turnoi identifikatsii chuvashskogo naroda [On ethnocultural identification of the Chuvash people]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*, 2014, no. 2, pp. 59–65.

9. Zhykh M.I. *Ranniye slavyane v Srednem Povolzh'ye po pis'mennym i arkheologhicheskim dannym* [Early Slavs in the Middle Volga according to written and archeologic data]. *Istoricheskii format*, 2019, no. 1, pp. 41–59.

10. Salmin A.K. *Istoriya chuvashskogo naroda: analiz osnovnykh versii* [History of the Chuvash people: analysis of key versions]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017.

11. Salmin A.K. *Saviry, bulgary i tyurko-mongoly v istorii chuvashei* [Savirs, Bulgars and Turko-Mongols in the history of the Chuvash]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019.

12. Tikhonova N.Ye. Osobennosti identichnostei i mirovozzreniya osnovnykh strat sovremennogo rossiiskogo obshchestva [Peculiarities of identities and world view of the main strata of the modern Russian society]. *ir Rossii: Sotsiologhiya. Etnologhiya*, 2020, no. 1, pp. 6–30.

13. Shnirel'man V.A. Etnoghenez i identichnost': natsionalisticheskiye mifologhii v sovremennoi Rossii [Ethnogenesis and identity: nationalistic mythologies in modern Russia]. *Etnograficheskoye obozreniye,* 2003, no. 4, pp. 3–14.

14. Ahlquist Aug. Aus einem Briefe des Candidaten Aug. Ahlquist an Herrn A. Schiefner (Lu le 22 août 1856). In *Bulletin de la classe des Sciences historiqes, philologiqes et politiques de l' Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*. 1857. XIV, S. 145-160.

15. Kyrchanoff M.W. Imaging Chuvash historical time: historical continuities and intellectual failures In *Tractus aevorum: evolyutsiya sotsiokul'turnykh i politicheskikh prostranstv,* 2017, no. 4(2), pp. 134–155.

16. Prisci Historica. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829, pp. 156-229.

17. Procopii Caesariensis. Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I-IV. Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905.

18. Ptolemaei Claudii. Geographia. T. I. Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843.

19. Salmin A. Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. Saarbrücken, 2014.

20. Stepanov Ts. The Bulgars and the Steppe Empire in the Early Middle Ages: The Problem of the Others. Leiden; Boston, Brill, 2010.

21. Zimonyi I. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. Bucureşt,Brăila, 2014.

ANTON K. SALMIN – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, Russia, St. Petersburg (antsalmin@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1072-9933).

Формат цитирования: *Салмин А.К.* Историко-этнографическая идентичность чувашей // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 139–146. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-139-146.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-147-158

УДК 323.1:366.636 (512.111=470.57)
ББК 76.00(2Рос.Баш)

Ф.Г. САФИН, Э.А. МУХТАСАРОВА, А.И. ХАЛИУЛИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕДИАЛАНДШАФТ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере чувашеязычных массмедиа в Башкортостане)

Ключевые слова: *средства массовой информации, подписка, периодические издания, Чувашия, Башкортостан, массмедиа, тираж, чувашский язык, читатели.*

В данной статье на основе материалов архива Государственной книжной палаты Республики Башкортостан, Уфимской федеральной почтовой связи Республики Башкортостан – филиала ФГУП «Почта России», а также данных из текущих архивов ряда районов с компактным расселением чувашского населения проведено исследование национально-языковых потребностей чувашей в сфере печатной продукции. В двух – Аургазинском и Бижбулякском – районах с высоким удельным весом чувашей издаются газеты на чувашском языке. В других районах в целях удовлетворения своих национально-языковых потребностей чувашское население выписывает периодическую печать из Республики Чувашия на чувашском языке.

Ассортимент выписываемых периодических изданий представлял широкий выбор жанров по интересам. Если учителя и педагоги чувашских школ в Башкортостане в основном выписывали учебную и учебно-методическую литературу на чувашском языке, то значительная часть подписчиков предпочитала газеты и журналы о жизни и быте своих соплеменников в одноименной республике.

В период перестройки советского общества с октября 1989 г. в Башкортостане начали издавать республиканскую газету на чувашском языке «Урал сасси» («Голос Урала») с периодичностью один раз в неделю, которая получила массовый спрос среди чувашского населения республики. Анализ подписки на периодические издания на чувашском языке в Республике Башкортостан на современном этапе показывает, что чувашское население меньше стало читать на языке материнского этноса в пользу чтения газет и журналов на русском языке.

Средства массовой информации всегда выступали не только как инструмент идеологической составляющей, но и как важный показатель этничности, сохранения родного языка и этнокультурной идентичности. В многонациональной Республике Башкортостан, в которой компактными группами проживают несколько этнических групп, составляющих свою языковую среду, роль массмедиа приобретает особую актуальность, связанную с необходимостью удовлетворения их этнокультурных потребностей. В этом смысле классическим примером такой этнической группы выступают чуваши Башкортостана, которые по численности превышают более 100 тыс. человек, и они в ряде районов составляют значительную долю в структуре населения, превышая более одной трети их части [3]. Например, в двух районах – Аургазинском и Бижбулякском, в которых в 1939 г. чуваши составляли одну треть (32,4% и 35,3%, соответственно) населения [3. С. 58–77], еще с 1930-х гг. районные газеты, наряду с изданиями на русском и татарском языках, выпускались и на чувашском.

В Башкортостане в 1988 г. из всех выпускаемых газет на башкирском языке издавалось – 14,0%, на татарском – 16,4%, на русском – 66,7%, на чувашском и марийском – 1,2%, на удмуртском – 0,6% [1].

Газеты, выходящей в республиканском масштабе на чувашском языке, еще не было, она появилась лишь в конце 1980-х гг.

По данным текущего архива Книжной палаты Республики Башкортостан, всего количество двух районных газет – в Аургазинском и Кармаскалинском районах – на чувашском языке за год составляло 311 номеров и их разовый тираж для двух районов, например, в 1988 г. достигал 4371 экземпляра [1]. Обычно районные газеты выходили по три раза в неделю. В ходе перехода к рыночным отношениям количество номеров в неделю сократилось. Если в 1990-е гг. районные газеты выпускались в неделю два раза, то с начала 2000-х гг. их издавали один раз в неделю с увеличенным объемом – до 16 страниц.

Как одно из достижений периода перестройки и гласности стало начало издания газеты в республиканском масштабе под названием «Урал сасси» («Голос Урала») на чувашском языке один раз в неделю, первый номер которой вышел в 1989 г. Вновь появившаяся газета сразу же получила массовый спрос среди чувашского населения республики. Ее разовый тираж составлял около 3 тыс. экземпляров, и долгие годы подписка на нее оставалась стабильной [12].

Вместе с тем необходимо отметить, что в советский период, когда цена подписка на периодические издания была невысокой, чувашское население в целях удовлетворения национально-языковых потребностей выписывало газеты и журналы из Республики Чувашия. Ассортимент выписываемых периодических изданий представлял широкий выбор по интересам. Если учителя и педагоги, особенно языковеды, в основном выписывали учебную и учебно-методическую литературу на своих национальных языках, то большая часть подписчиков предпочитала газеты и журналы по интересам – о жизни и быте своих соплеменников в одноименной республике. Вместе с тем в Башкортостане газеты и журналы для детей дошкольного и школьного возрастов, кроме как на башкирском языке, не издавались. Поэтому периодические издания школьники выписывали из соседних республик Урало-Поволжья. Особым спросом детьми дошкольного и школьного возрастов в Башкирии пользовались такие издания из Чувашии на чувашском языке, как «Тантăш» («Ровесник») и «Тетте» («Игрушки»). Разовый тираж молодежной газеты «Тантăш» в 1996 г., выписываемой чувашскими школьниками Башкортостана, составлял около 600 экз., а журнала «Тетте» – более 200 экземпляров [12].

Общий тираж периодической печати, выписываемой чувашским населением Башкортостана из Республики Чувашия на чувашском языке, в 1996 г. превышал более 3,5 тыс. экземпляров [12]. Однако по мере углубления кризиса, связанного с событиями августа 1998 г. (дефолтом), общий тираж периодической печати, выписываемой из Республики Чувашия, существенно снизился. На январь 1999 г. совокупный тираж из Чувашии составил немногим более 1 тыс. экз., т.е. по сравнению с 1996 г. произошло сокращение почти в 3 раза. Наибольшим спросом среди чувашей республики пользовались газеты «Тантăш» («Ровесник»), «Çилçунат» («Пегас»), «Капкан», а также журналы «Тăван Атăл» («Родная Волга»), «Ялав» («Знамя»), в том числе детский журнал «Тетте» («Игрушки»), которые выходили в Чувашии. Вариация тиража данных изданий составляла от 200 до 1700 экземпляров. Например, газету «Тантăш» на 1 января 1996 г. выписывало 572 подписчика, «Çилçунат» («Пегас») – 212, «Капкан» – 352. Тираж журнала «Тăван Атăл» («Родная Волга») в том году доходил до 1632 экземпляров, «Ялав» («Знамя») – 1071 экземпляра. Однако из года в год подписка на чувашеязычные издания из Чувашии постепенно сокращалась. Основной причиной уменьшения количества подписных изданий является не только вышеотмеченный кризис 1998 г., но и то,

что население меньше стало читать газеты и журналы, так как бурно развивающиеся кабельное телевидение и Интернет-ресурсы практически вытеснили из пользования бумажных носителей информации. В 1999 г. общий тираж подписных изданий на чувашском языке из Чувашии претерпел существенное сокращение. Если подписка на детский журнал «Тетте» уменьшилась более чем в 1,6 раза, то тираж газеты «Капкан» сократился почти в 4 раза [12].

Если рассматривать данную тенденцию в разрезе районов, то видно, что основная масса подписчиков приходится не только на районы с высоким удельным весом чувашского населения, но и на те, в которых чуваши представлены небольшой долей, в том числе такие, как – Ермекеевский, Миякинский, Куюргазинский и др. А в таких районах, как Бижбулякский, Аургазинский, Белебеевский, с высокой долей чувашского населения, подписка на газеты и журналы из Чувашии, например, в 1996 г. составлял от 300 до 600 экземпляров. Разовый тираж только одного журнала «Тăван Атăл» в Аургазинском районе в разные месяцы 1996 г. доходил до 350 экземпляров. Правда, в последующие годы наблюдалось сокращение ряда изданий более чем в 3 раза [12]. В то же время, несмотря на значительную долю чувашей в составе населения ряда районов – Белебеевском – 19,5%, Ермекеевском – 14,5%, Миякинском – 9,3%, Шаранском – 9,7%, Кармаскалинском – 9,3%, Гафурийском – 7,8%, Куюргазинском – 7,3%, Стерлитамакском – 12,3%, Федоровском – 12,2%, там никогда не издавались дубляжи районных газет на чувашском языке [5]. Поэтому свои национально-языковые потребности чувашское население пыталось по возможности реализовать подписными изданиями, выходящими в Чувашии и за счет республиканской газеты «Урал сасси».

В Бижбулякском и Аургазинском районах районные газеты в 80–90-е гг. XX столетия выходили на русском, татарском и чувашском языках. Более подробный анализ подписки на районные газеты показывает, что выпускаемый тираж не всегда соотносится с национальным составом населения данных районов. Например, при удельном весе русских немногим менее 5% в общей структуре населения Аургазинского района [3. С. 71] русскоязычный дубляж в 1996 г. превысил более одной трети всего тиража районной газеты (35,0%) [7]. А тираж районной газеты на татарском языке составил 37,1% [7], тогда как татарское и башкирское население, вместе взятое, составляло 58,9% [3. С. 71]. А общая подписка на чувашеязычный дубляж равнялась – 28,2%, что на 4% ниже доли чувашского населения Аургазинского района (32,2%). Аналогичная тенденция наблюдалась и в Бижбулякском районе, в котором доля чувашей в составе населения превышала немногим более трети (37,5%), а русские – всего лишь 10,4% [3. С. 71]. При этом тираж чувашеязычного дубляжа районной газеты за рассматриваемый период не превышал 15%, а русскоязычное издание, наоборот, составило более половины численности всех подписчиков (58,8%) [9].

Иными словами, чуваши в этих двух районах, несмотря на их высокий удельный вес в составе населения и на высокую долю признания родным языка своей национальности, при подписке на периодические издания отдают предпочтение газетам и журналам на русском языке, нежели на родном чувашском. Такая же тенденция характерна и для нерусских народов, которые больше выписывают периодику на русском, чем на родном. Попутно отметим, что среди чувашского населения этих двух районов, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., высоким остается признание родным языка своей национальности, соответственно – 97,7% и 91,3% [4. С. 94, 108], что значительно превышает среднереспубликанский уровень – 76,5% [4. С. 80].

В Аургазинском и Бижбулякском районах общая подписка на издания на чувашском языке, выписываемые из одноименной республики, в 1996 г. составляла 750 и 630 экземпляров, соответственно. Если в 1995 г. общий тираж периодических изданий из Чувашии в Бижбулякском районе равнялся 580 экземплярам, то в следующем году он существенно пополнился, достигнув 630 экземпляров. Аналогичные тенденции роста наблюдались в Белебеевском, Кармаскалинском и Миякинском районах [12], в которых показатели подписки выросли до 1,6 раза.

Издаваемая в республиканском масштабе газета «Урал сасси» на чувашском языке также пользовалась большим спросом среди чувашского населения Башкортостана. В таких районах со значительной численностью чувашского населения, как Бижбулякский, Миякинский, Аургазинский, общий тираж подписки «Урал сасси» в 1997 г. достигал более 500 экземпляров, а в Белебеевском и в Кармаскалинском, соответственно, 320 и 213 экземпляров [12]. Анализ признания родным языка своей национальности среди чувашей в этих и в ряде других районов показывает, что наибольшая доля сохранения родного языка отмечена у сельских жителей. Так, например, самая высокая доля с родным чувашским языком, наряду с Аургазинским (97,7%), отмечена в Миякинском (96,5%), Кармаскалинском (95,9%), Чекмагушевском (93,8%), Ермекеевском (92,2%) районах [4. С. 94, 127, 137, 148, 163], в которых чувашское население проживает компактно и имеет свою языковую среду. Поэтому в середине 1990-х гг. подписка на периодические издания на чувашском языке оставалась еще сравнительно высокой, хотя в своем большинстве чувашское население при чтении газет и журналов уже больше ориентировалось на русский язык, нежели на родной.

Данные подписки на чувашеязычные издания из Республики Чувашия за рассматриваемый период 1990-х гг. показали существенное сокращение (в 2,7 раза) выписываемой продукции чувашским населением республики.

Для сравнения отметим, что при одинаковой численности чувашского и марийского населения в республике тираж периодической печати за рассматриваемый период, выписываемой населением из Республики Марий Эл на марийском языке, по сравнению с общим тиражом продукции на чувашском языке из Чувашии был существенно выше.

Если общий тираж из Республики Чувашия в 1996 г. составил 3035 экземпляров, то общая подписка из Республики Марий Эл доходила почти до 6 тыс. экземпляров. К 1999 г. здесь также наметилось существенное сокращение – почти в 2,5 раза [12].

Что касается передач на радио и телевидении, то следует признать, что передачи на чувашском языке в Башкортостане весьма минимальные. Например, в 1995 г. годовой объем передач на каналах телевидения на чувашском, марийском, удмуртском языках составлял всего лишь 13,7 часа, или 1,0% от всего объема времени. В 1996 г. на эти языки было выделено 5,5 часа передач, или всего 0,4% [13].

Начиная с 1995 г. с открытием нового канала телевидения появилась возможность увеличения объема республиканского вещания. Однако технические возможности не позволили башкирским телевизионщикам увеличить объем времени на национальных языках, и преобладающую часть передач (82,7%) составляло вещание на русском языке, 14,0% – на башкирском, 3,2% – на татарском и всего лишь 0,1% – на других языках [12].

Ряд передач на чувашском языке («Ентешсем», «Аван»), которые представлялись в эфире башкирского телевидения в 2012 г. наряду с татарскими и марийскими, почему-то закрылся.

Проведенные нами этносоциологические исследования также выявили неудовлетворенность значительной части чувашского населения Башкортостана состоянием передач на радио и телевидении на чувашском языке.

Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что технические возможности ГТРК «Башкортостан» в 1990-е гг. не позволяли транслировать передачи радио и телевидения из соседних республик Урало-Поволжья, в том числе из Чувашии, хотя попытки решения данной проблемы имели место. Так, например, Президиум Верховного Совета республики в 1992 г. принял постановление «О дальнейшем развитии телевидения и радиовещания в Республике Башкортостан», в котором планировалось создание программы телевещания с включением в него программ других регионов, в том числе и телевидения Чувашии [2. С. 395–396]. Однако по ряду причин, в том числе из-за технических возможностей, эти меры остались лишь на бумаге. Единственное, что удалось: с июля 2010 г. (после ухода с должности Президента Республики Башкортостан Муртазы Рахимова) начали транслироваться передачи на татарском языке из Республики Татарстан. Даже создание Чувашского национального телевидения «Чăваш Ен» в 2017 г. и переход на цифровое телевидение не позволили транслировать на республику передачи из Чувашии на чувашском языке, тем самым лишив возможности чувашского населения республики удовлетворять свои национально-языковые потребности в сфере массмедиа, что, в свою очередь, ограничивало дальнейшее сохранение и развитие родного языка, этнокультурной и этноязыковой идентичности чувашской этнической группы в Башкортостане. Правда, спутниковое телевидение предоставляло возможность смотреть передачи из Республики Чувашия. Однако слишком дорогая цена «тарелки» спутникового телевидения и ее установки не стали востребованными со стороны массового потребителя. Начиная с ноября 2019 г. оператор «Уфанет» начал трансляцию передач Чувашского национального телевидения «Чăваш Ен» на 161-м канале на чувашском языке. Аналогичную программу «Чăваш Ен» в своем 160-м канале начал транслировать ПАО «Ростелеком». Эти события воистину стали настоящим праздником для чувашского населения республики, поскольку передачи Чувашского национального телевидения «Чăваш Ен» ведутся круглосуточно.

В Башкортостане в сфере издания книжной продукции в начале 1990-х гг. преобладали издания на русском и башкирском языках. В начале 2000-х гг. приоритеты отдавали изданиям на башкирском языке (до 65%). Однако общий тираж все же был в пользу изданий на русском языке.

Как показывают данные Государственной книжной палаты Республики Башкортостан, до 2006 г. в республике книги и брошюры издавались на трех языках: русском, башкирском и частично татарском. Ситуация изменилась в 2006 г. с выходом единственного в своем роде издания на удмуртском языке. В последующие годы увидели свет издания на чувашском и марийском языках. Например, в 2008 г. на чувашском языке были изданы 22 печатные единицы общим тиражом 2200 экземпляров, а в последующие годы чувашеязычные издания не зафиксированы. Хотя на марийском языке, например, в 2008 и 2009 гг. вышло по три издания общим тиражом – 6540 экземпляров [1].

В начале 2000-х гг. в республике имелись порядка 150 наименований городских, районных и объединенных газет, которые издавались на нескольких языках. Газеты в основном выходили на языке большинства населения района, в некоторых из них выпускались дубляжи, которые, в свою очередь, способствовали удовлетворению национально-языковых потребностей этниче-

ских групп, проживающих в данном районе. В районах со значительной долей чувашского населения, Аургазинском и Бижбулякском, наряду с выпуском районной газеты на чувашском языке продолжалось издание дубляжей на татарском и русском языках [1].

С конца 1989 г. в республике выходит 3 наименования газет на чувашском языке, разовый тираж которых в 2000 г. составлял 14 525 экземпляров, при их годовом тираже почти 900 тыс. экземпляров. Однако из года в год их тираж постепенно сокращался и в 2009 г. составил 4389 экземпляров, при снижении в 3,3 раза, а в 2015 г. – менее 3 тыс. экземпляров.

Из них местные газеты Аургазинского и Бижбулякского районов, которые в течение нескольких десятилетий выходили на трех языках: русском, татарском и чувашском, с 2007 г. стали выпускать еще и на башкирском. В первые годы тираж этих газет на башкирском языке достигал 600. Но постепенно они стали терять своих читателей, и с 2019 г. в обоих районах башкирские дубляжи газет остались только как электронные варианты.

Районные газеты всегда оставались летописцем жизни районов, служили своему читателю. И нынешнее поколение работающих в ней газетчиков продолжает традиции отечественной журналистики, так как районная газета Аургазинского района начала издаваться в 1931 г. под названием «Җиңү өчен» («За победу»). Сначала «районка» выходила только на татарском языке (доля татар в составе населения района по данным переписи 1939 г. составила – 35,1% [3. С. 58]), с 1933 г. – на чувашском (доля чувашей – 32,4%) – «Ленин çулĕпе» («По ленинскому завету»), с 1956 г. – и на русском (доля русских – 8,5%). Она изменила название на «Путь Родины» («Ватан юлы», «Çĕршыв çулĕ»). А сегодня известна как «Аургазинский вестник» («Авыргазы хәбәрчесе» – на татарском языке и «Аургазăн хыпарçи» – на чувашском языке). Стоимость подписки на 2020 г. составляла 975 руб. Разовый тираж «районки» на чувашском языке в среднем составлял около 1000 экземпляров. Однако в последние годы тираж чувашеязычного издания резко сократился. В 2019 г. разовый тираж районной газеты «Аургазăн хыпарçи» составил 416 экземпляров, тогда как на татарском «Авыргазы хәбәрчесе» («Аургазинский вестник») – 1097 экземпляров, а на русском «Аургазинский вестник» – 2175 экземпляров. На 1 января 2020 г. тираж районной газеты на чувашском языке сократился до 381 экземпляра, на татарском до 956 экземпляров и на русском до 1900 экземпляров [7]. Хотя доля русских в структуре населения района, по данным Всероссийской переписи 2010 г., составила всего лишь – 6,4% [2. С. 94]. Как видим, значительная часть представителей всех нерусских народов, составляющих более 90% населения Аургазинского района, также предпочитает чтение газет и журналов на русском языке.

Районная газета Бижбулякского района «Светлый путь» (на чувашском языке – «Çутă çул») выходит с 1931 г. на трех языках – русском, татарском и чувашском. С 1962 по 1965 г. выпуск газеты был приостановлен. С 27 августа 1991 г. она издается как общественно-политическая газета Бижбулякского района. Более года газета выпускалась только на русском языке, и лишь с 1 июля 1993 г. был возобновлен выпуск на чувашском и татарском языках. Из года в год тираж районной газеты «Çутă çул» на чувашском языке сокращается. На первое полугодие 2020 г. общий тираж районной газеты составлял 3282 экземпляра: из них «Светлый путь» на русском языке – 1946 экземпляров, «Якты юл» на татарском – 904 экземпляров и «Çутă çул» на чуваш-

ском – 416 экземпляров. Это особенно заметно в районном центре с. Бижбуляк. На 1 января 2020 г. на районную газету на чувашском языке в с. Бижбуляк не было подписано ни одного экземпляра, тогда как тираж русскоязычного издания «Светлый путь» составил 302 экземпляра, а татароязычного дубляжа «Якты юл» всего лишь – 4 экземпляра [9]. Иными словами, при почти равной численности татар и чувашей в Бижбулякском районе, несмотря на высокий уровень признания ими родным языка своих национальностей, языковые предпочтения представителей этих этнических групп направлены на чтение на русском языке.

Разовый тираж подписки на газету «Урал сасси» в 2004 г. составил более 3 тыс. экземпляров при годовом тираже почти 174 тыс. К 2010 г. наблюдалось общее сокращение как разового, так и годового тиража, соответственно, 2650 и 153 тыс. экземпляров. Наибольшее количество подписчиков отмечено в Белебеевском районе – немногим более 400 (г. Белебей и населенные пункты, административно входящие в Белебеевский горсовет) [8], где, по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., чуваши составляли – 13 660 человек [4. С. 100], что является самым высоким показателем численности чувашей среди районов и городов в республике после г. Стерлитамак (14 309) [4. С. 88]. В Белебеевском районе также высокой оставалась подписка не только на газету «Урал сасси», но и на периодические издания на чувашском языке, выписываемые из Республики Чувашия. Массовым спросом населения пользовались такие издания, как журнал «Тăван Атăл» («Родная Волга»), тираж которого в разные месяцы 2005 г. по республике составил более 130 экземпляров, выпускаемая для школьников и молодежи еженедельная газета «Тантăш» («Ровесник») с тиражом более 250 экземпляров, а также рассчитанный на детей дошкольного и младшего школьного возрастов журнал «Тетте» («Игрушки»), тираж которого в 2005 г. составил около 240 экземпляров [12].

Несмотря на значительную численность чувашей в Белебеевском районе (13 660 человек), общий тираж подписки на всю печатную продукцию на чувашском языке в 2010 г. составил немногим более 500 экземпляров. Если учитывать то, что 73,8% чувашского населения района в качестве родного отметили язык своей национальности, то данный показатель подписки является совсем небольшой величиной для населения муниципального района Белебеевский район[1]. Вместе с тем 26,3% чувашей Белебеевского района признали родным русский язык, в самом г. Белебей доля чувашей с родным русским языком составляет немногим менее одной трети (31,4%) данной этнической группы [4. С. 100–103], что косвенно можно предположить, что русскоязычное чувашское население больше ориентировано читать газеты и журналы на русском языке, нежели на языке своей этнической группы, поскольку одна треть чувашей стала русскоязычной и данная тенденция потери родного языка не только среди чувашей, но и у других нерусских народов только усиливается. Такая тенденция также характерна для Ермекеевского, Давлекановского, Стерлитамакского, Шаранского и ряда районов с значительным удельным весом чувашского населения. В населенных пунктах данных районов доля русскоязычной прессы намного превышала тираж подписных изданий на чувашском языке [12].

Вместе с тем, несмотря на высокий спрос русскоязычных газет и журналов, подписка на периодические издания на чувашском языке все же остается

[1] Вместе с г. Белебей и пгт. Приютово.

востребованной. Тяга к родному языку у определенной части чувашского населения, особенного старшего поколения, совсем не иссякла. Например, в Аургазинском районе, в котором 97,7% чувашей в качестве родного отметили чувашский язык [4. С. 80], подписка на газету «Урал сасси» в 2010 г. составила около 400 экземпляров, а районной газеты «Аургазăˆ хыпарçи» – немногим менее 2 тыс. экземпляров [7], тем самым в определенной степени удовлетворяя национально-языковые потребности чувашского населения района.

Однако уровень содержания газет, особенно районных, в условиях трансформации российского общества, не в полной мере соответствует тем требованиям, которые хотел бы видеть современный человек. Видимо, поэтому, несмотря на повышение стоимости подписки, переход части населения, особенно молодежи, к электронной форме получения информации, все же определенная часть чувашей считает наиболее приемлемым обращение к периодическим изданиям, выходящим в Республике Чувашия.

Вместе с тем к сокращению подписки на чувашеязычные издания в целом необходимо подходить комплексно. Во-первых, с 1970-х по 2010 гг. абсолютная численность чувашей заметно сократилась (почти на 15 тыс. чел.), во-вторых, резко снизилась доля чувашей с родным языком своей национальности в пользу русского, в-третьих, увеличился удельный вес чувашей горожан в 1,8 раза, в-четвертых, резко сократилась численность учащихся в школах с чувашским языком. Все это вместе, в определенной степени, также повлияло на общий уровень подписки на чувашском языке. В ряде районов, как, например, в Альшеевском, подписка на некоторые издания сократилась от 2,5 до 6 раз. Подписка на газету «Урал сасси» в 2010 г. составила всего 41 экземпляр, а на все чувашеязычные издания – 72 экземпляра. Следует отметить, что за межпереписной период с 2002 по 2010 г. численность чувашей в Альшеевском районе сократилась в 1,4 раза [4. С. 91].

Аналогичные показатели подписки на чувашеязычные издания в Чекмагушевском районе, в котором районная газета «Игенче» («Хлебороб») выходит на языке преобладающего по численности татарского населения. Анализ подписки деревень Юмашево и Новосеменкино Чекмагушевского района с чувашским населением показал, что на эти населенные пункты приходится более 60 экземпляров районной газеты на татарском языке, которым одновременно владеет наряду с родным чувашское население. Такая тенденция характерна и для соседних с Чекмагушевским Шаранского, Ермекеевского и Туймазинского районов, расположенных в западной части Башкортостана, граничащих с Республикой Татарстан. Если подписка на республиканскую газету «Урал сасси» на чувашском языке жителями отмеченных деревень Чекмагушевского района Новосеменкино и Юмашево в 2019 г. составляла 53 экземпляра, то на районную газету «Игенче» на татарском языке – 58 экземпляров, а такие республиканские газеты на татарском языке, как «Кызыл таң» («Красная заря») и «Өмет» («Надежда»), также имели своих читателей. Жителями деревни Юмашево из Чувашии ежегодно выписываются от 2 до 10 экземпляров таких периодических изданий, как «Чăваш хĕрарăмĕ» (Чувашская женщина) – 6 экземпляров, «Тăван Атăл» – 3 экземпляра, «Халăх шкулĕ» («Народная школа») – 2 экземпляра и т.д. [11].

В Ермекеевском, Кармаскалинском, Стерлитамакском, Федоровском районах, в которых в значительной степени представлено чувашское население, также высокой остается подписка не только на республиканскую газету

«Урал сасси», но и на газеты и журналы, выходящие в Чувашии. Общий тираж на чувашском языке в 2010 г. по Кармаскалинскому району составлял более 200 экземпляров, Стерлитамакскому – 150 экземпляров. Газета «Урал сасси» также большим спросом пользуется среди читателей Ермекеевского и Федоровского районов, в которых разовый тираж в 2010 г. составлял 210 и 190 экземпляров [12].

Анализ периодической печати на чувашском языке в новейший период показывает, что в начале 2000-х гг. и в последующие годы подписка на чувашеязычные издания имела тенденцию постепенного сокращения. Например, если в 2010 г. общий разовый тираж республиканской газеты «Урал сасси» на чувашском языке составил 2650 экземпляров, то в 2015 г. он сократился до 1758 экземпляров [12].

Наибольшая подписка на данное издание в 2015 г. отмечена в Кармаскалинском районе – 535 экземпляров, Белебеевском – 264, Аургазинском и Бижбулякском – 261 [12]. На первое полугодие 2020 г. подписка на «Урал сасси» («Голос Урала») в Белебеевском районе сократилась – до 168 экземпляров, в Бижбулякском – до 171, в Аургазинском – до 170, в Ермекеевском – до 71 экземпляра [12]. Следовательно, можно предположить, что национально-культурные потребности чувашского населения региона удовлетворяются частично.

Также наблюдалось существенное сокращение подписки на периодические издания, выпускаемые в Республике Чувашия. Если в 2010 г. общий тираж подписных изданий доходил до 470 экземпляров, то в 2015 г. разовый тираж из одноименной республики составлял 199 экземпляров, в следующем 2016 г. он сократился до 111 экземпляров, а во втором полугодии 2017 г. снизился до 85 экземпляров [12]. Иными словами, за 7 лет новейшей истории общий тираж СМИ из Республики Чувашия на чувашском языке сократился еще в 5,5 раза.

Несмотря на некоторое сокращение подписки на массмедиа из Чувашии, стабильным оставался тираж выписываемых газет и журналов, связанных с профессиональной, гендерной направленностью. Например, журнал «Народная школа» («Халăх шкулĕ») освещает деятельность образовательных организаций Чувашской Республики, опыт преподавания школьных предметов, а также вопросы чувашской культуры, литературы, языка и краеведения. Данный журнал особой популярностью пользуется среди учителей чувашского языка и литературы. Однако с переходом многих школ на русский язык обучения востребованность данного журнала резко уменьшилась. Если еще в советское время, да и в постсоветский период, в школах ряда районов с чувашским языком обучения подписка на журнал «Халăх шкулĕ» исчислялась десятками, то в последние годы вообще осталась единицы. Например, в Белебеевском и Чекмагушевском районах данный журнал на первое полугодие 2020 г. отмечен на уровне двух единиц [8, 11], а в Бижбулякском – одной [9]. Такая же картина в Кармаскалинском [10] и Аургазинском [7] районах.

Газета «Чăваш хĕрарăмĕ» (Чувашская женщина) особой популярностью пользуется у прекрасной половины. Выходящая тиражом более 7 тыс. экземпляров газета нашла своих поклонниц и среди чувашских женщин Башкортостана. Например, если тираж разовой подписки по Бижбулякскому району на 2019 г. составил 9 экземпляров, то на первое полугоде 2020 г. количество подписчиков выросло до 18 человек [9]. По Белебеевскому району наблюда-

лась обратная картина, если в 2019 г. было 4 экземпляра, то в 2020 г. – всего лишь 1 экземпляр [8].

Издаваемая в Чувашии общественно-политическая газета объемом 16 страниц один раз в неделю «Çамрăксен хаçачĕ» («Молодежная газета») пользуется большим спросом среди чувашской молодежи республики. Из более 10 тыс. экземпляров тиража определенная часть приходится на читателей из Башкортостана. Хотя в последние годы в связи с падением интереса к газетной продукции разовый тираж данного издания заметно упал, как и тираж журнала для дошкольников и младших школьников на чувашском и русском языках «Тетте» (Игрушки). Если разовый тираж журнала «Тетте» в 2010 г. в Белебеевском районе составлял – 62 экземпляра, то на 1 января 2020 г. – всего лишь 3 экземпляра, а по Бижбулякскому – 7 экземпляров [12].

Иными словами, анализ подписки на периодические издания на чувашском языке в Республике Башкортостан показывает, что чувашское население меньше стало читать на языке материнского этноса в пользу чтения газет и журналов на русском языке. Такая тенденция прежде всего объясняется тем, что даже в районах с одноязычным чувашским населением обучение в школах ведется на русском языке [6. С. 169–182]. Следствием этого является то, что, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., доля чувашей, признавших родным русский язык выросла до 24 180 человек [4. С. 60]. Иными словами, немногим менее четверти (22,5%) чувашского населения не знает язык своей национальности. В последние годы урбанизационные процессы среди чувашей также приобрели масштабный характер. Условия городской среды, в которой преобладает русскоязычие, также способствуют потере родного чувашского языка. Исповедующие православную религию чуваши быстро «растворяются» в русскоязычной среде, чему также в определенной степени способствуют межэтнические чувашско-русские, чувашско-татарские, чувашско-украинские и другие смешанные браки, в таких семьях, как известно, языком общения выступает русский язык.

В целях сохранения родного чувашского языка в Башкортостане органам государственной власти Республики Чувашия совместно с органами образования и культуры Республики Башкортостан, а также с национально-культурными организациями следовало бы более внимательно отнестись к этнокультурным проблемам чувашского населения в Башкортостане, составляющего более 100 тыс. человек.

Литература

1. Архив государственного учреждения «Государственная книжная палата Республики Башкортостан». Годовые отчеты за 2000–2010 гг.

2. Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1992. № 6. С. 395–396.

3. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016. Ч. I 332 с.

4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: стат. сб. Уфа. Башкортостанстат, 2013. Ч. II. 189 с.

5. *Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И.* Этнодемографические и этноязыковые проблемы чувашского населения Башкортостана // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 152–164.

6. *Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И.* Развитие чувашского языка в сфере школьного образования в Башкортостане // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 169–182.

7. Текущий архив отделения Почты России Аургазинского района Башкортостана.
8. Текущий архив отделения Почты России Белебеевского района Башкортостана.
9. Текущий архив отделения Почты России Бижбулякского района Башкортостана.
10. Текущий архив отделения Почты России Кармаскалинского района Башкортостана.
11. Текущий архив сельского отделения почтовой связи Юмашево Чекмагушевского района Башкортостана.
12. Текущий архив Управления федеральной почтовой связи Республики Башкортостан – филиал федерального государственного унитарного предприятия «Почта России».
13. Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Башкортостан» — филиал ВГТРК Республики Башкортостан.

САФИН ФАИЛЬ ГАБДУЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН; профессор кафедры философии, истории и социального инжиниринга, Уфимский государственный нефтяной технический университет, Россия, Уфа (failsafin@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4862-1386).

МУХТАСАРОВА ЭЛЬВИРА АНВАРОВНА – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, Филиал Уфимского государственного нефтяного технического университета в г. Октябрьский, Россия, Октябрьский (mux.elvira@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7219-5113).

ХАЛИУЛИНА АЙГУЛЬ ИЛЬЯСОВНА – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнополитологии, Институт этнологических исследований имени Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Россия, Уфа (aygul_kamila@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-6556-8268).

Fail G. SAFIN, Elvira A. MUKHTASAROVA, Aigul I. KHALIULINA

NATIONAL MEDIA-LANDSCAPE AS A FACTOR TO PRESERVE THE ETHNIC IDENTITY (on the example of Chuvash-speaking mass media in Bashkortostan)

***Key words**: mass media, subscription, periodicals, Chuvashia, Bashkortostan, mass media, circulation, the Chuvash language, readers.*

In this article, on the basis of materials of archive of the State book chamber of the Republic of Bashkortostan, administration of Ufa Federal postal communication service of the Republic of Bashkortostan – branch of FSPA "Mail of Russia", as well as data from the current archives of a number of areas with compact settlement of the Chuvash population the authors carried out the study of national-linguistic needs of the Chuvash in the field of printed products. In two regions – Aurgazinsky and Bizhbulyaksky – with a high proportion of the Chuvash, newspapers in the Chuvash language are published. In other regions, in order to meet their national-language needs, the Chuvash population subscribes to periodicals from the Republic of Chuvashia in the Chuvash language.

The range of such periodicals represented a wide range of genres according to the interests. If teachers and educators of Chuvash schools in Bashkortostan mostly subscribed to educational and methodical literature in the Chuvash language, a significant part of subscribers preferred newspapers and magazines about the life and everyday routine of their fellow-countrymen in the Republic of the same name.

During the period of perestroika of the Soviet society in October 1989, Bashkortostan started publishing a Republican newspaper in the Chuvash language "Ural Sassi" ("Voice of the Urals") with a frequency of once a week, which received a massive demand among the Chuvash population of the Republic. The analysis of subscriptions to periodicals in the Chuvash language in the Republic of Bashkortostan at the present stage shows that the Chuvash population reads less in the language of the mother ethnic group in favor of reading newspapers and magazines in the Russian language.

References

1. *Arkhiv gosudarstvennogo uchrezhdeniya «Gosudarstvennaya knizhnaya palata Respubliki Bashkortostan». Godovye otchety za 2000–2010 gg.* [Archive of the state institution «State book chamber of the Republic of Bashkortostan». Annual reports for 2000–2010].

2. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan* [Vedomosti of the Supreme Council and the Government of the Republic of Bashkortostan]. 1992, no. 6, pp. 395–396.

3. *Narody Bashkortostana v perepisyakh naseleniya: v 2 ch.* [Peoples of Bashkortostan in population censuses: in 2 hours]. Ufa, Kitap, 2016, Part. I, 332 p.

4. *Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo naseleniya Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda: stat. sb.* [National composition and language proficiency, citizenship of the population of the Republic of Bashkortostan according to the all-Russian census of 2010: stat. sat.]. Ufa, Bashkortostanstat, 2013, part II, 189 p.

5. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. *Etnodemograficheskie i etnoyazykovye problemy chuvashskogo naseleniya Bashkortostana* [Ethnodemographic and aceasiations of problems of the Chuvash population of Bashkortostan Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2018, no. 4, pp. 152–164.

6. Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I. *Razvitie chuvashskogo yazyka v sfere shkol'nogo obrazovaniya v Bashkortostane* [Development of the Chuvash language in the sphere of school education in Bashkortostan]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta,* 2019, no. 4, pp. 169–182.

7. *Tekushchii arkhiv otdeleniya Pochty Rossii Aurgazinskogo raiona Bashkortostana* [Current archive of the Russian Post office of the Aurgazinsky district of Bashkortostan].

8. *Tekushchii arkhiv otdeleniya Pochty Rossii Belebeevskogo raiona Bashkortostana* [Current archive of the Russian Post office of the Belebeyevsky district of Bashkortostan].

9. *Tekushchii arkhiv otdeleniya Pochty Rossii Bizhbulyakskogo raiona Bashkortostana* [Current archive of the Russian Post office of the Bizhbulyak district of Bashkortostan].

10. *Tekushchii arkhiv otdeleniya Pochty Rossii Karmaskalinskogo raiona Bashkorto-stana* [Current archive of the Russian Post office in the Karmaskalinsky district of Bashkortostan].

11. *Tekushchii arkhiv sel'skogo otdeleniya pochtovoi svyazi Yumashevo Chekmagushevskogo raiona Bashkortostana* [The current archive of rural post offices Umasheva Chekmagushevsky region of Bashkortostan].

12. *Tekushchii arkhiv Upravleniya federal'noi pochtovoi svyazi Respubliki Bashkortostan – filial federal'nogo gosudarstvennogo unitarnogo predpriyatiya «Pochta Ros-sii»* [Current archive of the Federal postal service Of the Republic of Bashkortostan-branch of the Federal state unitary enterprise «Russian Post»].

13. *Tekushchii arkhiv Gosudarstvennoy televizionnoy i radioveshchatel'noy kompaniia «Bashkortostan» – filial VGTRK Respubliki Bashkortostan* [The state television and radio broadcasting company «Bashkortostan» is a branch of the VGTRK of the Republic of Bashkortostan].

FAIL G. SAFIN – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Employee of the Department of Ethnopolitology, Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science; Professor, Department of Philosophy, History and Social Engineering, Ufa State Oil Technical University, Russia, Ufa (failsafin@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4862-1386).

ELVIRA A. MUKHTASAROVA – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Branch of Ufa State Oil Technical University in Oktyabrsky, Russia, Oktyabrsky (mux.elvira@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7219-5113).

AIGUL I. KHALIULINA – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Ethnopolitology, Institute of Ethnological Studies named after R.G. Kuzeev of Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Science, Russia, Ufa (aygul_kamila@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/ 0000-0002-6556-8268).

Формат цитирования: *Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И.* Национальный медиаландшафт как фактор сохранения этнической идентичности (на примере чувашеязычных массмедиа в Башкортостане) // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 147–158. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-147-158.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-159-165

УДК 94:364.4-053.2-54(470.344-21)Цивильск
ББК Ч424.771г(2Рос.Чув-2Цив)61

И.Ю. СЕМЕНОВА

ВКЛАД ЦИВИЛЬСКОГО ДЕТСКОГО ГОРОДКА ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА (1926–1934) В ГОСУДАРСТВЕННОЕ ДЕЛО БОРЬБЫ С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШСКОЙ АССР

Ключевые слова: *Чувашская АССР, детский дом, Цивильский детский городок имени В.И. Ленина, органы опеки и патроната, детская и подростковая беспризорность, воспитанники-беспризорники, полусироты, сироты.*

Искоренение беспризорности как «социального зла» явилось одной из важнейших задач молодого советского государства. Каждый национальный регион страны пытался по мере сил и возможностей решать ее, и Чувашская АССР не стала исключением. Ее опыт был достаточно успешным.
В статье рассмотрена работа Цивильского детского городка имени В.И. Ленина, который как неформальный центр опеки и патроната в первое десятилетие образования Чувашской АССР нес серьезную нагрузку воспитания трудных детей и подростков. Автор, опираясь на неопубликованные источники Государственного исторического архива Чувашской Республики, анализирует деятельность воспитательного учреждения, изучает жизнь его воспитанников, делает определенные выводы о роли городка в государственном деле борьбы с беспризорностью и бездомностью.
Обработанные автором архивные материалы свидетельствуют о скудности финансовых ресурсов, выделяемых на жизнеобеспечение воспитательного учреждения, недостаточности имущества для его должного функционирования, нехватке педагогического коллектива и обслуживающего персонала для нормальной жизнедеятельности детского городка. Однако имеющиеся сложности в первое десятилетие образования Чувашской АССР были характерны для большинства учреждений опеки и патроната, и они по мере сил и возможностей планомерно преодолевались органами власти Чувашского края.

Более века отделяют нас от исторических событий Октября 1917 года, Первой мировой и Гражданской войн, принесших голод, разруху народного хозяйства, рост преступности и множество иных острейших социальных проблем в молодое советское государство. Органы государственной власти бросают все свои силы на ожесточенную борьбу с таким социальным злом, как беспризорность. Учреждаются детские социальные инспекции, трудовые коммуны, исправительные дома, создаются суды для несовершеннолетних, расширяется сеть детских учреждений опеки и патроната в национальных регионах страны.

Справедливо отмечено исследователями, что «одной из важнейших задач, решавшихся Советским государством с первых лет его существования, была борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью как сложнейшим социальным явлением» [15. С. 98]. Историки при изучении данной социальной проблемы акцентируют внимание на формах и мерах по ее решению в отдельном регионе или местности (Е.Н. Афанасова [1], Е.А. Бендер [2], И.А. Егорькова [13], Н.В. Семина [16] и др.), уделяя внимание вопросам финансирования, организации работы, жизни воспитанников и иным аспектам функционирования учреждений опеки и патроната, что позволяет увидеть общую картину работы воспитательных учреждений в масштабе Советского государства.

В 1920–1930-х гг. на территории Чувашского края (Чувашской АССР) была создана широкая сеть учреждений опеки и патроната над брошенными детьми

и сиротами. Усилиями органов власти для борьбы с последствиями голода и мора, охвативших Поволжье в 1921–1922 гг., их число возросло с начала 1920 г. с 12 учреждений до 16 к 1925 г. (Алатырский детский дом имени В.И. Ленина (1925–1931) [3], Цивильский детский городок имени В.И. Ленина (1926–1934) [10], Шихазанский детдом (1924–1926) [4], Заволжский детский дом № 2 (1935–1942) [5], Ядринский детский дом (1924–1928) [11] и др.). Затем шло планомерное снижение количества детдомов, начиная с 1926 г. с 11 учреждений до 6 к 1930 г. в связи с успешной работой Чувашской комиссии по борьбе с последствиями голода (Чувашоблпоследгол) и ее уездных ячеек. Рост числа воспитательных учреждений продолжился в военные годы, что решало в определенной степени вопросы жизнеустройства и жизнеобеспечения детей погибших или пропавших без вести участников военных действий. Детдома на территории ЧАССР создаются и функционируют в период Великой Отечественной войны и после ее окончания (Кувшинский детдом (1941–1945) [6], Изамбаевский детдом в Ядринском районе (1946–1954) [7], Бичуга-Баишевский детдом в Шемуршинском районе (1944–1948) [8], Порецкий детский дом (1941–1959) [9] и др.). Уже в послевоенный период часть детских воспитательных учреждений перепрофилируется на специализированные для слабоумных, слепых, глухих и для воспитанников с иными проблемами опорно-двигательного аппарата (так, в частности, в поселке Кугеси (1974), в селе Калинино (1979) и др.). Каждое из перечисленных учреждений внесло свою лепту в государственное дело борьбы с беспризорностью в национальном регионе, исходя из имеющихся финансовых и организационных ресурсов, педагогического коллектива, количества воспитанников и их стажа беспризорной жизни.

Помимо выделения различных зданий и сооружений под детские дома органы власти ЧАССР организовывали помещение сирот в крестьянские семьи, чему способствовали принятые законодательные акты [17–19]), среди которых особо хочется выделить постановление ЦИК и СНК СССР от 23 августа 1926 г. «О мероприятиях по борьбе с детской беспризорностью» [20]). Итогом целенаправленной работы власти Советов над социальным злом беспризорности стало значительное ее сокращение, что было закреплено постановлением СНК и ЦК ВКП(б) СССР от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» [21]).

Отдельное внимание среди сети детдомов, функционировавших на территории национального региона в довоенный период (т.е. до начала Великой Отечественной войны), следует уделить Цивильскому детскому городку имени В.И. Ленина Народного комиссариата просвещения Чувашской АССР, который внес, на наш взгляд, чуть ли не самый большой вклад в государственное дело борьбы с беспризорностью в Чувашском крае. Это объясняется тем, что детгородок работал не только как обычное воспитательное учреждение со стандартным набором функций, но и как разноплановый детский центр. Исследователи, уделившее пристальное внимание его деятельности, назвали его «неформальным центром системы детских учреждений опеки» [14. С. 9]. Среди материалов Государственного исторического архива Чувашской Республики сохранился фонд 1144, включающий две описи, в которых содержатся 54 единицы хранения информации о Цивильском детдоме [10].

Детгородок был организован на окраине города 1 мая 1925 г. в Цивильском уезде на территории бывшего женского монастыря. До указанной даты в одном из зданий монастыря уже располагался детдом имени Калининой,

а два других детских воспитательных учреждения подобного рода находились в Цивильске. Все они существовали автономно друг от друга. Согласно постановлению Цивильского уездного исполкома (1925) все здания женского монашества были переданы для преодоления проблем беспризорности детдомам. Началась работа по слиянию всех воспитательных учреждений опеки в Цивильском уезде в одно укрупненное – был образован Цивильский детский городок имени В.И. Ленина. Уже к 1 октябрю детдом был расширен путем перевода Чебоксарского детдома имени К. Маркса, в декабре того же года были присоединены Ковалинский и Шихазановский детдома. Таким образом вновь созданное воспитательное учреждение опеки и патроната к 1926 г. образовалось путем слияния семи детдомов. Позднее в детдоме был выделен школьный изолятор для трудных подростков. В качестве цели слияния детдомов органы власти ЧАССР указали объединение педагогической силы и экономию средств (для справки: Шихазановский детдом прежде находился в ветхом здании, подлежащем сносу; воспитанников насчитывалось чуть более 50 человек; два воспитателя-педагога, не имевших стажа педагогической работы; скудное материальное обеспечение; недоукомплектованность учебников и канцелярских принадлежностей; отсутствие элементарных условий быта; недостаточное финансирование, что в совокупности не позволяло реализовать воспитательные цели и задачи в полном объеме [4. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–11об.]).

Совет детгородка, являясь его руководящим органом, выполнял административные функции [10. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–7об.). Все члены педколлектива имели опыт педагогической работы (что не было характерно для иных воспитательных учреждений уезда) и систематически отправлялись руководством на повышение квалификации в Чебоксары и Симбирск. Технический персонал обеспечивал жизнедеятельность детдома и придомовых построек круглогодично (прачки, сторож, кухарки, подмастерья, конюх и прочие).

Цивильский детгородок, в отличие от детдомов, подвергшихся слиянию, представлял собой внушительное воспитательное учреждение: учебных и спальных мест для воспитанников было достаточно (в основном бывшие монастырские кельи), для закрепления трудовых навыков имелись собственные мастерские (сапожная, швейно-чулочная, столярная, кузнечно-слесарная, жестяно-посудная), работавшие на полную мощь [10. Оп. 1. Д. 4. Л. 26–34]). Отчетные данные свидетельствуют, что только кузнечно-слесарная и жестяная мастерские работали не в полную силу, так как располагались не очень удачно (в катакомбах монастыря), не имели достаточного числа профессиональных мастеров и должного инвентаря для полной их загрузки. Однако работа иных мастерских была достаточно успешной; доходы от работы в швейной и сапожной мастерских шли в бюджет города. В отчетах содержатся сведения об объемах производимой ежегодно продукции (почти полсотни комплектов верхней одежды и постельных принадлежностей, а также более сотни пар обуви) [10. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–19].

В своей усадьбе детгородок имел три плодоносящих сада, огород. На прилегающей к монастырю территории педагогический коллектив совместно с воспитанниками занимался сельскохозяйственными работами; плоды и урожай картофеля, свеклы, репы, капусты использовали на собственные нужды. По отчетности на 1929 г. у детдома был свой живой инвентарь: лошадей гнедой масти 2 особи, жеребят полукровок 2 особи, коров улучшенной породы 2 штуки, 9 свиней, поросят 4 штуки, 1 овца, 2 ягнят, кроликов немецкой породы 25 штук, кур-несушек 25 штук, гусей тульских 6 штук [10. Оп. 1. Д. 1. Л. 24об.]. За живностью велся уход силами работников и воспитанников.

Территория воспитательного учреждения усилиями администрации и технического персонала была оборудована детской площадкой, имела два баскетбольных поля, одно волейбольное, три крокетных, беговую дорожку, стрелковый тир. Из спортивного инвентаря имелся конь, гимнастические палки в количестве 30 штук. Все это позволяло в определенной мере реализовать спортивные воспитательные задачи и вести здоровый образ жизни.

Учебный инвентарь пополнялся систематически, в нем нужды не отмечалось. Канцелярских принадлежностей также хватало на всех. Учебные парты имелись в достаточном количестве. Освещение для рабочего и учебного процесса было нормальным.

На территории бывшей монастырской церкви силами педколлектива были оборудованы собственный клуб и библиотека. Отчет заведующего детгородком за 1930 г. содержит сведения о том, что книги в библиотеке 1918–1919 гг., не обновлялись ввиду недостаточности финансирования; им посылались запросы в библиотеки г. Чебоксары. Имелись книги и тетради на чувашском языке. Из музыкальных инструментов в наличии гармошка, пианино и рояль. Со слов заведующего, испытывается потребность в обновлении и пополнении музыкального инвентаря, интерес к которому проявляют и воспитанники, и педагоги.

Финансирование воспитательных учреждений опеки и патроната было недостаточным, но все же средства изыскивались, несмотря на рост цен и тяжелую социально-экономическую ситуацию в регионе. Так, в 1929 г. на одного воспитанника смета составляла 23 руб. 2 коп. в день, а уже в 1930 г. – 26 руб. 6 коп. В эту сумму входили его обмундирование и питание. Комплект обмундирования включал в себя пальто, обувь по временам года, пиджак, рубашки на смену, брюки, постельное белье и нижнее белье на смену для мальчиков; у девочек то же самое и плюс два платья на смену. Обувь по износу ремонтировалась в собственной мастерской, которая обслуживалась двумя мастерами и четырьмя учениками. Учеба сапожному мастерству в течение двух лет (начиная с возраста 12–14 лет) давала воспитанникам надежду на приобретение новых навыков для будущей профессиональной деятельности. Учебный день в мастерской делился на две смены: в первую у мастеров было 23 человека, во вторую – уже 26 человек, работавших по утвержденному плану [10. Оп. 1. Д. 5. Л. 4об.].

Жестяная мастерская была частично машинизирована и обслуживалась двумя мастерами и двумя практикантами-учениками [10. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]. В первую смену работало 4 человека, а во вторую после учебных занятий – уже 12 человек. Мастерская не только обслуживала сам детгородок, но и принимала заказы населения Цивильска и других населенных пунктов.

Швейно-чулочная мастерская обслуживалась тремя мастерами и двумя практикантами [10. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об.]. В первую смену трудились 37 человек, во вторую – 29 человек. Оборудованием мастерская была обеспечена лишь на 60%, использовался ручной труд, но тем не менее она обслуживала не только сам детдом, но и выполняла заказы населения. Руководство детгородка не раз отмечало острую потребность в приобретении сырья и материалов для работы [10. Оп. 1. Д. 5. Л. 3об].

В общем виде картина работы мастерских позволяет судить о достаточной загруженности воспитанников, имевших возможность приобретать трудовые навыки под надзором мастеров, готовящих их к профессиональному труду.

Повседневная учебная нагрузка воспитанников при 36-часовой учебной неделе включала в себя собственно учебные занятия по 45 минут с переры-

вами на 10–15 минут, время на питание и сон, прогулку, физкультурную подготовку, общественно полезный труд (как собственное бытовое обслуживание, так и работу на приусадебном участке и в производственных мастерских по профилю для девочек и мальчиков). Кроме этого, в детгородке велась насыщенная культурно-воспитательная работа, включавшая клубную, кружковую. Воспитанники активно занимались самодеятельностью, в том числе и на площадках школьных учреждений Цивильска в праздничные дни (Ленинские дни, 8 Марта, мероприятия, приуроченные к годовщине революции и т.д.). В архиве сохранились данные об участии детдомовцев во многих республиканских и городских культурных мероприятиях.

С воспитанниками велись уроки о здоровом образе жизни, половом и физическом воспитании и подготовке к семейной жизни. Профилактические беседы на данные темы проводились педагогом-воспитателем и фельдшером совместно по согласованию с заведующим. Реплики по темам и ответы на них фиксировались в журнале воспитателя. Разнообразие затрагиваемых вопросов санитарного характера свидетельствовало о серьезном подходе к здоровью воспитанников; планово проводились медосмотры.

Воспитанники детдома организовали самоуправление, повседневно решая совместными усилиями с педагогическим составом проблемы жизнеустройства родного для них места, ставшего домом [10. Оп. 2. Д. 25. Л. 11–17]. На каждый фронт работы назначались старшие ответственные (уборка кухни, столовой; уход за скотиной; влажная уборка спален и учебных комнат; дежурство в библиотеке, клубе и мастерских; помощь на приусадебном участке, в конюшне, курятнике и иная хозяйственная помощь).

Отдельно следует обратить внимание, что достаточно полные сводные отчетные данные о работе Цивильского детского городка имени В.И. Ленина имеются в фонде 466 «Комиссия по улучшению жизни детей при Центральном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Чувашской АССР (1921 – 1938)» [12. Л. 52–64]. Так как чувашская Деткомиссия в числе своих функций курировала и работу детдомов, отвечала за охрану интересов всей детей на территории Чувашии, она отслеживала и деятельность детских воспитательных учреждений.

Оценивая деятельность Цивильского детского городка имени В.И. Ленина среди остальных учреждений опеки и патроната на территории ЧАССР, можно обозначить его особое место в государственном деле борьбы с беспризорностью. Это воспитательное учреждение имело мощную производственную основу в виде собственных мастерских, готовящих воспитанников к профессиональному труду; перешло на частичное самофинансирование, сбывая продукцию, сделанную своими руками; здесь велась серьезная педагогическая работа с качественным учебным и спортивным инвентарем; была налажена воспитательная работа, включавшая кружковую и клубную самодеятельность; функционировал отлаженный механизм самоуправления воспитанников. Условия для жизни и воспитания детдомовцев были близки к семейным, а для беспризорников были наилучшими при их большом стаже беспризорной жизни. Цивильский детский городок имени В.И. Ленина стал примером успешной планомерной работы органов власти ЧАССР с социальным злом беспризорности и бездомности. Однако этот пример как исторический урок стал скорее исключением, чем правилом, для обозначенного временного периода государственной борьбы с беспризорностью на территории национального региона.

Литература

1. *Афанасова Е.Н.* История детской беспризорности в Иркутской области и Красноярском крае в 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 228 с.

2. *Бендер Е.А.* Борьба с беспризорностью и безнадзорностью несовершеннолетних в РСФСР в 1920–1930-е гг. (на материалах Ленинграда и Ленинградской области): дис. … канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2015. 187 с.

3. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р- 2733.

4. ГИА ЧР. Ф. 1767.

5. ГИА ЧР. Ф. 1390.

6. ГИА ЧР. Ф. 1394.

7. ГИА ЧР. Ф. 2707.

8. ГИА ЧР. Ф. 1391.

9. ГИА ЧР. Ф. 2882.

10. ГИА ЧР. Ф. 1144.

11. ГИА ЧР. Ф. 1605.

12. ГИА ЧР. Ф. 466. Оп. 2. Д. 13.

13. *Егорькова И. А.* Борьба с детской беспризорностью и безнадзорностью в 1918–1935 гг.: по материалам Нижегородского края: дис.... канд. ист. наук. Владимир, 2011. 272 с.

14. *Минеева Е.К., Дмитриев А.Е.* Цивильский детский городок имени В.И. Ленина как неформальный центр системы детских учреждений опеки в Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. 2014. №1. С. 9-13.

15. *Минеева Е.К., Морозов В.А., Янцева А.С.* Пути преодоления детской беспризорности в советской России в 1920-1930-е годы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2012. № 2 (74). С. 97-101.

16. *Семина Н. В.* Борьба с детской беспризорностью в 1920-1940-е гг. в России (на примере Пензенского района): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 283 с.

17. Собрание узаконений РСФСР. 1925. №34. Ст. 109.

18. Собрание узаконений РСФСР. 1926. № 21. Ст. 168.

19. Собрание узаконений РСФСР. 1928. №27. Ст. 196.

20. Собрание законодательства СССР. 1926. № 56. Ст. 407.

21. Собрание законодательства СССР. 1935. № 32. Ст. 252.

СЕМЕНОВА ИННА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры отечественной истории; старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (iysemenova@mail.ru).

Inna Yu. SEMENOVA

CONTRIBUTION OF THE CIVIL CHILDREN'S TOWN NAMED AFTER V.I. LENIN (1926–1934) IN THE STATE CASE OF COMBATING HOMELESSNESS IN THE TERRITORY OF THE CHUVASH ASSR

***Key words**: the Chuvash ASSR, orphanage, Tsivilsky children's town named after V.I. Lenin, guardianship and patronage agencies, child and adolescent homelessness, boarders-abandoned children, half-orphans, orphans.*

Eradication of homelessness as a "social evil" was one of the most important tasks of the young Soviet state. Each national region of the country tried to solve it to the best of their abilities and opportunities, and the Chuvash ASSR was no exception. Its experience was quite successful.

The article examines the work of Tsivilsk children's town named after V.I. Lenin, which, as an informal center of guardianship and patronage in the first decade of the Chuvash ASSR, carried a serious burden of educating troubled children and adolescents. The author, based on unpublished sources of the State historical archive of the Chuvash Republic, analyzes the activities of the educational institution, examines the lives of its boarders, and draws certain conclusions about the role of the town in the state's fight against child neglect and homelessness.

The archival materials processed by the author indicate scarcity of financial resources allocated for the life support of the educational institution; lack of property for its proper functioning, lack of teaching staff and maintenance personnel for the normal life of the children's

town. However, the existing difficulties in the first decade of the Chuvash ASSR formation were typical for most institutions of guardianship and patronage, and they were systematically overcome by the authorities of the Chuvash region to the best of their abilities and opportunities.

References

1. Afanasova E.N. *Istoriya detskoi besprizornosti v Irkutskoioblasti i Krasnoyarskomkrae v 1920 – 1930-kh gg.*: *dis. … kand. ist. nauk* [The history of child homelessness in the Irkutsk region and Krasnoyarsk region in the 1920s–1930s. Cand.Diss.].Irkutsk, 2007, 228 p.

2. Bender E. A. *Bor'ba s besprizornost'yu i beznadzornost'yu nesovershennoletnikh v RSFSR v 1920–1930-e gg. (na materialakh Leningrada i Leningradsko ioblasti): dis. … kand. ist. Nauk*[Fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s–1930s based on the materials of Leningrad and Leningrad region. Cand.Diss.]. St. Petersburg, 2015, 187 p.

3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhi vChuvashskoi respubliki. Fond 2733* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 2733].

4. *Gosudarstvennyi istoricheski iarkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1767* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1767].

5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1390* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1390].

6. *Gosudarstvennyii storicheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1394*[The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1394].

7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 2707* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 2707].

8. *Gosudarstvennyii storicheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1391*[The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1391].

9. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 2882*[The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 2882].

10. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1144*[The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1144].

11. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 1605*[The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 1605].

12. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi respubliki. Fond 466.Opis 2.Delo 13* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 466. Anagraph 2. Document 13. Page 10].

13. Egor'kova I.A. *Bor'ba s detskoi besprizornost'yu i beznadzornost'yu v 1918-1935 gg.: po materialam Nizhegorodskog okraya: dis. … kand. ist. nauk*. [Fight against child homelessness and neglect in 1918–1935: based on the materials of the Nizhny Novgorod region. Cand. Diss.]. Vladimir, 2011, 272 p.

14. Mineeva E.K., Dmitriev A.E. *Tsivil'skii detskii gorodok imeni V.I. Lenina kak neformal'nyit sentr sistemy detskikh uchrezhdenii opeki v Chuvashskoi ASSR* [Tsivilsky children's town named after Lenin as an informal center of the system of child care institutions in the Chuvash ASSR].*Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 9–13.

15. Mineeva E.K., Morozov V.A., Yantseva A.S. *Puti preodoleniya detskoi besprizornosti v sovetskoi Rossii v 1920-1930-e gody* [Ways to overcome child neglect in Soviet Russia in the 1920s–1930s].*Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2(74), pp. 97–101.

16. Semina N.V. *Bor'ba s detskoibesprizornost'yu v 1920–1940-e gg. v Rossii (na primere Penzenskogo raiona)*: *dis. … kand. ist. nauk*. [Fight against child homelessness in the 1920s–1940s in Russia on the example of the Penza region. Cand.Diss.]. Penza, 2007, 283 p.

17. *Sobranieu zakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1925, no. 34, Article 109.

18. *Sobranieu zakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1926, no. 21, Article 168.

19. *Sobranieu zakonenii RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR], 1928, no. 27, Article 196.

20. *Sobranie zakonodatel'stva SSSR* [Collection of USSR legislation], 1926, no. 56, Article 407.

21. *Sobranie zakonodatel'stva SSSR*[Collection of USSR legislation], 1935, no. 32, Article 252.

INNA Yu. SEMENOVA – Post-Graduate Student of the Russian History Department; Senior Teacher of Civil Legal Disciplines Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (iysemenova@mail.ru).

Формат цитирования: *Семенова И.Ю.* Вклад Цивильского детского городка имени В.И. Ленина (1926–1934) в государственное дело борьбы с беспризорностью на территории Чувашской АССР // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 159–165. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-159-165.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-166-175

УДК 94 (47+57)
ББК 63.3

С.В. ХОМЯКОВ

ОБРАЗ УСТАВЩИКА В ДОКУМЕНТАХ ВЛАСТЕЙ И ОПИСАНИЯХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ СТАРООБРЯДЧЕСТВА БУРЯТИИ (конец XIX – начало XX века)*

Ключевые слова: *Отечественная история, документы властей, религия, церковный раскол, идентичность, старообрядчество, единоверчество, уставщик, антирелигиозная политика, советское общество.*

Для старообрядческого населения Бурятии, начиная с его появления в регионе, острую необходимость принимала задача сохранения древлеправославной веры и религиозного единства – по его мнению, залога спасения души и вечной жизни. В условиях отсутствия (либо статусного непризнания) священников, проводников в вероучении и посредников между мирянами и Богом, основные обрядовые функции выполняли здесь уставщики, выбираемые населением и не признаваемые в качестве духовенства официальной церковью.

В качестве задач статья рассматривает вопрос об оценках исследователей рубежа XIX–XX вв. роли уставщика в жизни рядового старообрядца, что позволило бы полнее выявить ее значимость для общности. Также, анализируя документы царской и советской власти, статья ставит вопрос о различиях между ними в границах контроля и допускаемой юрисдикции уставщиков, что даст дополнительные сведения о неодинаковом видении в их фигурах потенциальной или явной угрозы проводимым мероприятиям, что, безусловно, было продиктовано конкретной политикой. Отсюда целью работы является анализ образа уставщика в исследованиях миссионеров Русской православной церкви и ученых конца XIX – начала XX в., а также в документах властей, что позволит глубже понять связь его статуса с целостностью специфики общности и ее защиты от внешнего воздействия. Объектом исследования является статус уставщика в старообрядческих селах Бурятии, предметом – оценки его деятельности со стороны ученых и властных структур.

В качестве основных выводов можно сказать, что с учетом авторитета и значимости в поселениях поле деятельности уставщиков уходило гораздо шире отправления треб и толкования священных книг. Уставщики оказывали принципиальное влияние на повседневную жизнь человека, в условиях отсутствия альтернативного мнения навязывали свое в вопросах медицины, а также образования и нравственного воспитания молодежи. Поэтому неудивительно, что их деятельность являлась предметом особого интереса со стороны исследователей, побывавших в селах старообрядцев Бурятии на рубеже XIX–XX вв. и видевших в уставщиках главных хранителей не только религиозной, но и культурной идентичности старообрядчества. По этой же причине они же привлекали негативное внимание официальной власти, желавшей ослабить их авторитет (царская власть обосновывала это возвращением раскольников в лоно православной церкви, революционная – необходимостью построения единого советского общества).

Статус уставщика, как связующего элемента религиозной идентичности старообрядцев, привлекал активный интерес исследователей в разные временные периоды. Заметки миссионеров РПЦ XIX в. Д. Куликалова, К. Люкшина [8, 12], исследования А.М. Селищева [15] дают возможность изучить (сквозь призму острой критики) деятельность уставщиков в дореволюционный период, а работы А.М. Поповой, А. Добромыслова и А. Долотова [10, 11, 13] – в раннесоветский. Как предмет исследования их работы будут охарактеризованы далее. Практически все современные исследователи старообрядчества

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1. «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», № АААА-А17-117021310269-9.

(Ф.Ф. Болонев, С.В. Васильева, М.О. Шахов [1, 2, 16] и др.) при изучении отдельных аспектов темы дают компетентные оценки феномену уставщика, дистанцируясь от традиционного негативного восприятия, связанного с определенным политическим вектором.

Ключевое значение в контексте новизны работы имели заметки исследователей и очерки о жизни старообрядцев, а также распоряжения, донесения и предписания властей, хранящиеся в Государственном архиве Республики Бурятия, Государственном архиве Забайкальского края и Государственном архиве Иркутской области. Они позволили детально рассмотреть образ старообрядческого уставщика и поле его деятельности с целью выполнения задач исследования.

Сравнительно-исторический метод, сопоставляющий стороны различных явлений и выявляющий общие и особенные черты, нашел свое применение при анализе заметок исследователей и документов властей царского и советского периода соответственно. Историко-генетический метод, изучающий изменения явления во времени, использовался в оценках деятельности и позиции уставщиков в разные временные периоды.

Одними из последствий церковного раскола середины XVII в. стали вынужденное расселение противников реформ Никона по России и зарубежью и их постепенное дробление на различные толки и согласия. К началу XX в. в Бурятии старообрядцы были в основном поделены на признающих сан священника (поповцы) и не признающих его (беспоповцы). Последние следовали тому положению, что «”каждый христианин есть священник”, а оно вытекало из слов одного из ранних деятелей христианской церкви Иоанна Златоуста: “Сами себя освящайте, сами себе священники бывайте”» [1. С. 33], и проводили необходимые религиозные обряды с помощью уставщиков, выбираемых из числа наиболее опытных односельчан.

С учетом же крайней нехватки старообрядческих священников у поповцев, а также постоянного властного надзора за случаями появления в их селах беглых православных попов и следующего за этим их ареста необходимость в уставщиках (обычно выполняющих там роль помощников попов) была и у них. В пример Ф.Ф. Болонев приводит обособившееся от поповцев согласие часовенных. «Из-за отсутствия священников уставщики вели богослужения, крестили, исповедовали и причащали верующих в часовнях» [1. С. 33]. Неоднозначное положение старообрядческих уставщиков, вызванное их неофициальным статусом и несомненным авторитетом среди населения, провоцировали к ним интерес исследователей старообрядчества как в имперский, так и в раннесоветский период.

Прежде всего необходимо выделить донесения и работы посланных в Забайкалье миссионеров Русской православной церкви, которые примечательны прежде всего заметками о быте старообрядцев. С учетом их основных целей (разведка религиозной обстановки, планы по устранению раскола) отношение миссионеров к уставщикам, а часто и ко всем старообрядцам, подчеркнуто негативное (что расходилось с мнением гражданской власти о качествах переселенцев). В рапорте священника Димитрия Куликалова (служившего в Мухоршибирской волости) епископу Иркутскому Евсевию от 1857 г. с негодованием упоминается, что уставщики волости считали законным проведение ими обрядов, так как «…по рассказам их, при прежних беглых попах, имеют от сих беглецов благословение с возложением руки на тре-

боисправительство» [12. Д. 4637. Л. 24–24об.]. По мнению миссионера, только страх перед уставщиками препятствует переходу раскольников в законную церковь, и по итогу они продолжают жить в своеволии и несчастье, «… отправление богослужения в частных домах, кража чужих дочерей на блудный брак, уклонение многих единоверцев в раскол, которые в своих действиях теперь обращаются к уставщикам» [12. Д. 4637. Л. 24–24об.]. Также, видя препятствие в уставщиках и в деле просвещения раскольников, Куликалов отмечает: «Не получившие никакого образования и преданные своими уставщиками, раскольники слепо верят им, охотно остаются во тьме, избегают света» [12. Д. 4637. Л. 25–25об.].

В монографии миссионера К. Люкшина «О расколе Забайкальского края», пребывавшего в селе Бичура в 1898 г., приводится мнение и о недостаточных для богослужения знаниях у уставщиков: «Наставники их люди в писании несведующие, знающие только в какое время, что можно вкушать в пищу и сколько поклонов творить, о главном же они совершенно забыли» [8. Д. 416. Л. 3]. Как такая ситуация могла способствовать искажению понимания веры у рядовых старообрядцев, показывают их ответы исследователю А. Добромыслову три десятилетия спустя: «…обычаи-то которые уже успели и перезабыть, а веру в Бога храним…обычаи-то забыли, а веру в Бога не тронь» [10. Д. 92. Л. 12].

Профессор А.М. Селищев, побывавший в 1919 г. в селах Верхнеудинского уезда, также отмечает силу мнения уставщиков и их категоричное отношение к нововведениям. «Они решительно восстают против открытия школы, угрожая отлучением от общины: “…не буду хоронить, не пущу в церковь, в молитвенный дом”» [15. С. 12]. Он же отмечает и глухой протест со стороны людей по отношению к ним, в особенности молодежи: «…справшыки училишша нам не дають, у церкву пускать не будуть» [15. С. 14]. Профессор отмечает и категоричное отношение уставщиков к медицине, хотя и здесь население начинает сопротивляться им: «Обратиться к врачу – большой грех. Уставщики используют здесь слова одного старообрядческого рукописного сборника от 1798 г. “…лучше есть в нездравии пребывати, нежели ради пременения немочи в несчастие впасти”. В Тарбагатае имеется больница и вопреки ругани и анафемствованию уставщиков больными старообрядцами она посещается» [15. С. 14].

В целом исследователи царского периода единодушно критикуют роль уставщиков в жизни старообрядцев (идеализирующих быт предков XVII–XVIII вв., но постепенно забывающих сущность веры и обрядов), что продиктовано как интересами самих миссионеров, так и объективными наблюдениями. Однако при этом ими признавалось определяющее значение уставщика в сохранении единства и целостности общин.

Исследования старообрядцев советскими учеными 1920-х гг. во многом повторяют выводы предшественников (особенно А.М. Селищева), с учетом же проводимой властью антирелигиозной политики идет значительное углубление критики уставщиков. А.М. Попова, бывшая в с. Тарбагатай в 1928 г., в духе текущей действительности делает вывод о том, что только советская власть дала возможность молодым старообрядцам жить по-новому, окончательно связав уставщиков со всем старым, отжившим и ненужным: «Молодые люди и в дореволюционное время рвались из-под власти отцов и дедов – рвались к свету и знанию, но духовная власть их уставщиков накладывала тяжелую руку на каждое расхождение с мертвой буквой свято-отеческих пре-

даний и только революция дала исход накопившейся с давних пор жажде знаний и свободы» [11. Д. 141. Л. 6].

А. Долотов в работе «Старообрядчество в Бурятии» за 1931 г., соглашаясь с точкой зрения А.М. Поповой, также отмечает неистребимое отношение уставщиков к обучению: «…в школе пионеры – дети антихриста, с ними нельзя вести дружбу…там рисуют чертей…в школе кресты снимают…отдашь ребенка в школу, а из него там безбожника сделают» [13. С. 37]. Указывается и ответная реакция уставщиков на притеснения властей, чего не было в предыдущие годы, когда вместо открытых призывов к неповиновению уставщики способствовали фактическому невыполнению предписаний: «…советская власть глумится над нами, но Бог этого не простит…на земле царствует антихрист, отпускает все по печати; скоро будут везде ставить печать – и на лице, и на правой руке» [13. С. 33–34]. Степень враждебности и критики обуславливается максимальным темпом всесоюзной агитации против религии и в целом, его работа представляет собой перечень оснований для раскулачивания и репрессий старообрядческого духовенства, так как приводится конкретная оценка действиям уставщиков как «скрытых врагов»: «С октября 1929 года по март 1930 года отреклось от сана 18 уставщиков. Большинство их снятием с себя сана решили показать себя “революционерами”, завоевать симпатии к себе со стороны бедноты и притупить их бдительность, чтобы продолжать вести антисоветскую агитацию» [13. С. 38].

Немногочисленные работы ученых этого периода во многом становятся базовыми для теоретического обоснования кампании по устранению уставщиков (как и иных атрибутов традиционализма) из жизни старообрядцев Бурятии, уничтожения их культурной и религиозной идентичности, общинной целостности.

Переходим к рассмотрению документов властей, посвященных уставщикам. Анализируя разнообразные документы периода второй половины XIX – начала XX в. (циркуляры департамента общих дел Министерства внутренних дел, секретные предписания Главного управления Восточной Сибири, распоряжения военного губернатора Забайкальской области, донесения Верхнеудинских окружных исправников), можно сказать, что царская власть старалась решить вопрос с раскольниками умеренными способами, понимая положительные эффекты для экономики от слаженного труда многочисленных и крепких общин старообрядцев Забайкалья. Однако при попытках воздействия на эту категорию населения (посредством закрытия часовен, призыва перехода в единоверчество, а в отдельных случаях и запрета на молитвы в частных домах) власть обнаруживала мобилизацию населения вокруг фигур уставщиков, которые настраивали людей на пассивное сопротивление (к примеру, постоянные прошения с отказами от документального учета), искали, принимали и становились первыми помощниками для беглого православного духовенства. Кроме того, сами уставщики и их помощники-начетчики активно противостояли нововведениям, прежде всего касающимся образования и просвещения (в особенности для молодежи), считая это вредным явлением и угрозой для стабильного состояния традиционного быта старообрядцев (как и все внешние воздействия). Это видно из отчета Куналейского волостного правления за 1899 г.: «Жители волости детей своих обучают словесной грамоте через особых начетчиков, исполняющих по их вероятию требы, и то в самом ограниченном числе, об общем же образовании нисколько

не заботятся, так как по их понятиям при развитии в их среде образования может поколебаться их вероучение и религиозность и тем самым ослабить их верование» [7. Д. 7833. Л. 6–6об.].

Это вынуждало администрацию к мерам негласного контроля за местонахождением лиц, которые явно и потенциально являлись главным препятствием как для краткосрочных целей (ведение метрических записей, распространение просвещения и медицины в селах), так и для долгосрочных (переход раскольников в единоверчество и православие). Об этом свидетельствует секретная переписка одного из Верхнеудинских приставов и волостных старшин за 1911 г.: «Поручаю доставить сведения о всех лицах старообрядческого духовенства с указанием их сана или должности и в каких селениях они проживают» [5. Д. 146. Л. 20], «…представляя настоящее распоряжение имею честь донести господину приставу 2-го стана Верхнеудинского уезда, что уставщиком старообрядцев в селении Харитоновском состоит крестьянин этого селения Василий Петров Шитин, в селении же Верхнежиримском состоит уставщиком Иван Дмитриев Васильев, крестьянин этого селения, проживают каждый в своем селении» [5. Д. 146. Л. 20об.].

Кроме того, царская администрация проявляла активный интерес и к повседневной деятельности уставщиков, стремясь к детальной осведомленности, о чем говорит донесение Селенгинского уездного начальника в Забайкальское областное правление от 1913 г. «…как видно из донесения того же пристава, все 87 человек, живущих в Кибалинском и 40 человек в Ключевском, уставщика для исполнения треб приглашают из селения Жиримского Тарбагатайской волости Верхнеудинского уезда, и при совершении религиозных обрядов свеч и ладана не употребляют, остальная же часть старообрядцев селения Ключевского в числе 70 человек имеют своего уставщика, от которого принимают таинства причащения, крещения и другие, и при исполнении обрядов употребляют свечи и ладан» [4. Д. 5042. Л. 72–73].

Как видно из донесения, уставщики как единственно возможные организаторы обрядовой деятельности требовались независимо от толка и согласия верующих, кроме того, в волостях ощущался явный их недостаток, что создавало необходимость в их приглашениях из села в село и обо всех перемещениях местная власть сообщала в г. Верхнеудинск. Это являлось обычной бюрократической практикой и в предыдущие годы, так как специфическое отношение со стороны царской власти к старообрядцам всей Российской империи предполагало не только пристальное наблюдение за уставщиками и активными представителями общин на уровне областей и губерний, но и передачу сведений о их приезде в другие города с целью покупки книг и предметов культа. По мнению властей, существовала вероятность, что эти поездки производились с целью поиска православных священников, согласных на переезд и проведение необходимых раскольникам обрядов.

В отношении начальника московской сыскной полиции Верхнеудинскому окружному исправнику за 1887 г. отмечаем: «Вследствие отношения от 10 сентября сего года за № 1210 Управление сыскной полиции имеет честь уведомить ваше высокоблагородие, что, как дознано, крестьяне Ермолай Зайцев и Потап Егоров прибыли в Москву 28 сентября и проживали в доме Моисеевой, 2-го участка Рогожской части, цель их приезда приобрести староверческие книги и иконы, в чем им содействовал Николай Иванов Тюрин, который занимается покупкой и продажей староверческих книг и икон, а иногда

и доставляет раскольникам беглых православных священников, но был ли доставлен Тюриным беглый священник Зайцеву и Егорову – дознать не представляется возможным» [6. Д. 3061. Л. 24–24об.]. Нельзя не отметить прочные связи между старообрядцами, проживающими в разных частях империи (зачастую состоятельными и имеющими влияние), готовыми помочь приезжающим к ним крестьянам-единоверцам.

Кроме того, эти связи распространялись и за пределы Российской империи, так как многочисленные общины старообрядцев, распространяющих богослужебные книги и в России, находились за границей, прежде всего в Белой Кринице и Буковине (Австро-Венгрия). Вполне вероятно, что уставщики забайкальских семейских-поповцев отправлялись (или отправляли посланников) именно туда, о чем волостные старшины немедленно информировали власть: «Во исполнение предписания за № 779, Никольское волостное правление с представлением настоящей переписки имеет честь донести его высокоблагородию господину Верхнеудинскому окружному исправнику, что по справке в волостном правлении оказалось записанными по книге выдаваемых паспортов 1886 года от 1 сентября за № 233, выдан с годичным сроком паспорт крестьянину Хонхолойского селения Лазарю Иванову Варфоломееву, с которым, он как из надписи Хонхолойского сельского старосты за № 219 видно, уехал с родины Российской империи для закупа старооттеческих книг» [6. Д. 3061. Л. 15–15об.].

В целом, анализируя документы царского периода, можно сказать о достаточно либеральном подходе местной власти по отношению к уставщикам, которые по факту свободно занимались проведением обрядов, без ограничений отправляли людей из общины (либо ехали сами) в европейскую часть России или зарубежье (если это заканчивалось покупкой книг), их авторитету в поселениях власть не препятствовала, ограничиваясь контролем за соблюдением законов и предписаний для раскольников.

В 1920-е гг., после окончательного установления советской власти и провозглашения Бурят-Монгольской АССР, партия проводит в республике общегосударственную политику атеизации. Соответственно отношение к духовенству в целом и к старообрядческим уставщикам в частности с каждым годом становится все более враждебным. В отличие от мероприятий царской администрации, которые находили свое выражение в строгом учете количества, мест проживания, перемещений и контроле деятельности уставщиков (при фактической легализации их деятельности), советские органы власти ведут полноценную пропаганду, ударяющую по их репутации и статусу. Активно продолжив начавшуюся со стороны общественности 1900–1910-х гг. (донесения о состоянии здравоохранения и образования в семейских селах) критику традиционной вовлеченности уставщиков в нерелигиозные вопросы (связанные с повседневной жизнью общины) [3. Д. 1134. Л. 9–10], где их знания зачастую оказывались недостаточными, а позиция сомнительной (отказ от борьбы с эпидемиями, негласный запрет обучению грамоте и просвещению), большевики получили возможность назначить их виновниками отсталости от общественного и культурного прогресса.

Для теоретического и практического обоснования своей позиции партийные структуры в основном использовали охарактеризованные труды научных сотрудников Института культуры БМАССР (А. Долотов) и итоги полевых экс-

педиции в села (А. Попова, А. Добромыслов), также для этого широко применялась периодическая печать (в «Бурят-Монгольской правде» печатались статьи, выставляющие уставщиков как пьяниц, мошенников и чревоугодников) [14. С. 2]. В качестве официального документа можно выделить очерки о старообрядцах Забайкалья специально созданного отдела пропаганды и агитации Бурят-Монгольского обкома ВКП(б). Прежде всего уточнялась интерпретация должности уставщика. «Уставщиком может быть каждый обыкновенный крестьянин, не посвященный в духовный сан, умеющий хорошо читать по-церковному, знающий святое писание. Из треб он может выполнять только крещение, погребение и напутствовать умирающего, венчать он не может, не может также приготовить причастие» [9. Д. 961. Л. 18].

Если в документах царского периода прослеживается регламентация деятельности уставщиков, дается оценка происшествиям с их участием, то в этих очерках основной целью (учитывая проводимую политику) является критика целесообразности самого наличия уставщиков в общинах. «Главными носителями старины и руководителями семейских были “уставщики”. Они были и есть страшное зло в семейских селах, губя всякое живое начало и заставляя своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве. В настоящее время большинство семейских еще находится под таким гнетом, но уставщики уже теряют понемногу свое назначение, хотя еще крепко держась за свою власть и оказывая сопротивление всем полезным начинаниям семейских. Боясь ответственности перед советскими органами, они не действуют прямо, а через семейских, через родню и свои приверженцев. Распускают слухи о конце мира, о печати антихриста, о роковом числе 666 и т.п.» [9. Д. 961. Л. 14].

Таким образом, кроме широко применяемого для укрепления власти метода по формированию образа общего для государства и населения внутреннего врага большевики старались размежевать старообрядцев по принципу «уставщик/поколение родителей» (отживший быт, отсталость, религиозные предрассудки) и «комсомол/молодое поколение» (новые возможности для жизни в строящемся советском обществе, свобода выбора). Так как большинство пожилых старообрядцев действительно считалось с мнением уставщиков о революции, новой власти и начавшемся техническом прогрессе – как предпосылках конца света (в отличие от молодежи, на которую был сделан основной упор пропаганды).

В качестве результата отмечаем изменение либерального подхода (контроль и наблюдение) власти по отношению к уставщикам на более радикальный (удар по репутации), что дало возможность как установления ограничений в их деятельности, так и легализации последующих в 1930-х гг. репрессий духовенства.

Заключение. Рассматривая донесения миссионеров Русской православной церкви и заметки исследователей старообрядчества Забайкалья разных десятилетий, можно отметить их единодушное отрицательное отношение к институту уставщиков как главному препятствию окончания раскола либо культурного прогресса. Признавая обоснованную критику уставщиков как противников светского образования и медицины (что в итоге отбросило старообрядцев назад в уровне грамотности и спровоцировало разгул эпидемий оспы и тифа в селах), нельзя не сказать о собственном видении устранения про-

блемы у наблюдателей, зачастую находящих решение за самих старообрядцев. В одних случаях влияние уставщиков прекращалось бы полным переходом раскольников в православие, в других – отказом от религиозного мировоззрения и лояльности к советской власти (что в дальнейшем привело не только к многочисленным репрессиям духовенства, но одновременно и к вымиранию традиционного быта и идентичности старообрядцев, что считалось однозначным благом). Между тем слабые темпы перехода в единоверчество в Забайкалье (еще с XIX в.), а также постоянные попытки реставрации старообрядцами своей культурной специфики в современности говорят о том, что полномасштабная исследовательская критика уставщиков и сохраняемых ими старых устоев была во многом неоправдана и подчинялась создавшейся конъюнктуре.

Охарактеризованные документы царского периода позволяют сделать вывод о более рациональном отношении к ситуации с раскольничеством. Лояльность (по сравнению с советским периодом) существующей на тот момент юридической базы по отношению к старообрядцам (тенденция к послаблению, особенно после указа 1905 г. о веротерпимости), достаточно пригодные для религиозной жизни ограничения указывают на понимание властью роли уставщиков как одних из хранителей не только старого быта, но и общественного спокойствия, что, безусловно, было для нее важнее.

Советская власть, преследуя конечную задачу по гомогенизации общества, пыталась всеми силами прекратить изолированное состояние старообрядцев, для чего искореняла старые устои и всячески поддерживала желание части населения «жить по-новому», абсолютизировав понятие отсталости как на фигуру уставщика, так и на всю старообрядческую культуру, что объективно привело к ее сильнейшему упадку.

Литература и источники

1. *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX вв. Новосибирск: Февраль, 1994. 148 с.
2. *Васильева С.В.* Старообрядчество Западного Забайкалья и вероисповедная политика государства XVII – начало XX вв.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 168 с.
3. Государственный архив Забайкальского края (далее – ГАЗК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 1134.
4. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 5042.
5. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 337. Оп. 1. Д. 146.
6. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3061.
7. ГАРБ. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7833.
8. ГАРБ. Ф. 262. Оп. 1. Д. 416.
9. ГАРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 961.
10. Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО). Ф. 565. Оп. 1. Д. 92.
11. ГАИО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 141.
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 4637.
13. *Долотов А.* Старообрядчество в Бурятии. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1931. 52 с.
14. Проделки старообрядческого попа // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 46, 27 окт.
15. *Селищев А.М.* Забайкальские старообрядцы. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 1920. 88 с.
16. *Шахов М.О.* Философские аспекты староверия. М.: Третий Рим, 1997. 205 с.

ХОМЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (ИМБТ СО РАН), Россия, Улан-Удэ (khomyakov777@yandex.ru).

Sergey V. KHOMYAKOV

THE IMAGE OF THE RITUALIST IN THE DOCUMENTS OF THE AUTHORITIES AND DESCRIPTIONS OF RESEARCHERS OF THE OLD BELIEVERS OF BURYATIA (late 19th – early 20th century)

Key words: *Russian history, documents of the authorities, religion, Church schism, identity, old believers, co-religionists, ritualist, anti-religious policy, Soviet society.*

For the Old-Rite population of Buryatia, since its appearance in the region, the task of preserving the old Orthodox faith and religious unity – in their opinion, the key to the salvation of the soul and eternal life – became an urgent necessity. In the absence (or status non-recognition) of priests, guides in the faith and intermediaries between the laity and the God, the main ceremonial functions were performed by ritualists chosen by the population and not recognized as clergy by the official Church.

As tasks, the article examines the issue of assessments made by researchers of the 19th – 20th centuries concerning the role of a ritualist in the life of an ordinary Old Believer, which would give the opportunity to better identify its relevance to the community. Also, analyzing the documents of the tsarist and Soviet rule, the article raises the question about the differences between them within the boundaries of permissible control and admissible jurisdiction of ritualists, which will give more information about the different vision of their potential or obvious threats to the events, which certainly was dictated by a particular policy. Hence, the aim of this work is to analyze the image of a ritualist in the studies of the Russian Orthodox Church missionaries and scientists of the late 19th – early 20th centuries, as well as in the documents of the authorities, which will enable to better understand the relationship of his status with the integrity of the community specifics and its protection from external influence. The object of the study is the status of a ritualist in the Old Believer villages of Buryatia; the subject is assessments of its activities by scientists and government agencies.

As the main conclusions, it is possible to say that, taking into account the authority and significance in the settlements, the ritualists' field of activity was much wider than the practice of worship and interpretation of the Holy books. The ritualists had a fundamental influence on the daily life of a person, in the absence of an alternative opinion, they imposed their own one in matters of medicine, as well as education and moral education of young people. It is not surprising that they were the subject of special interest of researchers who visited the villages of Old Believers of Buryatia at the turn of 19th – 20th centuries and saw ritualists as the main custodians of not only religious but cultural identity of the Old Believers as well. For the same reason, they attracted negative attention of the official authorities, who wanted to weaken their authority (the tsarist government justified this by returning schismatics to the bosom of the Orthodox Church, the revolutionary government – by the need to build a unified Soviet society).

References

1. Bolonev F.F. *Staroobryadtsy Zabaikal'ya v XVIII–XX vv.* [Old believers of Transbaikalia in the 18th and 20th centuries]. Novosibirsk, Fevral Publ., 1994, 148 p.

2. Vasil'eva S.V. *Staroobryadchestvo Zapadnogo Zabaikal'ya i veroispovednaya politika gosudarstva XVII – nachalo XX vv.: dis. … kand. ist. nauk* [Old believers of Western Transbaikalia and religious policy of the state: XVII – early XX centuries. Cand. Diss.]. Ulan-Ude, 2000, 168 p.

3. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya. Fond 1. Op 2. Dokument 1134* [State Archives of the Trans-Baikal territory. Archives 1. Anagraph 2. Document 1134].

4. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo kraya. Fond 1. Op 1. Dokument 5042* [State Archives of the Trans-Baikal territory. Archives 1. Anagraph 1. Document 5042].

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 146* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 146].

6. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 3061* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 3061].

7. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 337. Op. 1. Dokument 7833* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 337. Anagraph 1. Document 7833].

8. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 262. Op. 1. Dokument 416* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 262. Anagraph 1. Document 416].

9. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Buryatiya. Fond 1. Op. 1. Dokument 961* [State Archives of the Republic of Buryatia. Archives 1. Anagraph 1. Document 961].

10. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 565. Op. 1. Dokument 92* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 565. Anagraph 1. Document 92].

11. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 565. Op. 1. Dokument 141* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 565. Anagraph 1. Document 141].

12. *Gosudarstvennyi arkhiv Irkutskoi oblasti. Fond 50. Op. 1. Dokument 4637* [State Archives of the Irkutsk region. Archives 50. Anagraph 1. Document 4637].

13. Dolotov A. *Staroobryadchestvo v Buryatii* [Old believers in Buryatia]. Verkhneudinsk, Burgosizdat Publ., 1931, 52 p.

14. Prodelki staroobryadcheskogo popa [Games of the old believer priest]. Buryat-Mongol'skaya pravda, 1923, no. 3.

15. Selishchev A.M. *Zabaikal'skie staroobryadtsy* [Trans-Baikal old believers]. Irkutsk, Irkutsk University Publ., 1920, 88 p.

16. Shakhov M.O. *Filosofskie aspekty staroveriya* [Philosophical aspects of old belief]. Moscow, Tretii Rim Publ., 1997, 205 p.

SERGEY V. KHOMYAKOV – Candidate of Historical Sciences, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (IMBTS SB RAS), Russia, Ulan-Ude (khomyakov777@yandex.ru).

Формат цитирования: *Хомяков С.В.* Образ уставщика в документах властей и описаниях исследователей старообрядчества Бурятии (конец XIX – начало XX века) // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 166–175. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-166-175.

DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-176-185

УДК 681.587-053.9(091)(093.3)(470.344)
ББК 3965г(2Рос.Чув)ю14

Т.В. ЯКОВЛЕВА, Т.Н. ИВАНОВА, О.Н. ШИРОКОВ, Р.А. ИДРИСОВ

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ ЧЕБОКСАРСКОГО ЗАВОДА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ КАК ИСТОЧНИК ПО УСТНОЙ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА ЧУВАШИИ

Ключевые слова: *устная история, воспоминания, электротехнический кластер, Чебоксарский завод электрических исполнительных механизмов, ветераны завода.*

В статье анализируются воспоминания ветеранов Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов. Данные воспоминания содержат описание деятельности коллектива предприятия с момента его основания до конца 80-х гг. XX в. Методология исследования основана на методах «устной истории», предполагающих анализ материалов, полученных путем проведения бесед и интервью с участниками и свидетелями исторических событий. Это позволяет авторам получить нетрадиционные выводы в отношении уже известных исторических фактов и выявить неизвестные ранее социальные явления.

Новизна исследования обоснована анализом воспоминаний, не использовавшихся ранее как устноисторические источники. Кроме того, новым представляется и исследовательский подход авторов, так как метод «устной истории» получил относительно недавнее распространение в исторической науке России.

Результаты исследования показывают, что данные, полученные указанным выше методом, являются важным дополнением к другой группе источников – официальным документам, статистическим обзорам, нормативным актам. Воспоминания работников предприятия содержат оценки исторических событий, отражающие отношение к ним самих участников и свидетелей. Анализ таких оценочных суждений позволяет актуализировать наши знания, приблизить их к современному пониманию.

При этом присутствующие в воспоминаниях оценки не идеализируют историческое прошлое. Они выходят за рамки официальных документов, являются независимыми суждениями, способствуя более объективному пониманию исторических процессов, происходивших в СССР во второй половине XX в. Воспоминания позволяют воссоздать первые годы существования завода, процесс формирования его коллектива, увидеть оценки важнейших событий заводской истории глазами инсайдеров. Именно с этого времени в Чувашии создается электротехнический кластер, включающий в себя подготовку высококвалифицированных специалистов.

Это обстоятельство позволяет сделать и другой вывод – о широких перспективах выбранного направления исследования. Воспоминания содержат большой массив материалов, требующих неоднократной обработки и продолжения исследования. Следует продолжать сбор подобного вида источников в форме устных бесед и интервью. Подобная работа должна по итогу закончиться формированием базы данных с перспективой их хранения по различным направлениям с целью последующего использования и другими исследователями в соответствии с их сферой научных интересов. С этим связана и практическая значимость темы исследования. Ее результаты могут применимы при разработке других проблем новейшей истории, стать примером для дальнейшего развития современной методологии исторической науки.

В современной исторической науке широкое распространение приобрела методология «устной истории», основанная на использовании воспоминаний, материалов интервью, анкет участников и свидетелей тех или иных исторических событий. Применение этого метода позволяет актуализировать наши знания о недавнем прошлом и обнаружить порой неожиданные для самих исследователей лакуны. Сама методика сбора данных получила свое научное обоснование в ставшей уже классической работе П. Томпсона [12].

Материалы по «устной истории» имеют в определенной степени «ускользающий» характер, так как из человеческой памяти могут исчезать некоторые детали даже значимых событий. Не вечна и сама человеческая жизнь, каждый прожитый год приносит новые потери среди представителей старшего поколения – носителей знаний о нашем историческом прошлом. Тем ценнее становятся даже крупицы отрывочных воспоминаний ветеранов производства, системы образования, здравоохранения, чьими усилиями осуществлялись формирование и развитие современной социально-экономической системы Чувашской Республики. Исходной источниковой базой для проведения исследования стали воспоминания ветеранов Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов (ЗЭИМ), сохраненные в личном архиве одного из авторов данной статьи Т.Н. Ивановой. Эти воспоминания были собраны в 1998 г. в связи с 40-летием предприятия, являющегося одним из флагманов всего электротехнического кластера современной Чувашии. Сборник включает в себя воспоминания сотрудников предприятия самого разного уровня от руководителей завода до его рядовых работников и охватывает широкий период его развития с момента основания и до второй половины 1980-х гг.

Таким образом, целью авторов исследования явилось изучение истории Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов на основе воспоминаний его ветеранов. Новизна в данном случае проистекает в первую очередь из характера использованного источника, а также из заявленной темы исследования. Дело в том, что, несмотря на довольно большое число статей, посвященных отдельным аспектам развития электротехнического кластера в Чувашии, он не выступал до сих в качестве специального предмета исследования. Вершиной в этом отношении остается монография И.Д. Кузнецова, посвященная Чебоксарскому электроаппаратному заводу, изданная еще в советский период [5]. Непосредственно истории Чебоксарского завода электроники и механики посвящена статья С.Ю. Михайловой [7]. Однако автор этой статьи, сосредоточившись на основных фактах истории завода, не использовал воспоминания как устноисторический источник. Следует также разъяснить разночтения в названии предприятия в указанной статье и в нашем исследовании. Работа С.Ю. Михайловой охватывает период 1957–2002 гг., включая момент переименования предприятия в 1992 г. в связи с изменением его статуса в акционерное общество открытого типа «Завод электроники и механики» [7. С. 140]. Наша статья анализирует воспоминания работников предприятия советского периода, когда оно было известно под названием «Чебоксарский завод электрических исполнительных механизмов». При этом переименование завода в 1992 г. сохранило его традиционную аббревиатуру – ЗЭИМ (в современном виде – ЗЭиМ).

Методологическая база исследования основана на методах «устной истории», примененным для обработки уже зафиксированных воспоминаний ветеранов ЗЭИМа, собранных в свободной форме письменных свидетельств.

Строительство Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов началось в 1956 г., а выпуск первой промышленной партии электрических исполнительных механизмов ИМ-2/120 состоялся летом 1958 г. [7. С. 132]. Важнейшими задачами для коллектива формировавшегося предприятия на начальном этапе были создание материальной базы, освоение выпуска продукции, подбор кадрового состава и развитие социальной инфра-

структуры. И все эти сложнейшие вопросы, часто представляющиеся неразрешимыми в современных условиях, тогда решались одновременно! Успехи, достигнутые уже на начальном этапе создания предприятия, по-видимому, следует связывать с опытом размещения и ускоренного введения в эксплуатацию эвакуированных предприятий в Чебоксарах в годы Великой Отечественной войны и волевыми методами централизованного управления советской экономикой, главенствовавшего в рассматриваемый период. Большую роль сыграл и трудовой энтузиазм молодого коллектива завода, формировавшегося прямо в процессе решения производственных задач.

В воспоминаниях И.А. Пикулевой, тогда выпускницы Чебоксарского электромеханического техникума, распределение на только строящийся завод они восприняли с энтузиазмом. При этом она вспоминает о поле на месте завода [8. С. 42]. Похожее воспоминание мы встречаем и у приехавшей в Чебоксары выпускницы Пензенского приборостроительного техникума С.А. Пучковой: «Цель найдена, это выглядело так: голое поле, строительные сараи, первый этаж большого корпуса, фундамент еще одного» [9. С. 8].

По воспоминаниям Б.И. Хватова, главного технолога ЗЭИМа в 1957–1959 гг., параллельно строительству главного корпуса завода в 1957 г. шел монтаж части оборудования во вспомогательном корпусе. Ускоренными темпами была введена в эксплуатацию котельная завода, что позволило начать работу штамповочного цеха и гальванического участка. Благодаря этому уже 30 апреля 1958 г. ОТК принял первую партию изделий ИМ-2/120 в количестве 5 штук. Серийный же выпуск механизмов начался в мае 1958 г. [15. С. 6], согласно материалам официального сайта АБС ЗЭиМ Автоматизация – с 3 июня 1958 г. [3]. Вскоре был введен в эксплуатацию и второй промышленный корпус, имевший три этажа.

Создание социальной инфраструктуры на первом этапе развития предприятия сводилось к проблеме обеспечения жильем его сотрудников. По началу их заселяли в общежитие, размещавшееся непосредственно в небольшом одноэтажном здании заводоуправления, к тому же арендованное у строителей. До конца 1958 г. часть работников предприятия проживала в построенных строителями «засыпушках» [18. С. 7]. Но одновременно шло строительство заводской столовой, двухэтажного щитового жилого дома и тридцатиквартирного жилого дома. Уже в октябре 1958 г. тридцатиквартирный дом был заселен, а в 1959–1960 гг. были сданы в эксплуатацию еще 2 шестидесятиквартирных дома [15. С. 6].

Проблема обеспечения квалифицированными кадрами решалась за счет устройства на работу молодых специалистов, закончивших обучение в профильных высших и средних учебных заведениях. Именно с этой целью предприятие вело такое активное жилищное строительство. По воспоминаниям Б.И. Хватова, «на 1-е января 1958 года списочный состав работающих на заводе составлял не более 30 человек» [15. С. 5]. Но уже осенью того же года в одном только механическом цехе ЗЭИМа трудились более 100 человек [7. С. 42]. Среди первых специалистов, трудившихся на заводе, мы видим выпускников Пензенского приборостроительного техникума, Горьковского политехнического института. Рядовые кадры набирались в основном в Чебоксарах, где действовали свои учебные заведения электротехнического профиля, в первую очередь – Чебоксарский электромеханический техникум [8. С. 42; 9. С. 8–9; 17. С. 9; 18. С. 7].

Ситуация с обеспечением кадров резко меняется в лучшую сторону в начале 1970-х гг., когда на предприятии появляются выпускники созданного в Чебоксарах Волжского филиала МЭИ, а затем Чувашского государственного университета [11. С. 21]. По воспоминаниям В.Н. Макарова, трудившегося тогда на заводе инженером-конструктором, именно это позволило активно внедрять передовые тенденции в систему производства, осваивать полупроводниковые приборы, интегральные микросхемы и микропроцессоры [6. С. 23]. С этого времени, по нашему мнению, следует вести отчет созданию в Чувашии собственного электротехнического кластера, включающего в себя в качестве необходимого структурного элемента подготовку высококвалифицированных специалистов.

1960-е годы стали периодом непрерывного поступательного развития предприятия, постоянного наращивания объемов производства и материальной базы, увеличения номенклатуры продукции, качественного и количественного роста трудового коллектива завода. Многие из ветеранов отмечают в связи с этим позитивную роль деятельности Совнархоза Чувашской Республики, созданного в рамках реформы системы управления в период руководства СССР Н.С. Хрущевым. Именно Совнархоз, по их мнению, сыграл главную организующую роль в разных направлениях деятельности завода, обеспечивая ему всяческую поддержку на региональном и общесоюзном уровнях [15. С. 5; 17. С. 12–13]. Особенно откровенно по этому поводу высказывается инженер конструкторского бюро А.П. Камчаткин: «Умные люди руководили тогда Чувашским Совнархозом, они знали что делать и где делать – создали очень нужный всей стране завод…» [4. С. 25].

Одним из позитивных факторов, способствовавших стабильному развитию ЗЭИМа, в этот период считают теплые отношения, сложившиеся в коллективе. Как вспоминает Ю.В. Дорофеев, работавший на предприятии в качестве главного технолога в 1959–1962 гг.: «На ЗЭИМе был хороший микроклимат, атмосфера сотрудничества и взаимной поддержки. Коллектив был молод. В 60–70-е годы средний возраст на заводе был 30–32 года. Молодые, мы в большинстве считали работу и дружбу самым важным делом своей жизни, зачастую важнее личных и семейных дел» [2. С. 19]. Вместе с тем он отмечает действовавшее на предприятии удачное сочетание молодости и опыта: «Становлением завода руководили мудрые, опытные и порядочные люди, знающие свое дело и умеющие зажечь других. Они создали и поддерживали атмосферу сотрудничества и порядочности» [2. С. 19].

Руководство завода и рядовых членов коллектива сближала не только общая работа, но и совместное общение вне ее: «Общие цели и интересы, решаемые задачи, а также общие увлечения (спорт, рыбалка, охота) сближали людей, ускоряли взаимное познание, переходили в товарищеские отношения и дружбу, как говорится, на всю оставшуюся жизнь» [11. С. 23]. Теплоту отношений начала 1960-х гг. вспоминает и И.А. Пикулева: «Наш коллектив умел не только отлично работать, но и дружно отдыхать. … С разрешения начальника цеха (механического. – *Авт.*) мы ежедневно во время обеда устраивали танцы. … И еще умудрялись все вместе и песни петь! К нам приходили рабочие даже из других цехов «повальсировать» и отвести душу песней, чему мы были очень рады» [8. С. 43].

При этом следует упомянуть, что сроки освоения новых видов продукции всегда были очень сжатыми, требования к коллективу всегда оставались

очень высокими. На всех работников завода приходился очень большой объем работ, поэтому нельзя с позиции сегодняшнего дня оценивать труд тех лет как несложный будничный элемент вялотекущего существования страны в период так называемого «застоя». Главный конструктор ЗЭИМа в 1972–1976 гг. С.Н. Стоменский вспоминает: «Абсолютное большинство работников трудились по 10–12 часов в день и, как говорится, не за страх, а за совесть. Правда хорошая работа поощрялась морально и материально… Этому, конечно, способствовало и то, что завод стабильно выполнял и перевыполнял планы по всем многочисленным показателям, получая все виды премий» [11. С. 22].

Похожие воспоминания встречаем и у А.П. Камчаткина: «…все работали много, с подъемом и настроением; были на то причины – завод был в числе лучших в городе и по Министерству занимал классные места, труд оплачивался достойно и прилично» [4. С. 27]. Упоминания о системе материальных поощрений особенно интересны в связи со сформировавшимся современным мифом о том, что в советском обществе вознаграждение за труд получали исключительно в виде грамот, вымпелов, почетных знаков и т.д.

Однако не следует воспринимать описываемый период в развитии ЗЭИМа только в виде идиллической картины безоблачного развития. Сами ветераны предприятия рассказывают об этом достаточно откровенно. Следует учитывать эффект воспоминания пожилого человека о периоде молодости, как правило, получающем больше положительные характеристики, чем отрицательные. Вот как об этом говорит проработавшая на заводе в разных должностях более 40 лет С.А. Пучкова: «Шли год за годом в труде и заботах. Были и радости и огорчения. И вот основная часть жизни, самая творческая, насыщенная событиями, позади. Завод стал крупным предприятием и никак не напоминает те сараи, которые мы увидели при первом знакомстве с ним. Жизнь продолжается. Иногда вспоминаем молодые и зрелые годы, чаще хорошим, чем плохим» [9. С. 9].

Некоторые из ветеранов вспоминают, что предприятию приходилось периодически производить продукцию, не соответствующую его профилю. Причем такое явление возникло практически с момента создания завода. Б.И. Хватов, например, упоминает о нем уже применительно к периоду 1958–1959 гг.: «По разным причинам завод стал выпускать ряд новых, не свойственных профилю завода, изделий. Был организован участок по выпуску дистилляторов, а позднее началось освоение сборки узла электродвигателя для стиральной машины» [15. С. 6].

По характеру указанной выше продукции можно догадаться, что ее производство стало следствием существовавшего тогда специфического требования к промышленным предприятиям – выполнения плана по товарам народного потребления. Оно действовало тогда, в том числе на предприятиях тяжелой или высокоточной промышленности, несмотря на специфику основной продукции.

Достаточно известен, например, эпизод, связанный с началом производства в 1975 г. на ЗЭИМе первых игровых автоматов «Меткий стрелок» [16. С. 280]. Однако мало кто сегодня знает, что это была по сути вынужденная мера: «В 1973 г., спасая будущий план производства завода по товарам народного потребления, ОГК (отдел главного конструктора. – *Авт.*) взялся за разработку игрового автомата «Меткий стрелок». Сроки, отведенные на его

разработку, были настолько короткими (6-7 месяцев), что казались невыполнимыми…» [11. С. 22]. Тем не менее коллектив успешно справился с поставленными тогда задачами, создав нашедшую широкое применение продукцию в новом для себя сегменте. «Меткий стрелок» производился в специально созданном для этого цехе товаров народного потребления и приносил его обладателям в лице заказчика – объединения «Союзаттракцион» – по 55–60 руб. в день с одного автомата (огромные деньги для второй половины 1970-х гг.). Примечательно, что его сняли с производства только в связи с переходом на чеканку новых монет в 90-е гг. XX в. [6. С. 24–25].

Нередкими были конфликты с руководящими организациями союзного уровня, когда приходилось защищать интересы родного предприятия, несмотря на опасные последствия для самого защитника. Профессор Ю.С. Яковлев, занимавший на заводе должности главного конструктора и начальника отдела специального конструкторского бюро (СКБ), вспоминает, например, как головное отраслевое научное учреждение НИИТеплоприбор в 1960 г. навязало предприятию недействующий регулятор для аппаратуры пневматики АУС (агрегатная унифицированная система. – *Авт.*). В итоге конструкторами завода предложенная руководством модель была усовершенствована, и в таком виде началось ее производство, одобренное в Совнархозе Чувашии. Несмотря на то, что результат превзошел все ожидания, и в 1976 г. предприятие стало головной организацией СССР по производству ЭАУС (электронных АУС. – *Авт.*), для руководителей завода были негативные последствия: «директор завода С.Г. Федченко через некоторое время вынужден был уволиться с завода, а я (Ю.С. Яковлев. – *Авт.*), раньше, чем это стало целесообразным, перешел в СКБ» [17. С. 14].

Подобные факты служебных конфликтов приводит и С.Н. Стоменский. В начале 70-х гг. он вел работу по сокращению номенклатуры выпускаемой предприятием продукции, добиваясь не механического увеличения числа изделий, а повышения их качества. При этом основное внимание уделялось наиболее перспективным видам продукции, рассчитанным на долговременные потребности. С точки зрения предприятия это было абсолютно верным. Но представители министерств-заказчиков и главк Минприборе СССР заставляли подписывать акты об освоении и приемке новых изделий любой ценой, в том числе не обращая внимания на огрехи в качестве. Подобные факты дают хорошее представление о том, как была в действительности устроена советская экономическая система. Тем не менее С.Н. Стоменскому удалось значительно сократить список изделий, избавившись, в том числе, от мелкосерийных производств. Однако каких трудов и усилий это стоило: «Эта работа в приемочных комиссиях стоила мне дорого, в смысле больших нервных нагрузок…» [11. С. 22].

В воспоминаниях ряда ветеранов предприятия мы встречаем критическую оценку временного организационного слияния в 1986 г. двух производственных объединений «Электроприбор» и «Промприбор», головным предприятием которого тогда являлся ЗЭИМ. Ожидавшихся позитивных последствий от этого изменения в условиях сумбурных «перестроечных» реформ не произошло. Вот как описывает, например, свое видение ситуации инженер СКБ И.В. Федоров: «Вместе с тем разгоралась борьба за власть в новом большом объединении “Электроприбор” и борьба за “суверенитет” в бывшем “Промприборе”. Она затронула, в основном, руководящий состав, но были

протесты против “оккупантов” и на уровне рядовых исполнителей, которые принимали иногда даже формы саботажа. Это создавало большие трудности в решении организационно-технических вопросов на всех этапах разработки новой техники и запуска ее в серийное производство» [13. С. 32]. Похожие оценки этого события мы встречаем и в других воспоминаниях о периоде второй половины 1980-х гг. [1. С. 41; 2. С. 20; 10. С. 28; 14. С. 38–39].

Инженер-конструктор ЗЭИМа Е.А. Болодурин, например, нелицеприятно описывая этот факт, представляет в возникшем конфликте позицию «Промприбора»: «… пагубным, необдуманным и, я бы сказал, бездарным было объединение двух предприятий – “Промприбор” и “Электроприбор”. В то время, пользуясь бесконтрольностью, точнее сказать, вседозволенностью, руководство “Электроприбора” во главе с директором Л. Башкировым быстро превратило “Промприбор” в какой-то придаток. Началось повальное разрушение производства и некогда сплоченного коллектива. Виной в том, на мой взгляд, стало абсолютное отстранение от дел бывшего тогда руководства республики, Чебоксар и министерства приборостроения» [1. С. 41]. Не вдаваясь в детали противоречивого организационного решения 1986 г., заметим лишь, что уже в 1989 г. его отменили, и ЗЭИМ продолжил свое самостоятельное существование.

Тем не менее следует отметить, что, несмотря на все проблемы, стоявшие на пути развития предприятия, ЗЭИМ был и остался одним из флагманов электротехнического кластера Чувашии. В момент очень сложного периода 1990-х гг. завод был преобразован в акционерное общество открытого типа «Завод электроники и механики», сохранив свою прежнюю аббревиатуру. Современное его название – открытое акционерное общество «АБС ЗЭиМ Автоматизация» (АБС ЗЭиМ Автоматизация), разрабатывающее и внедряющее «под ключ» различные автоматизированные системы управления технологическими процессами, а также широкую номенклатуру средств автоматизации для систем промышленной автоматики» [3].

Таким образом, исследование воспоминаний ветеранов ЗЭИМа, опирающееся на методы «устной истории», позволило нам обнаружить немало интересных страниц, иллюстрирующих долгий путь развития предприятия. Что немаловажно, это страницы, которые по своей сути не могут быть отражены в сухих официальных справочниках. Но сколько по-настоящему животрепещущих, перекликающихся с сегодняшним днем фактов и оценок они содержат! В этом, на наш взгляд, состоит практическая значимость проведенного исследования. Оно подтверждает и явную перспективность примененного метода. Сбор материалов воспоминаний, устных бесед, интервью с ветеранами позволяет в большой степени восполнять пробелы в знаниях о нашей такой недавней, но быстро исчезающей истории. Он дополняет данные архивов, статистических отчетов, протоколов заседаний, позволяя иначе взглянуть на те или иные факты. Причем присущий подобным свидетельствам эпохи субъективизм ничуть не снижает их научной ценности.

Литература

1. *Болодурин Е.А.* Былое // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 40–41.

2. *Дорофеев Ю.В.* Технологическое обеспечение производства и дальнейшее развитие завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 16–20.

3. История АБС ЗЭиМ Автоматизация [Электронный ресурс] // АБС ЗЭиМ Автоматизация: офиц. сайт. URL: http://www.zeim.ru/about/history/ (дата обращения: 08.09.2020).

4. *Камчаткин А.П.* Жизнь и завод // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 25–27.

5. *Кузнецов И.Д.* История Чебоксарского электроаппаратного завода. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во,1975. 280 с.

6. *Макаров В.Н.* «Меткий стрелок» – частица истории завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 23–25.

7. *Михайлова С.Ю.* Страницы индустриальной истории Чувашии: Чебоксарский завод электроники и механики (1957–2002 гг.) // Основные аспекты трансформации постсоветского пространства в условиях полиэтнического региона. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. С. 132–142.

8. *Пикулева И.А.* «ЗЭиМ» – оптимистическая летопись // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С 42–46.

9. *Пучкова С.А., Пучков К.С.* Немного о далеком прошлом // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 8–9.

10. *Соловьев Л.Г.* Служба механизации и автоматизации и ее роль в жизни завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 27–28.

11. *Стоменский С.Н.* Расцвет завода. Упорядочение номенклатуры // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 20–23.

12. *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

13. *Федоров И.В.* В «смутное» время // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 32–33.

14. *Фурман М.Ф.* Завод и СКБСПА – опыт сотрудничества // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 36–39.

15. *Хватов Б.И.* Рождение завода // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 5–7.

16. *Яковлева Т.В., Широков О.Н., Идрисов Р.А.* Основные этапы исторического развития электротехнического кластера в Чувашской Республике // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 277–285.

17. *Яковлев Ю.С.* Перепрофилирование завода. Рождение СКБ СПА // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 9–15.

18. *Якунин А.Т.* Первые дни и многие годы на заводе // Воспоминания ветеранов АО «ЗЭиМ» и СКБ СПА о заводе. Чебоксары, 1998. С. 7–8.

ЯКОВЛЕВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРИАНОВНА – генеральный директор, ООО «Центр научного сотрудничества “Интерактив плюс”», Россия, Чебоксары (info@interaktive-plus.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6345-1480).

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tivanovan@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2428-2578).

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oleg_shirokov_1970@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6218-8948).

ИДРИСОВ РУСТЕМ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ridrisov21@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4737-0589).

Tatiana V. YAKOVLEVA, Tatiana N. IVANOVA, Oleg N. SHIROKOV, Rustem A. IDRISOV

MEMOIRS OF VETERANS OF CHEBOKSARY ELECTRIC ACTUATORS PLANT AS A SOURCE OF THE ORAL HISTORY OF THE FORMATION OF CHUVASHIA'S ELECTRICAL ENGINEERING CLUSTER

***Key words**: oral history, memoirs, electrical engineering cluster, Cheboksary electric actuators plant, veterans of the plant.*

The article analyzes the memoirs of veterans of Cheboksary electric actuators plant. These memoirs contain a description of the activities of the enterprise's team from the moment of its foundation to the end of the 80's of the 20th century. The research methodology is based on the methods of "oral history", which involve the analysis of materials obtained by conversations and interviews with participants and witnesses of historical events. This gives the

authors the opportunity to draw unconventional conclusions about already known historical facts and to identify previously unknown social phenomena.
The novelty of the research is based on the analysis of memoirs that were not previously used as oral historical sources. In addition, the authors' research approach is new, since the method of "oral history" has become widespread in the historical science of Russia only recently.
The results of the study show that the data obtained by the above-mentioned method is an important addition to another group of sources – official documents, statistical reviews, and regulations. Memoirs of the enterprise employees contain estimates of historical events, reflecting the attitude of participants and witnesses to them. The analysis of such value judgments enables to update our knowledge and bring it closer to modern understanding.
At the same time, the assessments present in the memoirs do not idealize the historical past. They go beyond official documents and are independent judgments, contributing to a more objective understanding of the historical processes that took place in the USSR in the second half of the twentieth century. Memoirs make it possible to recreate the first years of the plant's existence, the process of forming its team, and see the assessments of the most important events in the plant's history through the eyes of insiders. It is since that time that an electrical engineering cluster has been created in Chuvashia, which includes training of highly qualified specialists.
This circumstance allows us to draw another conclusion – about the broad prospects of the chosen research direction. Memoirs contain a large array of materials that require repeated processing and continued research. This type of source should continue to be collected in the form of oral conversations and interviews. Such work should eventually result in the formation of a database with the prospect of their storing in various areas for subsequent use by other researchers in accordance with their field of scientific interests. This is also related to the practical significance of the research topic. Its results can be applied in the development of other problems in modern history, and become an example for the further development of modern methodology of historical science.

References

1. Bolodurin E.A. *Byloe* [The past]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 40–41.

2. Dorofeev Yu.V. *Tekhnologicheskoe obespechenie proizvodstva i dal'neishee razvitie zavoda* [Technological support of production and further development of the factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 16–20.

3. *Istoriya ABS ZEiM Avtomatizatsiya* [History of ABS ZEiM Automation]. Available at: http://www.zeim.ru/about/history (Accessed 8 September 2020).

4. Kamchatkin A.P. *Zhizn' i zavod* [Life and factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 25–27.

5. Kuznetsov I. D. *Istoriya cheboksarskogo elektroapparatnogo zavoda* [History of the Cheboksary Electrical Apparatus Plant]. Cheboksary, Chuvash Publ. House, 1975, 280 p.

6. Makarov V.N. «*Metkii strelok» – chastitsa istorii zavoda* [A «sharp-shooter» is a particle of history of factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 23–25.

7. Mikhailova S.Yu. *Stranitsy industrial'noi istorii Chuvashii: Cheboksarskii zavod elektroniki i mekhaniki (1957–2002 gg.)* [Pages of the industrial history of Chuvashia: Cheboksary plant of electronics and mechanics (1957–2002 years)]. In: *Osnovnye aspekty transformatsii postsovetskogo prostranstva v usloviyakh polietnicheskogo regiona* [The main aspects of the transformation of the post-Soviet space in a multi-ethnic region]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2003, pp. 132–142.

8. Pikuleva I.A. *«ZEiM» – optimisticheskaya letopis'* [«ZEiM» – an optimistic chronicle]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 42–46.

9. Puchkova S.A., Puchkov K.S. *Nemnogo o dalekom proshlom* [A bit about the distant past]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 8–9.

10. Solov'ev L.G. *Sluzhba mekhanizatsii i avtomatizatsii i ee rol' v zhizni zavoda* [Service of mechanization and automation and her role are in life of factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 27–28.

11. Stomenskii S.N. *Rastsvet zavoda. Uporyadochenie nomenklatury* [The flourishing of the plant. Ordering of items]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 20–23.

12. Tompson P. Golos proshlogo. *Ustnaya istoriya* [Voice of the past. Oral history]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003, 368 p.

13. Fedorov I.V. *V «smutnoe» vremya* [In the «troubled» time]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 32–33.

14. Furman M.F. *Zavod i SKBSPA – opyt sotrudnichestva* [Factory and SKBSPA – experience of cooperation]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 36–39.

15. Khvatov B.I. *Rozhdenie zavoda* [The birth of the factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 5–7.

16. Yakovleva T.V., Shirokov O.N., Idrisov R.A. *Osnovnye etapy istoricheskogo razvitiya elektrotekhnicheskogo klastera v Chuvashskoi Respublike* [Main stages in the historical development of the electrotechnical cluster in the Chuvash Republic]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 277–285.

17. Yakovlev Yu.S. *Pereprofilirovanie zavoda. Rozhdenie SKB SPA* [Re-profiling of the factory. ThebirthofSKBSPA]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 9–15.

19. Yakunin A.T. *Pervye dni i mnogie gody na zavode* [The first days and many years at the factory]. In: *Vospominaniya veteranov AO «ZEiM» i SKB SPA o zavode* [Memories of the veterans of AO «ZEiM» i SKB SPA about the factory]. Cheboksary, 1998, pp. 7–8.

TATIANA V. YAKOVLEVA – General Director, Center of Scientific Collaboration «Interactive Plus», Russia, Cheboksary (info@interaktive-plus.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6345-1480).

TATIANA N. IVANOVA – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (tivanovan@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2428-2578).

OLEG N. SHIROKOV – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (oleg_shirokov_1970@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6218-8948).

RUSTEM A. IDRISOV – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (ridrisov21@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4737-0589).

Формат цитирования: *Яковлева Т.В., Иванова Т.Н., Широков О.Н., Идрисов Р.А.* Воспоминания ветеранов Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов как источник по устной истории формирования электротехнического кластера Чувашии // Вестник Чувашского университета. – 2020. – № 4. – С. 176–185. DOI: 10.47026/1810-1909-2020-4-176-185.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1) заявление автора на имя главного редактора;

2) анкета авторов;

3) ходатайство научного руководителя (для авторов статей, не имеющих ученых степеней).

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

1) классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);

2) инициалы и фамилия авторов;

3) название статьи;

4) ключевые слова;

5) аннотация статьи;

6) название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;

7) ключевые слова на английском языке;

8) аннотация на английском языке;

9) текст статьи;

10) пристатейный библиографический список;

11) транслитерированный библиографический список References;

11) сведения об авторе.

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подрисуночные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт ***на русском и английском языках в именительном падеже*** по следующей форме*: Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020 **№ 4**

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимова Е.Ю., Канцерова И.Е.
Трансформация семейно-бытовых охранительных обрядов чувашей Цильнинского района Ульяновской области.....5

Гвоздков Ю.Ю.
Билеты государственного казначейства и их купоны в качестве денежных суррогатов на территории Симбирской губернии в 1917–1922 годах.....12

Григорьев А.Д., Карпов А.В., Харитонов М.Ю.
Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии 28

Иванов В.П., Сафин М.Х.
История старинного чувашского села Слакбаш.....36

Казанцева Л.В., Широков О.Н.
Развитие текстильной отрасли Чувашии в 1929–1934 годах.....45

Карпова О.В., Муравьева И.В., Павлова А.Н., Ткаченко Е.В.
Проблемы этнокультурного развития в Чувашии: по материалам социологических опросов.....53

Козьякова Н.С.
Национализация банков и промышленности в Австрии в 1945–1946 годах 64

Маньков А.В., Паберзс А.И.
Литераторы «Симбирского Возрождения» 77

Петров И.Г.
Одежда покойника в контексте похоронно-поминальных обычаев и обрядов чувашей.....86

Похилюк А.В., Шувалов Д.В., Шувалова М.А.
Исторический анализ привлечения и переориентирования невоенных предприятий и организаций СССР на выпуск военной продукции в годы Великой Отечественной войны.....100

Родионов В.Г.
Реконструкция чувашского календаря и обрядового комплекса *калăм*.....108

Рухлин А.Н.
Первая мировая война и ее отражение в симбирских и самарских епархиальных журналах Русской православной церкви.....126

Салмин А.К.
Историко-этнографическая идентичность чувашей.....139

Сафин Ф.Г., Мухтасарова Э.А., Халиулина А.И.
Национальный медиаландшафт как фактор сохранения этнической идентичности (на примере чувашеязычных массмедиа в Башкортостане) 147

Семенова И.Ю.
Вклад Цивильского детского городка имени В.И. Ленина (1926–1934) в государственное дело борьбы с беспризорностью на территории Чувашской АССР 159

Хомяков С.В.
Образ уставщика в документах властей и описаниях исследователей старообрядчества Бурятии (конец XIX – начало XX века) 166

Яковлева Т.В., Иванова Т.Н., Широков О.Н., Идрисов Р.А.
Воспоминания ветеранов Чебоксарского завода электрических исполнительных механизмов как источник по устной истории формирования электротехнического кластера Чувашии..176

Правила для авторов 186

VESTNIK CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

HISTORICAL SCIENCES

2020 **№ 4**

CONTENTS

Anisimova E.Yu., Kantserova I.E.
TRANSFORMATION OF FAMILY AND HOUSEHOLD PROTECTIVE RITES OF THE CHUVASH IN TSILNINSKY DISTRICT OF ULYANOVSK REGION 2

Gvozdkov Yu.Yu.
NOTES OF THE STATE EXCHEQUER AND THEIR COUPONS AS MONETARY SURROGATES ON THE TERRITORY OF SIMBIRSK PROVINCE IN 1917–1922 12

Grigoriev A.D., Karpov A.V., Kharitonov M.Yu.
HISTORICAL MEMORY OF THE YOUTH ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945: ON THE EXAMPLE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN CHUVASHIA ... 28

Ivanov V.P., Safin M.Kh.
HISTORY OF THE ANCIENT CHUVASH VILLAGE SLAKBASH 36

Kazantseva L.V., Shirokov O.N.
DEVELOPMENT OF THE TEXTILE INDUSTRY IN CHUVASHIA IN 1929–1934 45

Karpova O.V., Muravyeva I.V., Pavlova A.N., Tkachenko E.V.
PROBLEMS OF ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT IN CHUVASHIA: BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL SURVEYS 53

Kozyakova N.S.
NATIONALIZATION OF BANKS AND INDUSTRY IN AUSTRIA IN 1945–1946 64

Mankov A.V., Paberzs A.I.
LITERARY FIGURES OF «SIMBIRSK RENAISSANCE» 77

Petrov I.G.
CLOTHING OF A DECEASED IN THE CONTEXT OF FUNERAL AND COMMEMORATIVE CUSTOMS AND RITUALS OF THE CHUVASH 86

Pokhilyuk A.V., Shuvalov D.V., Shuvalova M.A.
HISTORICAL ANALYSIS OF ATTRACTING AND REORIENTING NON-MILITARY ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS OF THE USSR TO PRODUCE MILITARY PRODUCTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 100

Rodionov V.G.
RECONSTRUCTION OF THE CHUVASH CALENDAR AND THE RITUAL COMPLEX *KALAM* 108

Rukhlin A.N.
WORLD WAR I AND ITS REFLECTION IN SIMBIRSK AND SAMARA EPARCHIAL JOURNALS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH 126

Salmin A.K.
HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC IDENTITY OF THE CHUVASH 139

Safin F.G., Mukhtasarova E.A., Khaliulina A.I.
NATIONAL MEDIA-LANDSCAPE AS A FACTOR TO PRESERVE THE ETHNIC IDENTITY (on the example of Chuvash-speaking mass media in Bashkortostan) 147

Semenova I.Yu.
CONTRIBUTION OF THE CIVIL CHILDREN'S TOWN NAMED AFTER V.I. LENIN (1926–1934) IN THE STATE CASE OF COMBATING HOMELESSNESS IN THE TERRITORY OF THE CHUVASH ASSR 159

Khomyakov S.V.
THE IMAGE OF THE RITUALIST IN THE DOCUMENTS OF THE AUTHORITIES AND DESCRIPTIONS OF RESEARCHERS OF THE OLD BELIEVERS OF BURYATIA (late 19th – early 20th century) 166

Yakovleva T.V., Ivanova T.N., Shirokov O.N., Idrisov R.A.
MEMOIRS OF VETERANS OF CHEBOKSARY ELECTRIC ACTUATORS PLANT AS A SOURCE OF THE ORAL HISTORY OF THE FORMATION OF CHUVASHIA'S ELECTRICAL ENGINEERING CLUSTER 176

RULES FOR THE AUTHORS 186

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (16+)

Исторические науки

№ 4 2020

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***Н.Н. Иванова***

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66541 от 21.07.2016 г.

Сдано в набор 02.09.2020. Подписано в печать 10.12.2020. Выход в свет 25.12.2020.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 16,6.
Тираж 200 экз. Заказ № 1078. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя
428015, Чебоксары, Московский просп., 15

Типография Чувашского университета
428015, Чебоксары, Московский просп., 15